

Индекс П8643

1
2022

РОССИЯ XXI 2022 1

РОССИЯ XXI

1.2022 январь-февраль

Геоглобалистика

Вартан Эйриян

Минский маятник:
последствия президентских выборов
в Белоруссии 2020 года _____ 6

Теория и практика политических игр

Игорь Татаринов

К вопросу «о передаче Крымской области
в состав Украинской ССР в 1954 году» _____ 24

Страницы истории

Владимир Дегоев, Ирина Стамова

Конгрессы-призраки в дипломатической
истории Северной войны 1700–1721 гг. _____ 46

Оксана Киянская

«Люди двадцатых годов»:
к семейной истории декабристов Матвея
и Сергея Муравьевых-Апостолов _____ 72

Наталья Черникова

Мастера законодательной техники:
Государственная канцелярия и ее штат _____ 100

Алла Морозова

А. А. Богданов и группа «Рабочая Правда» _____ 118

Ярлыки и мифы

Андрей Юрганов

О восприятии и трансляции первой
идеологической кампании Сталина
в сатирическом журнале «Крокодил»
(1928) _____ 136

Пути духовных исканий

Андрей Ранчин

О новой книге Андрея Каравашкина:
некоторые размышления _____ 166

Ресурсы нации

Николай Митрофанов

Бело-черный сериал изобретателя
Льва Термена _____ 182

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен

в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами). Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типोगрафии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Побеждает не обязательно
правое дело – но дело,
за которое лучше боролись.

Эгон Эрвин Киш

Какой смысл имеет сейчас
судьба? Политика –
вот судьба!

*Наполеон I
в беседе с Гёте*

Варган Эйриян

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

МИНСКИЙ МАЯТНИК: ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В БЕЛОРУССИИ 2020 ГОДА

УДК
327

В августе 2020 г. в Белоруссии прошли президентские выборы, следствием которых стало ухудшение отношений между Минском и Брюсселем. В статье рассматриваются международные последствия белорусских выборов, а также их влияние на российско-белорусские отношения. Уточняется роль СМИ в гибридном конфликте между Белоруссией и коллективным Западом. Автор затрагивает санкционную тематику, отмечая, как введение ограничительных мер против Белоруссии сказалось на ускорении строительства Союзного государства. Делается вывод о сужении у А.Лукашенко пространства для маневра, в связи с чем Москва может добиться реализации ряда своих стратегических замыслов.

In august, 2020 it was held the Belarus presidential election, which resulted in the aggravation of relations between Minsk and Brussels. The article reviews the international consequences of the election in Belarus, as well as its impact on the bilateral Russia-Belarus relations. The role of mass media in the hybrid conflict between Belarus and the West are specified. The author touches upon the sanctions with noting that imposing restrictions against Minsk has accelerated the Union State building. It is drawn a conclusion that A.Lukashenko's room for political manoeuvre has diminished, that is why Moscow is able to realize its strategic plans.

Ключевые слова: Белоруссия; Союзное государство; гибридная война; постсоветское пространство; санкции.

Key words: Belarus; the Union State of Russia and Belarus; hybrid war; the post-soviet space; sanctions.

E-mail: vartan_admg@mail.ru

В последние годы политическая обстановка на постсоветском пространстве становится все сложнее. Т.н. «дуга нестабильности», которую ранее эксперты зачастую проводили лишь по южной границе России, теперь стремится превратиться в замкнутое со всех сторон «кольцо нестабильности». К этому тренду можно отнести как разбалансировку ситуации на Донбассе в 2020–2021 гг. или практически полную потерю веры в возможность ведения адекватных переговоров с командой заменившего П.Порошенко В.Зеленского, так и поражение на выборах в Молдавии И.Додона, традиционно считавшегося пророссийским кандидатом. Безусловно, и южное направление было вынуждено претерпеть немало изменений: пылающее летом–осенью 2020 г. Закавказье и опасаящаяся продвижения движения «Талибан»¹ Центральная Азия являются тому яркими примерами. Тем не менее ключевым, на наш взгляд, элементом складывания т.н. «кольца нестабильности» вокруг России следует считать ситуацию в Республике Беларусь.

9 августа 2020 г. в Белоруссии прошли президентские выборы, в результате которых А.Лукашенко смог сохранить за собой власть, однако ценой практически невиданной ранее поляризации белорусского общества: убежденные в правоте экс-кандидата в президенты Республики Беларусь С.Тихановской и подстегиваемые иностранными и оппозиционными СМИ «толпы» людей объявили власти бойкот, начав открытое противостояние с политиком, занимающим пост главы государства последние 27 лет. Августовские события во многом послужили причиной кардинального ухудшения отношений между т.н. коллективным Западом и Минском, причем хроника событий отчетливо напоминает сводку новостей с фронта гибридной войны: стороны прибегают как к традиционным, так и к экономическим или информационным методам. Сейчас, спустя уже больше года после проведения президентской гонки, можно оценить, насколько успешными оказались усилия белорусских властей по противостоянию Западу. Более того, необходимо понять, как белорусская эпопея повлияла на российско-белорусские отношения, в т.ч. на процесс строительства Союзного государства и на российскую внешнюю политику в целом.

Августовские пушки 2020

Президентские выборы 2020 г. можно с уверенностью назвать началом новой страницы в истории Белоруссии: государство, традиционно считавшееся оплотом относительного спокойствия на постсоветском

¹ *Запрещенное в России движение.*

пространстве, вдруг резко заняло первые строчки на сайтах новостных и информационных агентств по всему миру. В нашем случае нет необходимости дополнительно останавливаться на хронологии внутривнутриполитических событий, разворачивавшихся преимущественно в Минске; важнее сконцентрироваться на том, каким образом произошедшее послужило спусковым крючком и своеобразной прелюдией к череде уже не только внутри-, но и внешнеполитических бифуркаций.

Подавляющее большинство оппозиционных и иностранных журналистов, находившихся в августе 2020 г. в столице Республики Беларусь, поспешило принять участие в освещении протестных мероприятий, сопровождавших президентские выборы и направленных, помимо прочего, на дискредитацию электорального процесса. Интересы журналистского сообщества при этом можно объяснять разными факторами: от, вероятно, искреннего желания добиться мнимой «справедливости» при организации и проведении выборов мероприятий до очевидного обслуживания запросов противников действующего президента. Тем не менее стремление предоставить массовой аудитории исключительно антиправительственную позицию и систематическое искажение реального положения дел послужило основной причиной жесткой реакции официального Минска. Уже в августе 2020 г. белорусскими властями было принято решение лишить аккредитации 19 журналистов иностранных СМИ, в число которых вошли сотрудники “Reuters”, “BBC”, “Radio Liberty” («Радио Свобода»), “ARD”, “Associated Press”, “Deutsche Welle”, “RFI” и “France-Presse” (“AFP”) [14].

Реакцию России на события в соседнем государстве можно назвать сдержанной. Комментарии официальных российских представителей не переходили грань, которая отделяла Москву от непосредственного вмешательства в электоральный процесс. В конце августа ситуацию прокомментировал В.Путин: «Вы знаете, на мой взгляд, мы ведем себя гораздо более сдержанно и нейтрально по отношению к событиям в Белоруссии, чем многие другие страны, и европейские, и американцы, те же самые США» [10]. Российский лидер подчеркнул значимость и близость Минска для Кремля, однако в его словах читалось беспокойство, связанное с желанием не допустить повторения украинского сценария. Несмотря на то, что, судя по всему, Москва хотя бы частично была солидарна с позицией А.Лукашенко, что августовские события – результат подрывной деятельности, а не усталости народа от многолетнего пребывания у власти одного конкретного человека, поддержка России ограничивалась политическими средствами и не выходила за рамки приличия. Вместе с тем было бесполезно отрицать то, что внимание Кремля было приковано к Мин-

ску: симптоматичным выглядит высказывание министра иностранных дел России С.Лаврова, допустившего, что «Беларусь, пожалуй, впервые столкнулась с серьезной угрозой дестабилизации, происходящей не без самого энергичного вмешательства извне» [16]. Казалось бы, российские политики в очередной раз сделали ставку на привычного партнера, однако реальность, как нам кажется, несколько сложнее. М.Захарова, рупор российского МИД, объясняя позицию Москвы по белорусскому вопросу, отметила, что с уважением следует относиться не только к электорату А.Лукашенко, но и к тем, кто отдал свой голос за других кандидатов, включая оппозиционных политиков. Подобная позиция является явным признаком нежелания Кремля нести репутационные издержки, поддерживая лишь одну сторону внутреннего конфликта. Более того, официальный представитель МИД России от имени страны поддержала «инициативу Президента Беларуси о проведении в стране конституционной реформы, направленной на либерализацию политической системы» [2]. Как мы видим, публично Россия отошла от старого принципа консерватизма в отношении установившихся на постсоветском пространстве партнерских или союзных режимов: осознание необходимости проведения постепенных преобразований в Белоруссии для удержания ее в орбите российского влияния, вероятно, перевесило убежденность в том, что Кремль априори обязан вторить каждому слову своего западного союзника.

Очевидно, несмотря на адекватность российской позиции по данному вопросу, решению внутривнутриполитических белорусских проблем это едва ли могло поспособствовать. Август и сентябрь 2020 г. практически для всех жителей республики оказались окрашены в крайне эмоциональные тона: поляризация общества, обнажившаяся с президентской гонкой, не могла бесследно исчезнуть сразу после ее проведения, тем более, когда одна из сторон отказалась признавать ее результаты. Забегая вперед, мы вправе сравнить август 2020 г. с летом 1914 г.: «Августовские пушки», как когда-то знаменитый историк Б.Такман назвала свою работу о начальных месяцах Первой мировой войны, прекрасно характеризуют и белорусскую эпопею. В обоих случаях довольно локальное происшествие спровоцировало череду глобальных событий, природа которых объясняется процессами, наблюдавшимися задолго до того, как пресловутые орудия открыли огонь. Как в прошлом веке, так и в сегодняшнем в самом центре водоворота оказалась маленькая страна, населению которой геополитические реалии и склоки чужды и непонятны.

Тем не менее среди всех белорусов, по меньшей мере, А.Лукашенко демонстрировал полное понимание ситуации: по словам главы государства,

страна столкнулась с хорошо известными майданными технологиями, которые были протестированы отнюдь не только в Украине, но также в Армении, Гонконге, Польше и арабском мире [17]. В характерной для себя манере белорусский президент предостерег Россию от пассивности, напомнив, что конечной целью провокаций и дестабилизации политической обстановки является ослабление Москвы. Слова, давно ставшие лейтмотивом посланий А.Лукашенко в адрес Кремля, теперь приобрели новый оттенок: если Россия и В.Путин, в частности, не хотят повторения у себя августовской ситуации, следует незамедлительно оказать поддержку братскому Минску. Этот посыл, несмотря на его очевидность, все же постепенно становился все более обоюдоострым. Привыкший к политическому маневрированию А.Лукашенко оказался в ситуации, когда лавировать меж двух центров силы становилось слишком рискованно: Запад уже на моменте августа–сентября 2020 г. все меньше хотел слушать белорусского лидера, в то время как Москва, осознающая, что, возможно, наконец-то появился шанс продвинуться в деле строительства Союзного государства, могла потребовать от Минска реальных уступок вместо очередных обещаний и уверток.

Сила слова в реалиях гибридной войны

На фоне того, как крупные игроки определялись со своей позицией по белорусскому вопросу, внутриполитическая ситуация в республике продолжала медленно тлеть. Даже с учетом того, что публикуемые оппозиционными СМИ показательные видеоролики, демонстрирующие противостояние «толп» обычных людей и стражей порядка, описывали альтернативную реальность преимущественно столичной жизни, очевидно, белорусские власти не могли не отреагировать на происходящее.

2 октября 2020 г. Советом Министров Республики Беларусь было принято Постановление №578, которым были внесены поправки в Положение о порядке аккредитации журналистов иностранных СМИ в Республике Беларусь [13]. Эти меры были направлены на радикальное решение вопроса, кто же все-таки будет лидировать в медийной сфере.

Необходимо остановиться на ключевых изменениях, которые претерпел документ, регламентирующий деятельность сотрудников иностранных СМИ в Беларуси:

1. Был изменен список необходимых для получения аккредитации документов. Согласно новой редакции Положения, для получения временной аккредитации должны быть поданы бумаги, подтверждающие намерение журналиста осуществлять профессиональную

- деятельность на территории Республики Беларусь (п. 6). Для получения постоянной аккредитации необходимо также приложить CV (curriculum vitae) и примеры журналистских материалов по белорусской тематике в случае их наличия (п. 7).
2. Детализировано, что сотрудники аппарата военных атташе и торговых представительств, а также члены их семей и члены семей сотрудников дипломатических представительств и консульских учреждений не могут быть аккредитованы в качестве журналистов иностранных средств массовой информации (п. 5).
 3. Согласно новым правилам, временную аккредитацию выдают в течение 5 дней со дня, следующего за днем получения документов от заявителя, однако на срок не более 14 календарных дней (п. 6). Прощая редакция документа предусматривала выдачу временной аккредитации в течение 20 дней на срок до 2 месяцев.
 4. Постоянная аккредитация выдается в течение 1 месяца. Постоянная аккредитация может быть выдана на 1 год с возможностью продления суммарно до 3 лет (п. 7–8). Ранее выдача постоянной аккредитации занимала до 2 месяцев, а предельный срок продления аккредитации указан не был.
 5. В числе новых оснований для лишения журналиста аккредитации фигурирует наличие установленных фактов нарушения законодательства Республики Беларусь. Кроме того, отдельно оговорена возможность отказать журналисту в продлении аккредитации в случае отсутствия у него публикаций по белорусской тематике за последний отчетный период (п. 9).
 6. МИД Белоруссии имеет право лишать аккредитации по ходатайству иных государственных органов и организаций. Основаниями для подобной процедуры являются наличие в материалах журналиста информации, представляющей угрозу национальной безопасности, территориальной целостности, общественному порядку, здоровью и нравственности населения, а также информации, распространение которой запрещено или ограничено (п. 10).
 7. После принятия Постановления от 2 октября 2020 г. выданные ранее аккредитационные карточки журналистов иностранных средств массовой информации утратили свою силу.
 8. Был включен пункт о необходимости соблюдения журналистами иностранных средств массовой информации норм профессиональной этики. Вместе с тем не указано, что нарушение данных норм

теоретически может являться основанием для лишения журналиста аккредитации.

9. При аккредитации журналистов приоритет отдается гражданам государств, в которых зарегистрировано иностранное средство массовой информации. В прошлой редакции дифференциация между иностранными гражданами и белорусами не проводилась.
10. Предусмотрена возможность онлайн подачи заявления на получение аккредитации. Решение, вероятно, было обусловлено эпидемиологической ситуацией.

Любопытно, каким образом это было подано внутренней белорусской аудитории. На сайте Министерства иностранных дел Республики Беларусь был размещен материал, освещающий вступление в силу новых правил, касающихся процедуры получения аккредитации иностранными журналистами. В материале изменения представлены в качестве «норм, направленных на упрощение и облегчение порядка получения аккредитации» [19]. Подчеркивалось, что при составлении новой редакции документа учитывался опыт ведущих в области свободы слова стран, соседних государств, а также профильных международных организаций. Согласно МИД Белоруссии, внесение поправок соотносится с обеспечением информационного суверенитета страны, что фигурирует в качестве ключевой задачи в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь. Кроме того, белорусские власти упирали на неактуальность прошлой редакции Положения: принятые в 2008 г. нормы уже не соотносились с реально действующей практикой, в связи с чем внесение поправок в нормативно-правовой акт о порядке получения аккредитации являлось делом времени.

Несмотря на кажущийся формализм данных положений, некоторые из них вызывают явный интерес. На наш взгляд, ключевым стоит считать пункт о возможности лишать журналистов аккредитации из соображений национальной безопасности и т.п.: очевидно, в документе не определено, что следует понимать под указанными категориями. Если понятие «национальная безопасность» так или иначе раскрывается в белорусских доктринальных источниках, то «здоровье» и «нравственность населения» в принципе нигде не конкретизированы. Несложно догадаться, что включение данного пункта де-факто предоставляет белорусским властям карт-бланш на лишение любого журналиста возможности легально заниматься профессиональной деятельностью. Таким образом осуществляется четкий контроль за тем, что и в каком тоне говорит каждый работник СМИ о стране и власти.

Кроме того, менее броским, но не менее существенным является и проведение различительной черты между белорусами и гражданами других

государств. Многие серьезные издания привлекали на работу в первую очередь местных специалистов, знакомых со спецификой страны и знающих, откуда можно черпать информацию. С октября 2020 г. белорусам, желающим писать материалы для зарубежных СМИ, массово отказывают в предоставлении аккредитации. В условиях резкого прекращения действия старых аккредитационных карточек немалая доля иностранных СМИ потеряла возможность осуществлять полноценную деятельность по освещению текущих событий. Логика официального Минска в этом случае предельно проста: если рассматривать августовские события исключительно в качестве происков коллективного Запада, то любое проявление оппозиционности становится синонимичным сговору с иностранными кураторами. Соответственно удар по журналистской деятельности, осуществляемой под патронажем зарубежных медиа-центров, должен привести к «оздоровлению» информационного поля. Помимо этого, власть гарантировала себе возможность всегда держать руку на пульсе: раз временная аккредитация выдается на срок всего до 2 недель, можно в сжатые сроки избавиться от неудобного официальным лицам журналиста.

Следствием подобной политики, проводимой и на момент сентября 2021 г., могут стать как радикализация общественных настроений или переход подвергающихся давлению СМИ на информационные площадки, менее поддающиеся контролю белорусских властей (Telegram-каналы), так и постепенное «охлаждение» белорусской аудитории к оппозиционной повестке, продвигаемой большей частью журналистов иностранных СМИ. Так или иначе изменение процедуры выдачи аккредитации и блокировка ряда электронных ресурсов являются показательными маркерами курса на маргинализацию иностранных и оппозиционных СМИ, которые рассматриваются исключительно в качестве проводников антиправительственного курса.

Стоит добавить, что инструментарий белорусских властей по борьбе с иностранным влиянием в медиа-сфере относительно ограничен. Как мы заметили, большое количество иностранных СМИ, не имея возможности функционировать в привычном формате, переходят в Telegram, понимая, что на сегодняшний день официальный Минск не в силах заблокировать лишь отдельные Telegram-каналы: необходимо либо блокировать всю платформу, либо обходиться исключительно правовыми, а не техническими методами борьбы с оппозицией. При этом даже беглого взгляда на онлайн-ресурсы, позиционирующие себя в качестве поборников свободы, достаточно, чтобы увидеть, что А.Лукашенко и его сторонники проигрывают Telegram-борьбу даже на уровне количества подписчиков. Для нас не столь важно, строго говоря, какова среди лю-

дей, регулярно читающих критикующие власть СМИ, доля именно белорусов – сам факт наличия широкой публики, которой можно подавать информацию, одетую зачастую в излишне эмоциональные одежды, говорит о многом. Помимо наиболее очевидного, свидетельствует он и о том, что распространение т. н. “fake news” или просто недостоверных данных давно стало инструментом политической, а также гибридной войны.

Может сложиться впечатление, якобы проблема выдачи аккредитации журналистам является локальной, а ее влияние ограничивается крайне узкой нишей. Однако с учетом понимания того, что практически все методы работы со СМИ, либо противостояния их воздействию очень быстро берутся на вооружение адептами войн нового типа, вне зависимости от изначальных намерений журналистов, на этот конкретный случай стоит постараться взглянуть без излишнего скептицизма. Кроме того, принимая во внимание традиционное внимание стран коллективного Запада к проблематике прав и свобод, очевидно, мы вправе указать на то, что это стало еще одной причиной стремительного ухудшения отношений Европы и США с А. Лукашенко.

**«Не было бы счастья,
да несчастье помогло»**

Западные партнеры, диалог с которыми белорусским властям всегда был особенно интересен в связи с упомянутой стратегией маневрирования, отреагировали на августовские события, видимо, жестче, чем того ожидал и сам А. Лукашенко. 21 сентября 2020 г. прошла встреча глав МИД государств-членов Европейского союза с экс-кандидатом в президенты Республики Беларусь С. Тихановской, после чего Совет Евросоюза обсудил возможность принятия санкционных ограничений против Беларуси; 23 сентября 2020 г. Европейский союз отказался признавать инаугурацию А. Лукашенко легитимной, а 2 октября 2020 г. принял индивидуальные санкции против 40 белорусских официальных лиц, якобы причастных к фальсификации результатов августовских президентских выборов [7].

Справедливости ради, заметим, что Белоруссия живет под санкциями не первый год: история санкционной политики Запада в адрес Минска пишется уже более десятилетия. Однако именно после президентских выборов 2020 г. рестрикции стали переходить на совсем другой уровень. Доскональный разбор деятелей, попавших в октябрьский санкционный список, не является целью данной статьи, однако показательно хотя бы то, что персона самого главы белорусского государства на тот момент в нем не фигурировала. Можно долго спорить, являлось ли это попыткой

соблюдения хоть какого-то политического этикета либо же прозрачным намеком на то, что примирение Брюсселя и Минска еще вполне возможно, но так или иначе первым раундом ограничений А. Лукашенко, по-видимому, напугать не удалось.

Впрочем, вскоре данный процесс стал набирать обороты: 6 ноября и 11 декабря 2020 г. были приняты второй и третий пакеты санкций, соответственно, в результате которых под ограничения попали уже и юридические лица. Рестрикциям были подвергнуты как белорусские гиганты а-ля ОАО «МЗКТ» или ОАО «Агат – электромеханический завод», так и фирмы, рассматриваемые в качестве «кошельков» А. Лукашенко, в частности, Dana Holdings [9]. Столь прицельный выпад со стороны Евросоюза был встречен шквалом эмоциональных комментариев белорусской стороны, в то время как МИД России, на удивление долгое время на пресс-конференциях и брифингах уклонялся от прояснения собственной позиции.

Ситуация изменилась лишь после того, как в мае 2021 г. официальный Минск пошел на задержание бывшего главного редактора оппозиционного и признанного в Белоруссии экстремистским Telegram-канала “Nexta” Р.Протасевича. Несмотря на то, что власти публично заявили о наличии весомых аргументов для посадки самолета, в котором находился оппозиционер и который не должен был делать остановку в Минске, практически все мировое сообщество осудило действия А. Лукашенко. Реакцией Европейского союза стал очередной пакет санкций. В июне 2021 г. был введен запрет на посадку, взлет и пролет через территорию Евросоюза для всех самолетов, оперируемых белорусскими авиаперевозчиками, под которыми понимаются все авиаперевозчики, имеющие действующую лицензию на выполнение полетов, выданную государственными органами Республики Беларусь [8]. Кроме того, в санкционный список был занесен еще ряд физических и юридических лиц: что немаловажно, помимо белорусов, связанных с Лукашенко, ограничениям был подвергнут и российский бизнесмен М.Гуцериев, считающийся «близким другом» белорусского президента. Наиболее же чувствительным ударом стали претензии Брюсселя к восьми компаниям, в числе которых, пожалуй, ключевой является ЗАО «ННК» [20]. Лишь четвертый пакет санкций вынудил М.Захарову от лица России официально прокомментировать сложившуюся ситуацию: «Солидарны с нашими белорусскими союзниками в категорическом неприятии односторонних нелегитимных ограничительных мер, которые вводятся западными странами в нарушение международного права. Действительно, как отмечается в комментарии МИД Республики Беларусь, это граничит с объявлением экономической войны». Также официальный представи-

тель МИД России уточнила, что «противоправный и политически инспирированный характер ЕСовских ограничений лишней раз подтверждается тем, что в Брюсселе, принимая их, даже не стали дожидаться итогов международного расследования экстренной посадки самолета авиакомпании "Райанэйр" в Минске, осуществляемого по линии ИКАО» [3]. Акцент на объявлении т. н. «экономической войны» связан с пониманием противостояния коллективного Запада и Белоруссии как гибридного конфликта. Однако Евросоюз не остановился на достигнутом. 24 июня 2021 г. появилось сообщение об очередном пакете санкционных ограничений, которым вводились в действие секторальные рестрикции [6].

Не останавливаясь подробно на всех отраслях, затронутых июньскими санкциями, отметим, что Европа ударила в самое сердце белорусской экономики: в частности, запрет на поставку нефтепродуктов и калийных удобрений, даже несмотря на известные изъятия, должен был крайне негативно отразиться на положении Белоруссии. Однако проведенный специалистами анализ говорит о том, что санкции все еще носят политический характер и не особенно влияют на белорусскую экономику [11]. При этом показательно, что в скором времени Белстат (Национальный статистический комитет) принял решение о прекращении публикации статистических данных об экспортно-импортных поставках ряда товарных позиций, среди которых ожидаемо оказались столь важные разделы, как «Минеральные продукты» и «Продукция химической и связанной с ней отраслей промышленности» [1]. Возможно, данный шаг стоит считать предвестником тех или иных махинаций со стороны Минска, призванных хотя бы частично сгладить последствия секторальных санкций. Уже более чувствительным следует считать запрет на поставки белорусских калийных удобрений через прибалтийские порты, однако и здесь существует возможность обойти препятствие, перенаправив транзит в Мурманск [22].

Постепенный переход Европы к более жестким санкциям отражает одну важную тенденцию: Запад все меньше хочет вести диалог с А.Лукашенко, считая его «последним диктатором Европы». Безусловно, при соответствующей конъюнктуре президент Республики Беларусь, известный своими политическими маневрами, может постараться вновь наладить связи со своими бывшими партнерами, однако динамика последнего года показывает, что многие мосты если не сожжены, то точно требуют основательного восстановления. В своем неприятии официального Минска Брюссель оказался не одинок: ровно в годовщину августовских событий 2020 г. Вашингтон, Оттава и Лондон решили напомнить о якобы «украденных» президентских выборах, также введя различные санкции в отношении Белоруссии.

Парадоксально, но, как видно, именно эта череда событий привела к тому, что А. Лукашенко оказался вынужден все же пойти на более тесное, нежели он сам ранее рассчитывал, сближение с Россией. «Не было бы счастья, да несчастье помогло, – сказал глава государства. – Мы остались вдвоем – Беларусь и Россия. Потому что удар оттуда наносился через Беларусь, как всегда было, в сердце России. Мы мгновенно поняли, что от нас хотят», – уверенно заявил Лукашенко в ходе «Большого разговора» с представителями общественности [5]. Если раньше подобные фразы посчитали бы дежурными и не придали бы им огромного значения, то в условиях, когда главе белорусского государства крайне необходима внешняя поддержка, послыл был понятен: Лукашенко готов пойти на дальнейшую интеграцию с Россией, если это принесет ему политические дивиденды. Правда, при одном условии, которое в интерпретации президента звучало следующим образом: «И когда я слышу эти намеки, что Беларусь войдет в состав России, я думаю, а нужна ли России еще одна головная боль? Нет, и Президент России так это и понимает» [5].

Строили мы, строили...

Положение дел, сложившееся на момент конца лета 2021 г., примечательно тем, что как Белоруссия, так и Россия оказались заинтересованными в показательном прорыве в двусторонних отношениях. А. Лукашенко нужно было продемонстрировать населению, что ухудшение отношений с Западом вполне компенсируется сближением с Москвой, в то время как В. Путин мог, наконец, добиться уступок со стороны несговорчивого Минска в деле строительства Союзного государства. Более того, сентябрьские парламентские выборы, как полагают многие, требовали от российских властей работы с позитивной повесткой, понятной обычным людям. В случае внешнеполитического измерения для «Единой России» не было достижения лучше, нежели переход на качественно другой уровень взаимодействия с Белоруссией. Пусть зачастую поддержание хороших отношений с союзником россияне считают само собой разумеющимся фактом, подписание необходимых соглашений с Минском может заметно облегчить жизнь людям, которые активно ездят в соседнюю страну по работе или в отпуск. Впрочем, сам глава России постарался опровергнуть любые домыслы о том, что интенсификация диалога с Белоруссией как-то связана с предстоящими на тот момент выборами [15].

А. Лукашенко, еще летом пытавшийся убедить как белорусов, так и собственных союзников в том, что «страна, будучи связующим звеном между

Западом и Востоком, попала в эпицентр цивилизационного противостояния», решил встать на путь улучшения отношений с Москвой, который ранее постоянно откладывал в долгий ящик [4]. 10 сентября 2021 г. стороны согласовали 28 союзных программ, т.е. проектов двустороннего интеграционного строительства в конкретных сферах, реализация которых может означать значительное укрепление потенциала Союзного государства. Согласно тексту совместного заявления глав правительств М. Мишустина и Р. Головченко, опубликованного на сайте правительства России, договоренности были достигнуты по сотрудничеству в самых разных сферах, однако наибольшее внимание привлекает пункт № 15 о формировании объединенного рынка газа [18]. Подписание любых документов с А. Лукашенко во многом упиралось в необходимость преодолеть разногласия в части работы рынков газа, нефти и нефтепродуктов: в частности, глава Белоруссии не уставал напоминать, что никакая интеграция, по его мнению, не может быть осуществлена, если «у вас цены на природный газ в два–три раза ниже, чем в Беларуси» [5]. На сегодняшний день известно лишь то, что цены на российский газ для Белоруссии на 2022 г. были согласованы, к июлю 2022 г. должны быть разработаны принципы функционирования и регулирования объединенного рынка газа, а до 1 декабря 2023 г. необходимо подписать документы, уточняющие различные принципы работы создаваемого рынка. Вместе с тем согласование даже этих пунктов, судя по всему, подтверждает мысль белорусского политолога А. Шрайбмана, что А. Лукашенко находится в «антитефлоновой» ситуации, когда «все репутационные проблемы не отскакивают от режима, а липнут к нему» [21]. Маловероятно, что в противном случае президент Белоруссии пошел бы на шаг, от которого уклонялся столько лет. Между тем, как нам кажется, было бы неправильно лелеять избыточные надежды относительно Союзного государства: интеграционному объединению необходимо решить еще целый комплекс проблем, чтобы стать основой для дальнейшего поступательного развития экономик обеих стран. Поиск компромисса в валютной и налоговой отраслях, ведение социально-ориентированных проектов, возможный переход к непосредственно «Союзному» производству – это лишь часть постоянно обсуждаемых аспектов, многие из которых, судя по имеющейся на момент сентября 2021 г. информации, лишь частично затронуты, либо вообще не фигурируют в согласованном документе. Кроме того, следует дожидаться реализации положений, прописанных в упомянутых программах, чтобы убедиться, что зафиксированные постулаты не станут пустыми словами. В конце концов, стороны отошли от изначального видения подготовлен-

ных еще несколько лет назад «дорожных карт», так что, возможно, Кремль изменил и свое отношение к интеграции в целом.

**«Я показал, что я на месте.
И я не трус. И я не боюсь»**

В течение всего одного года международное положение Белоруссии сильно изменилось. Президентские выборы августа 2020 г. привели к тому, что западный мир рассматривает Белоруссию в качестве если не “rogue state” или «несостоявшегося государства», то авторитарной страны, противостояние с властями которой якобы может даровать населению гражданские права и свободы. Напора коллективного Запада могло бы хватить для дестабилизации ситуации в любой другой точке постсоветского пространства, но не в Белоруссии. «Я показал, что я на месте. И я не трус. И я не боюсь». Так Лукашенко объяснил свое появление на публике с автоматом, намекая на то, что подорвать белорусский режим он не даст [12]. Теперь президенту Белоруссии, понимающему, что ему вновь каким-то образом нужно сплотить население, причем сделать это исключительно вокруг своей фигуры уже слишком сложно, предстоит искать новые пути преодоления внутривнутриполитических проблем.

России же, несмотря на кажущуюся выгоду продвижения в деле строительства Союзного государства, стоит помнить о том, что ее визави, будучи мастером политического маневрирования, при первой возможности может уклониться от имплементации взятых на себя обязательств. Нет необходимости осуществлять жесткую привязку Белоруссии к России, так как это повлечет за собой лишь отторжение Москвы со стороны обычных белорусов, однако, пока есть такая возможность, желательно добиться гарантий, что насущные двусторонние вопросы будут постепенно решаться. С учетом того, что в последнее время Россия ведет себя все более аккуратно на постсоветском пространстве и не торопится совершать, как может показаться, необдуманные действия, направленные исключительно на поддержку правящей элиты, стоит также присмотреться и к белорусскому обществу. Раз А.Лукашенко заявил о готовности осуществить транзит власти в ближайшие годы, а Россия, в свою очередь, поддержала начинание стратегического союзника, необходимо заранее продумать стратегию взаимодействия с, вероятно, наиболее значимым для Москвы партнером. В противном случае, к сожалению, «кольцо нестабильности», о котором пока говорят с неуверенностью, рискует окончательно замкнуться по периметру Российской Федерации.

Библиографический список

1. Белстат засекретил статистику на 14,5 миллиардов долларов // Белорусский партизан. 17.08.2021. URL: <https://belaruspartisan.by/economic/543444/> (дата обращения: 18.08.2021)
2. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 17 сентября 2020 года // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. 17.09.2020. URL: https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMqBY/content/id/4340834#0 (дата обращения: 17.08.2021)
3. Брифинг официального представителя МИД М.В.Захаровой, Москва, 23 июня 2021 года // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. 23.06.2021. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4797864#0 (дата обращения: 16.08.2021)
4. Встреча с активом местной вертикали по актуальным вопросам общественно-политической обстановки // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. 30.07.2021. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-aktivom-mestnoy-vertikali-po-aktualnym-voprosam-obshchestvenno-politicheskoy-obstanovki> (дата обращения: 16.08.2021)
5. Встреча с журналистами, представителями общественности, экспертного и медийного сообщества «Большой разговор с Президентом» // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. 09.08.2021. <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-zhurnalistami-predstaviteliymi-obshchestvennosti-ekspertnogo-i-mediynogo-soobshchestva-bolshoy-razgovor-s-prezidentom> (дата обращения: 15.08.2021).
6. Евросоюз ввел секторальные санкции против Белоруссии // РБК. 24.06.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/06/2021/60d468669a7947230c05f737> (дата обращения: 12.09.2021)
7. Евросоюз согласовал санкции против Белоруссии // РБК. 02.10.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/10/2020/5f766a4d9a7947c7e675285b> (дата обращения: 12.09.2021)
8. ЕС запретил всем белорусским авиакомпаниям полеты над странами сообщества // РБК. 04.06.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/06/2021/60ba2bc79a794715e0edb811> (дата обращения: 12.09.2021)
9. ЕС запустил третий пакет санкций по Беларуси // Sputnik Беларусь. 17.12.2020. URL: <https://sputnik.by/20201217/ES-zapustil-tretyi-paket-sanktsiy-v-otnoshenii-Belarusi-1046423513.html> (дата обращения: 12.09.2021)
10. Интервью телеканалу «Россия» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 27.08.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63951> (дата обращения: 17.08.2021)
11. Как санкции повлияли на торговлю Беларуси и ЕС // Евразия. Эксперт. 10.08.2021. URL: <https://eurasia.expert/kak-sanktsii-povliyali-na-torgovlyu-belarusi-i-es/> (дата обращения: 17.08.2021)

12. «Моя страна здесь, и я буду эту страну защищать». Полный текст большого интервью с Александром Лукашенко // Russia Today. 09.09.2020. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/781543-lukashenko-intervyu-polnyi-tekst> (дата обращения: 16.08.2021)

13. Постановление Совета Министров Республики Беларусь №02.10.2020 «Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 25 декабря 2008 г. №2015» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 02.10.2020. https://pravo.by/upload/docs/op/C22000578_1601672400.pdf (дата обращения: 15.08.2021)

14. Работающих в Беларуси на иностранные СМИ журналистов массово лишают аккредитации // Белорусская ассоциация журналистов. 29.08.2020. URL: <https://baj.by/be/content/rabotayushchih-v-belarusi-na-inostrannye-smi-zhurnalistov-massovo-lishayut-akkreditsii> (дата обращения: 04.09.2021)

15. Рабочий визит в Российскую Федерацию. Переговоры с Владимиром Путиным // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. 09.09.2021. URL: <https://president.gov.by/ru/events/rabochiy-vizit-v-rossiyskuyu-federaciyu-1631167959> (дата обращения: 13.09.2021)

16. Россия осуждает попытки давления на законные власти Беларуси со стороны отдельных стран – Лавров / БелТА. 02.09.2020. URL: <https://www.belta.by/politics/view/rossija-osuzhdaet-popytki-davlenija-na-zakonnye-vlasti-belarusi-so-storony-otdelnyh-stran-lavrov-405170-2020/> (дата обращения: 17.08.2021)

17. Семь этапов сценария по уничтожению Беларуси – Лукашенко рассказал об истинных замыслах оппонентов // БелТА. 16.09.2020. URL: <https://www.belta.by/president/view/sem-etapov-stsenarija-po-unichtozheniju-belarusi-lukashenko-rasskazal-ob-istinnyh-zamyslah-opponentov-406999-2020/> (дата обращения: 17.08.2021)

18. Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. 10.09.2021. URL: <http://government.ru/news/43234/> (дата обращения: 13.09.2021)

19. Сообщение Министерства иностранных дел «О возобновлении работы комиссии по вопросам аккредитации журналистов иностранных СМИ» // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь. 02.10.2020. https://mfa.gov.by/press/news_mfa/edfd3a91aec30891.html (дата обращения: 15.08.2021)

20. Четвертый пакет санкций в отношении Белоруссии // РБК. 21.06.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/06/2021/60d0a3a69a79476d63486250> (дата обращения: 12.09.2021)

21. Шрайбман А. Гроза Европы. Как далеко зайдет конфликт Минска с западными соседями // Moscow Carnegie Center. 10.08.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85129> (дата обращения: 20.08.2021)

22. Экспорт белорусских удобрений через Литву остановится в декабре – Минтранс страны // Спутник Беларусь. 12.08.2021. <https://sputnik.by/20210812/eksport-belorusskikh-udobreniy-cherez-litvu-ostanovitsya-v-dekabre-mintrans-strany-1055598136.html> (дата обращения: 15.08.2021)

Людская глупость, вообще говоря, сильнее влияет на ход истории, чем людская злоба.

Алан Джон Тейлор

За политиками, как и за
пьяницами, убирать всегда
приходится нам.

Остин О'Малли

Игорь Татаринов

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ В СОСТАВ УКРАИНСКОЙ ССР В 1954 ГОДУ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК

94(470)+94(477)«1954»

В статье получил освещение процесс передачи Крымской области РСФСР в состав УССР в 1954 году. Автор подчеркивает, что вопрос о причинах изменения советским руководством статуса и юрисдикции Крымского полуострова и пересмотр межреспубликанских границ по-прежнему далек от своего однозначного разрешения. В 2014 году шестидесятилетний период пребывания Крыма и Севастополя в составе Украинской ССР завершился. Исследуемые события и в XXI веке являются предметом острых научных дискуссий и околонучных спекуляций, а некоторые политические силы в Украине активно муссируют вопрос политического статуса Крыма в своей риторике. В основе статьи лежат документы из фондов российских и украинских архивов, а также различные опубликованные материалы.

The article covered the issue of transferring the Crimean region of the RSFSR to the Ukrainian SSR in 1954. The author emphasizes that the question of the reasons for the change by the Soviet leadership of the status and jurisdiction of the Crimean peninsula and the revision of the inter-republican borders is still far from its unambiguous decision. In 2014, the sixty-year period of Crimea and Sevastopol staying within the Ukrainian SSR was ended. The events under study in the 21st century are the subject of heated scientific discussions and pseudo-scientific speculations, and some political forces in Ukraine are actively discussing the issue of the political status of Crimea in their rhetoric. The article is based on documents from the funds of Russian and Ukrainian archives, and various published materials.

Ключевые слова: Крым; Севастополь; Крымская область; Украинская ССР; РСФСР; украино-российская граница.

Key words: Crimea, Sevastopol, Crimean region, Ukrainian SSR; RSFSR; Ukrainian-Russian border.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Сегодня украино-российское информационное пространство характеризуется нарастанием воинственной риторики, звучат имеющие яркую эмоциональную окраску территориальные претензии и мнимые исторические обиды. В связи с этим важно обратиться к отдельным страницам довольно острого в совместном российско-украинском историческом прошлом административно-территориального спора о межреспубликанских границах. Неудовлетворенность его итогами сегодня приобрела новое измерение, особенно в свете произошедших в 2014 году в Киеве и Крыму событий. Украина достаточно регулярно обвиняет Российскую Федерацию в аннексии Крыма и Донбасса, официально озвучивая и собственные намерения вернуть «украинские этнические земли». В частности, в украинском парламенте – Верховной Раде, в 2019 году ряд депутатов сформировал межфракционное объединение «Кубань», поставив задачу по выработке «политики по возвращению в культурное, политическое и социальное поле украинских этнических территорий и этнических украинцев» [19]. Подобные действия лишь ухудшают российско-украинские отношения, находящиеся сегодня и без того в упадке. Таким образом, поднятый в статье сложный и до сих пор дискуссионный вопрос заслуживает определенной детализации.

Краткая историография вопроса

Исследуемая проблематика неоднократно находила свое отражение как в советской, так и в современной отечественной историографии. Еще в годы существования СССР вопрос присоединения Крыма к УССР получил освещение в ряде обобщающих работ [25; 29; 36; 39; 50]. Важно отметить, что эти исследования были выдержаны в духе господствовавшей концепции «дружбы народов», однако их авторы не смогли отобразить всю сложность и, как показали последующие события, противоречивость принятого в 1954 году решения. Современные авторы, над которыми не тяготеют различные идеологиемы, предлагают более разнообразный анализ проблемы. Прежде всего, стоит отметить некоторые работы, затронувшие вопросы политического статуса полуострова и различные аспекты пребывания в Крыму Черноморского флота [21; 48–49]. Из последних работ отметим, например, исследование А. Махнырева, проанализировавшего политический контекст 300-летия воссоединения Украины и России в 1954

году [32], статьи С. Мошкина [34], Д. Караичева [27–28] и других авторов.

Отдельный блок по исследуемому вопросу составляет мемуарная литература, оставленная как непосредственными очевидцами описываемых событий, так и современниками исследуемой в настоящей статье послевоенной эпохи [16; 23; 33; 35; 52].

Многолетнее пребывание Крыма в составе Украины обусловило формирование обширного украинского историографического массива. Исследуемым в нашей статье интеграционным аспектам и административно-территориальным трансформациям на Крымском полуострове были посвящены работы таких известных украинских ученых, как Р. Губань [20], С. Кульчицкий [30–31], О. Андрощук [17], В. Сергийчук [42–44], В. Чумак [51] и др. В своих трудах они оперировали многочисленными архивными документами, преимущественно украинского происхождения, сформировав в Украине довольно специфический нарратив о «многолетнем и закономерном стремлении Крыма войти в состав Украины». Вне всякого сомнения, нынешняя политическая конъюнктура в Украине, связанная с особенностями российско-украинских отношений, не позволяет местным ученым более критично подойти к этому вопросу. В то же время важно отметить вклад украинских исследователей в части введения в научный оборот неизвестных и малоизвестных широкой научной общественности документальных комплексов.

**От республики к области:
трансформации статуса Крыма
в 1921–1954 гг.**

Как известно из документов, еще 30 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило Народному комиссару по делам национальностей

И. Сталину внести проект создания автономии в Крыму в Совнарком и ВЦИК, «создав для детального изучения вопроса полномочную комиссию...» [10, л. 1]. В том же году на майском Пленуме ЦК РКП(б) было принято решение о создании Крымской Автономной Социалистической Советской Республики по территориальному принципу [46, с. 23]. 24 мая 1921 г. протокольным постановлением Политбюро ЦК РКП(б) «постановление об образовании Крымской Республики» было подтверждено [11, л. 2].

Формально Крымская АССР была образована постановлением ВЦИК и СНК от 18 октября 1921 г. Причем вновь созданная республика вошла в состав РСФСР «в границах Крымского полуострова из существующих

округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского» [45, с. 1]. Однако официальные мероприятия затянулись. Лишь 7 ноября на Первом Всекрымском учредительном съезде Советов делегатами было подтверждено создание Крымской АССР и одобрена Конституция Крымской АССР. В статье 3 Конституции Крыма речь шла о «твердой решимости остаться одной из составных частей общей федерации великой Российской республики на началах тесного и полного политического и экономического объединения для совместной борьбы за торжество коммунистической революции. Исходя из этого КрССР принимает и вводит в действие на всей территории Крыма все законодательные акты, которые действуют в РСФСР, как те, которые уже действуют, так и те, которые будут издаваться позже» [26, с. 465].

С конца октября 1941 г. по апрель – май 1944 г. полуостров был ареной кровопролитных сражений Великой Отечественной войны. С изгнанием немецко-фашистских оккупантов из Крыма и восстановлением системы советских центральных и местных органов власти и управления были немедленно начаты восстановительные работы. Кроме того, в 1944 г. с территории полуострова были полностью депортированы крымские татары, болгары, греки и армяне, отдельные представители которых запятнали себя коллаборационизмом в годы оккупации Крыма. Тогда же вышло постановление Совнаркома Крымской АССР и Бюро Крымского обкома ВКП(б) от 10 ноября 1944 г. «О переименовании некоторых районов и районных центров Крымской АССР». Согласно документу, был переименован ряд районов, названия которых «связаны с татарским, греческим или немецким происхождением» [13, л. 86–87].

Радикальные изменения в национальном составе полуострова обусловили трансформацию статуса Крыма, который уже практически не отличался от типичного территориального субъекта РСФСР. 30 июня 1945 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект указа Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР». Важно заметить, что в тексте протокольного постановления Политбюро в скобках содержалась важная оговорка: «без опубликования Указа в печати» [12, л. 9]. В тот же день вышел соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР, также с пометкой «без опубликования в печати» [12, л. 81]. К указу была приложена карта нового административно-территориального деления [6, л. 3]. Таким образом, в 1945 году Крым лишился своего автономного статуса.

Незадолго до передачи Крыма в состав Украинской ССР, в октябре 1948 г. состоялось выделение Севастополя «в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом» и отнесение «его к категории городов республиканского подчинения» [4, л. 1]. Соответствующий указ Президиума Верховного Совета РСФСР был подписан 29 октября под № 761/2. В итоге, Севастополь был юридически выведен из состава Крымской области, образовав на полуострове отдельную самостоятельную административно-территориальную единицу наряду с собственно Крымской областью. Заметим, что это решение, а также форсированное восстановление главной базы Черноморского флота, очевидно, было принято после визита в Севастополь советских руководителей (И. В. Сталина, А. Н. Косыгина и Н. А. Вознесенского) в августе 1948 года. 25 октября 1948 г. Совет министров СССР принял специальное Постановление № 403 «О мероприятиях по ускорению восстановления Севастополя», согласно которому предусматривалось «закончить восстановление Севастополя и главной военно-морской базы Черноморского флота в течение ближайших 3–4 лет» [40].

Кроме того, советское правительство запланировало на юге УССР, а также в Крыму возведение масштабных гидроэнергетических комплексов и различных инфраструктурных объектов. Для решения этих общесоюзных народнохозяйственных задач 20 сентября 1950 г. вышло Постановление Совета министров СССР «О строительстве Каховской гидроэлектростанции на реке Днепре, Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма». Целью было обеспечение «высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур в южных засушливых районах Украины и северных районах Крыма, значительного увеличения в этих районах производства главным образом хлопка и пшеницы, дальнейшего более быстрого развития высокопродуктивного животноводства и получения гидроэлектроэнергии для сельского хозяйства и промышленности». Кроме того, планировалось «обводнение одного миллиона семисот тысяч гектаров земель в южных районах Украины и северных районах Крыма». На союзные министерства электростанций, хлопководства, сельского хозяйства, совхозов, МВД, а также Гидропроект ССР, Совет Министров УССР и Крымский облисполком, ложилась обязанность «в двухмесячный срок выработать и представить в Совмин СССР мероприятия по обеспечению выполнения настоящего постановления» [5, л. 169–174].

169

*Утверждено
21.8.50*

Проект

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

№ 4000

Москва, Кремль

от "20" сентября 1950 г.

О строительстве Каховской гидроэлектростанции на реке Днепре, Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма.

В целях обеспечения высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур в южных засушливых районах Украины и северных районах Крыма, значительного увеличения в этих районах производства главным образом хлопка и пшеницы, дальнейшего более быстрого развития высокопродуктивного животноводства и получения гидроэлектроэнергии для сельского хозяйства и промышленности, Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Осуществить строительство оросительной системы для орошения полутора миллионов гектаров и обводнения сверх этого одного миллиона семисот тысяч гектаров земель в южных районах Украины и в северных районах Крыма и создать новую гидроэнергетическую базу на реке Днепре для снабжения электроэнергией сельского хозяйства и промышленности.

В указанных целях построить:

а) гидроэлектростанцию на реке Днепре в районе города Каховки установленной мощностью 250 тысяч киловатт с выработкой электроэнергии около одного миллиарда двусот миллионов киловатт-часов в средний по водности год, плотину, судоходный шлюз, крупное водохранилище емкостью 14 миллиардов кубометров и насосные станции;

б) Южно-Украинский канал с забором воды из Днепра в количестве 600-650 кубических метров в секунду по трассе от Запорожья на Днепре, к реке Молочной, далее в направлении Аскания-Нова до Сиваша и продолжением его - Северо-Крымский канал по трассе от Сиваша на Дикой по степным районам Крыма до Керчи - общей протяженностью обоих каналов 550 километров;

Постановление Совета министров СССР «О строительстве Каховской гидроэлектростанции на реке Днепре, Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма»

Таким образом, за несколько лет до передачи Крымской области в состав Украинской ССР, на юге страны, наряду с активными восстановительными мероприятиями, была запланирована и начата реализация ряда масштабных народнохозяйственных проектов. И, как показывал советский опыт прошлых административно-территориальных трансформаций, для Москвы выполнение экономических задач всегда было в приоритете. Как следствие, существующие границы легко видоизменялись, если это способствовало скорейшей и более эффективной реализации поставленных руководством СССР задач. Очевидно, в основе формирования решения по Крыму лежали главным образом экономические факторы, несмотря на некоторую «размытость» формулировок в последовавших позднее официальных документах.

Признать «целесообразным передать Крымскую область из состава РСФСР в состав УССР»

Существует предположение, что именно в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией в недрах Политбюро ЦК КПСС родился

проект присоединения Крымской области РСФСР к Украинской ССР. Мы не можем однозначно утверждать взаимосвязь этих событий. В тексте официальных документов нет никакой привязки к ним. Однако трудно не заметить синхронность событий, их символичность и глубокий смысл. Примечательно, что в украинской «диаспорной» историографии (например, в работах проф. И.П. Лысяк-Рудницкого) отмечали взаимосвязь 300-летия воссоединения Украины с Россией и передачу Крыма Украинской ССР, указывая на стремление Москвы «к разрядке в российско-украинских отношениях» и желание устранить «одну из причин украинского недовольства», а также на доминирование в партийном руководстве УССР украинцев. В частности, в июне 1953 г. Первым секретарем ЦК КПУ стал А.И. Кириченко [31, с. 144–145]. С этими тезисами частично согласен известный украинский ученый академик НАН Украины С.Кульчицкий, который, однако, заметил отсутствие в тексте постановления какой-либо привязки этих событий, указав на разворачивание советской пропагандой тезиса «о судьбоносном для Украины значении ее исконных связей с Россией» [31, с. 145].

На сегодняшний день научной общественности не известны документы, которые проливали бы свет на обстоятельства выработки такого, как показали последующие события, крайне резонансного решения. Возможно, архивный массив искомым документам пока еще находится под грифом «секретно», и в будущем они будут введены в научный оборот.

Праздничная демонстрация трудящихся по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией

Как бы то ни было, сегодня ученые оперируют ограниченным документальным комплексом, позволяющим рассмотреть передачу Крыма лишь в общих чертах. Известно, что уже зимой 1954 г. начинается подготовка оформления перехода Крыма в состав Украины. 1 февраля Никите Хрущеву поступило предложение о порядке проведения заседания Президиума Верховного Совета СССР по этому вопросу. Документ начинался с сопроводительной записки члена Президиума Верховного Совета СССР М.А.Суслова и секретаря Президиума Верховного Совета СССР Н.М.Пегова, в которой представлялось «на утверждение предложение о порядке проведения заседания Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению совместного представления Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» [9, л. 1–3]. В документе довольно детально описывался сценарий заседания Президиума Верховного Совета СССР с указанием выступающих и перечнем приглашенных руководителей от УССР, РСФСР и Крымской области.

Вопрос был рассмотрен в присутствии представителей Крымского облсовета и Севастопольского горсовета, также одобривших передачу Крыма в состав УССР [31, с. 145]. В качестве аргументов звучали: общность экономики, территориальная близость, тесные хозяйственные и культурные связи Крыма и Украины. Постановлениями Президиума Верховного Совета РСФСР и Совета Министров РСФСР от 5 февраля 1954 г. исходя из «общности экономики, территориальной близости и тяготения к УССР, тесных хозяйственных и культурных связей между Крымской областью и УССР» была инициирована передача «Крымской области из состава Российской Советской Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики» [3, л. 2]. В аналогичном ключе высказалось и правительство РСФСР в лице председателя Совета Министров А. Пузанова. В записке, отправленной в Президиум Верховного Совета РСФСР, признавалось «целесообразным передать Крымскую область из состава РСФСР в состав УССР» [3, л. 7].

Примечательно, что акт передачи Крыма Украинской ССР рассматривался также как «новое яркое проявление безграничного доверия и искренней любви российского народа, новое свидетельство нерушимой братской дружбы между российским и украинским народами» [41]. Постановление с ходатайством о передаче Крыма также было направлено в Верховный Совет СССР.

Специальным решением ЦК КПСС и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г. акт передачи был утвержден [7, л. 5]. 19 февраля на торжественном заседании президиума Верховного Совета СССР при участии партийного руководства УССР и РСФСР, первого заместителя председателя исполкома Крымского облсовета П. Лялина, а также председателей исполкомов Симферопольского и Севастопольского горсоветов Н. Каткова и С. Сосницкого был озвучен ряд мотивов, которыми, очевидно, руководствовались советские руководители при передаче Крыма Украине. Первым выступил председатель президиума Верховного Совета РСФСР М. Тарасов. Он отметил тесную экономическую связь с УССР и географическое положение Крыма как естественного продолжения южных степей Украины, что делает целесообразным «с географических и экономических соображений передачу Крымской области в состав братской Украинской республики... и соответствует интересам Советского государства» [41].

В выступлениях Д. Коротченко и Н. Шверника звучали слова об общности «экономического развития, территориальной близости и крепких хозяйственных и культурных связях» между УССР и Крымской

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Учитывая территориальное тяготение Крымской области к Украинской ССР, общность экономики и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Совет Министров РСФСР рассмотрел вопрос о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.

Совет Министров РСФСР признал целесообразным передать Крымскую область из состава РСФСР в состав УССР и просит Президиум Верховного Совета РСФСР рассмотреть этот вопрос и войти в Президиум Верховного Совета СССР с соответствующим представлением.

Председатель
Совета Министров РСФСР

(А. Пузанов)

" 5 " февраля 1954 г.
в Ан-137

Записка председателя Совета министров РСФСР А. Пузанова в Президиум Верховного Совета о признании целесообразным передать Крымскую область из состава РСФСР в состав УССР

областью. А общая граница Крыма с УССР обусловила «развитие общих культурных и хозяйственных связей Крымской области и Советской Украины». Что интересно, в краткой речи члена президиума Верховного

УКАЗ ПРЕЗИДИИ ВЕРХОВОЙ РАДЫ СРОД
УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СССР ОДНО СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМУЮЩИЙ ФОРМИО
СССР ЖИТАРИИ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИИИИИИИИ
СССР ОДНО СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМУЮЩИЙ ФОРМИО
СССР ЖИТАРИИ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМУЮЩИЙ ФОРМИО
СССР ОДНО СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМУЮЩИЙ ФОРМИО
СССР ЖИТАРИИ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМУЮЩИЙ ФОРМИО

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ПЕРЕДАЧЕ КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ ИЗ СОСТАВА
РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОСТАВ
УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР

Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик **п о с т а н о в л я е т:**

Утвердить совместное представление Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(К. Воршилов)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР -
(Н. Пегов)

Москва, Кремль.
19 февраля 1954 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г.
«О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР»

Совета СССР Ш.Рашидова прозвучали некоторые параллели между передачей Крымской области в состав УССР и днями, «когда весь советский народ отмечает 300-летие воссоединения Украины с Россией». Его коллега О.Куусинен отметил мирный характер межреспубликанских пограничных трансформаций, когда «территориальное перемещение отдельных областей в состав той или иной республики разрешаются без всяких затруднений, с полной согласованностью, руководствуясь исключительно соображениями целесообразности, экономического и культурного развития, руководствуясь общими интересами советского государства и интересами дальнейшего укрепления дружбы и доверия между народами» [8, л. 7–8].

В завершение глава Президиума Верховного Совета СССР К.Ворошилов среди прочего отметил «справедливое решение всех территориальных вопросов между союзными республиками, решения, основанные на хозяйственной, экономической целесообразности, при полной взаимной дружбе и братском сотрудничестве их народов» [8, л. 9]. По завершении выступлений вопрос был поставлен на голосование, и Президиум Верховного Совета СССР единогласно постановил утвердить «совместное представление Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики», с учетом «общности экономики, территориальной близости и тесных хозяйственных и культурных связей между Крымской областью и Украинской ССР» [8, л. 8–9].

Стоит отметить, что перед самым закрытием заседания вновь прозвучали параллели между передачей Крыма Украине и празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией. Ворошилов подытожил, что «этот дружественный акт [передачи] происходит в дни, когда советские люди отмечают замечательную историческую дату 300-летия воссоединения России с Украиной». Он также указал на дружбу народов как одну «из основ нашего многонационального великого Советского государства» [8, л. 10].

Юридические формальности продолжались до апреля 1954 года. 26 апреля вышеупомянутый указ поступил на утверждение сессии Верховного Совета СССР. В тот же день передача Крыма в состав УССР была оформлена «Законом о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР». Закон состоял из двух пунктов: «утвердить указ от 19 февраля...» и «внести соответствующие изме-

нения в статье 22 и 23 Конституции СССР» [22, с.545]. Таким образом, оформление передачи Крымской области РСФСР в состав Украинской ССР было завершено. Начался шестидесятилетний период нахождения Крыма в составе Украины.

Как Хрущев Крым Украине отдал...

к главе СССР ключе и опубликованная в еженедельнике «Новое время» в 1992 году [16]. Какие же были мотивы и объективные причины, которыми руководствовалась власть, передавая Крым в состав УССР? Некоторая размытость формулировок в официальных документах не позволяет нам полностью выяснить истинные мотивы этого решения. Отчасти этот пробел позволяют закрыть мемуарные комплексы, которые содержат весьма интересные подробности. Скорее всего, на первый план следует выдвинуть волю первого секретаря ЦК КПСС Н.Хрущева, длительное время работавшего на «близкой его сердцу» (по воспоминаниям А.Аджубея) Украине и имевшего давнюю симпатию к республике. Именно он, вероятно, распорядился сделать так, а не иначе. Украинские историки утверждают, что причина была в тяжелом экономическом положении Крыма, вызванном послевоенной разрухой, и поэтому

Первый секретарь Крымского обкома партии (август 1949 – январь 1954) П.И.Титов

Именно таким образом названа статья зятя Н.С.Хрущева – Алексея Аджубея, написанная в весьма комплиментарном по отношению

к главе СССР ключе и опубликованная в еженедельнике «Новое время» в 1992 году [16]. Какие же были мотивы и объективные причины, которыми руководствовалась власть, передавая Крым в состав УССР? Некоторая размытость формулировок в официальных документах не позволяет нам полностью выяснить истинные мотивы этого решения. Отчасти этот пробел позволяют закрыть мемуарные комплексы, которые содержат весьма интересные подробности. Скорее всего, на первый план следует выдвинуть волю первого секретаря ЦК КПСС Н.Хрущева, длительное время работавшего на «близкой его сердцу» (по воспоминаниям А.Аджубея) Украине и имевшего давнюю симпатию к республике. Именно он, вероятно, распорядился сделать так, а не иначе. Украинские историки утверждают, что причина была в тяжелом экономическом положении Крыма, вызванном послевоенной разрухой, и поэтому эффективно участвовать в решении масштабных народно-хозяйственных задач, запланированных советским руководством на юге страны, область не могла [30–31; 42–44]. Однако с первым тезисом трудно согласиться, поскольку экономика Крыма к 1954 г. уже достигла довоенного уровня, преодолев таким образом последствия ВОВ. В то же время необходимо отметить крайне медленные темпы социально-экономического развития полуострова. Вероятнее всего, Москва вновь прибегла к экономической целесообразности, посчитав возможным реализовывать запланированные в Крыму

и на юге УССР масштабные гидро-технические работы в рамках одной союзной республики.

В своей статье А.Аджубей предположил, что замысел передать Крым Украине возник у Н.Хрущева во время его поездки на полуостров осенью 1953 года, от которой у него осталось удручающее впечатление. Весьма неожиданно он решил прервать свой визит в Крым и отправился в Киев, где высказал местному руководству свои соображения о необходимости активизации переселения на полуостров украинцев для более успешного развития сельского хозяйства. Хрущев сетовал, что «там [в Крыму] южане нужны, кто любит садочки, кукурузу, а не картошку», очевидно имея в виду неприятный осадок от общения с переселившимися на полуостров жителями Поволжья и северных областей РСФСР. Однако, по мнению А.Аджубея, в то время «о формальной передаче Крыма под юрисдикцию Украины... речи не шло. Видимо, такое предложение еще не получило своего осмысления» [16, с.21].

В связи с этим интересны также воспоминания Г.Мясникова об обстоятельствах назначения Д.Полянского в январе 1954 г. первым секретарем Крымского обкома КПСС. Мясников утверждал, что в процессе обсуждения возникла идея передачи полуострова в состав Украины. Присутствовавший на встрече с Хрущевым П.Титов (в то время – первый секретарь Крымского обкома) «отверг идею с ходу, а Полянский сказал, что это гениально. На другой день собрали пленум, Титова прогнали, а Полянский стал первым секретарем обкома» [35, с.155]. В то же время к подобным воспоминаниям следует относиться критично, поскольку сам автор – Г.Мясников (работавший в то время 2-м секретарем Московского горкома ВЛКСМ) не был непосредственным очевидцем описываемых событий [28, с.298].

Формально П.Титову поставили в вину просчеты в руководстве сельским хозяйством Крымской области – те, которые предметно разбира-

Первый секретарь Крымского обкома партии (январь 1954 – декабрь 1955) Д.С.Полянский

лись в ЦК КПСС 9 января 1954 г. В итоге 16 января его сняли с должности первого секретаря Крымского обкома партии [2, л. 11], переведя на хозяйственную работу в Министерство совхозов СССР. Впоследствии, назначенный вместо П. Титова первым секретарем Крымского обкома партии Д. Полянский, выступая 5 мая 1954 г. заявлял: «Крым в составе Украинской Республики будет развиваться еще быстрее и полнокровнее» [1, л. 12].

Заслуживают внимания и записанные журналистом Ф. Зырянным воспоминания об этих событиях Первого секретаря Ялтинского горкома С. Медунова. Тот утверждал, что во время вышеупомянутого осеннего отдыха Хрущева в Крыму глава страны поставил вопрос о необходимости передачи Крыма в состав УССР, обратившись именно к нему [23, с. 268–269]. Кроме того, Первый секретарь Ялтинского горкома был уверен, что отставка П. Титова была вызвана, прежде всего, твердой отрицательной позицией последнего по отношению к идее Хрущева передать Крым Украине [27, с. 106]. К тому же, по словам С. Медунова, на пленуме Крымского обкома, на котором и был отправлен в отставку Титов, «члены бюро обкома... и некоторые другие облили П. Титова обывательской грязью» [33, с. 53].

Стоит также заметить, что идею интеграции Крыма с УССР С. Медунов не поддерживал, как и последующие экономические планы по подчинению предприятий Крымской области Херсонскому совнархозу в 1957 году. В частности, 23 апреля 1957 г. на пленуме Крымского обкома партии С. Медунов выразил протест этим инициативам, утверждая, что «передать Крым Херсону – это все равно, что отца отдать на воспитание и опеку малолетнему сыну (смех)» [14, л. 31]. На что бывший в то время первым секретарем Крымского обкома партии В. Комяхов сообщил о планах ЦК КПУ создать Херсонский экономический район на основании схожести отраслей промышленности и перспективы иметь единую энергосистему, куда помимо Николаевской и Херсонской областей, будет включена и Крымская область. Комяхов возразил С. Медунову: «Поэтому я считаю, что не совсем точно и не совсем правильно т. Медунов сказал, что Крым отдается на воспитание "младенцу" Херсону. Если бы этот "отец" имел воду и электроэнергию, мы бы пошли на создание такого экономического района, и развитие садоводства и виноградарства пошло бы быстрее» [14, л. 45].

Как видим, в вопросе о причинах и мотивах передачи Крыма следует отметить их комплексность. Это, прежде всего – социально-экономический фактор, который очень часто перевешивал все остальные.

В то же время нельзя сбрасывать со счетов и личные мотивы, которые были у лидера страны – Н. Хрущева. В воспоминаниях члена ЦК КПСС в 1952–57 гг. Д. Т. Шепилова прямо указывается, что идея передачи Крыма в состав УССР принадлежала именно Хрущеву. В связи с этим Д. Шепилов приводит интересные подробности проходившего в Большом Кремлевском дворце совещания по сельскому хозяйству в присутствии членов Президиума ЦК и Секретариата ЦК. Шепилов вспоминает, как «в перерыве... вдруг Хрущев внес предложение: в связи с празднованием 300-летия передать Крымскую область из Российской Федерации в состав Украинской Республики». Глава ЦК мотивировал это тем, что «Украина ближе. Легче будет вести всякие хозяйственные дела. ...Надо только обставить это все с умом: чтобы Верховные Советы обеих республик просили союзный Верховный Совет сделать такую передачу. А Ворошилову надо все это провести по-доброму через Президиум Верховного Совета СССР...» Там же автор дополняет, что А. Кириченко, А. Микоян, Н. Булганин, Л. Каганович и другие «откликнулись возгласами: «Правильно! Принять! Передать!» И только стоявший у дверей... В. Молотов сказал, ни к кому не обращаясь: «Конечно, такое предложение является неправильным. Но, по-видимому, придется его принять»» [52, с. 304–306].

В итоге, предложение Хрущева проработали соответствующим образом, и в начале 1954 года передача Крымской области РСФСР в состав Украинской ССР была юридически оформлена. В завершение процитируем слова Президента Российской Федерации В. В. Путина в связи с возвращением Крыма в состав России 2014 году. По его мнению, мотивы, двигавшие Никитой Хрущевым, остаются неясными: «Что им двигало – стремление заручиться поддержкой украинской номенклатуры или загладить свою вину за организацию массовых репрессий на Украине в 30-е годы – пусть с этим разбираются историки» [37]. Украинский период в истории Крыма завершился в 2014 году, когда вследствие государственного переворота в Киеве власть захватили русофобские силы под флагом идеологии украинского интегрального национализма. Русскоязычные Крым и Севастополь категорически не приняли этих событий и 16 марта 2014 г. на общекрымском референдуме о статусе Крыма, строго в соответствии с механизмами прямой демократии, проголосовали за вхождение в состав Российской Федерации. За это решение отдали свои голоса 96 % крымчан. А 18 марта 2014 г. его результаты были узаконены Договором между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в состав России Рес-

публики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов и специальным Федеральным законом [15]. Это решение официально вступило в силу 1 апреля 2014 года.

Заключение

Таким образом, несмотря на довольно значительное количество источников по вопросу административно-территориальных трансформаций

в Крыму в XX веке, вопрос о мотивах и причинах передачи Крымской области РСФСР в состав УССР в 1954 году остается предметом дискуссий. А события 2014 года придают проблеме дополнительную актуальность. Научная общественность испытывает определенный дефицит источников по этому вопросу, что мешает окончательно закрыть в нем «белые пятна». Важно отметить, что сам процесс передачи Крыма в 1954 г. завершился исключительно мирно. В отношении некоторых партийных и хозяйственных руководителей, поставивших под сомнение идею передачи Крыма Украине, Москва ограничилась переводом несогласных на другие должности, в основном, с понижением. В то же время существующие источники не фиксируют какого-либо широкого недовольства среди населения двух дружественных союзных республик.

Целый комплекс факторов, связанных с дальнейшим экономическим развитием региона, предопределил решение крымского вопроса в 1954 году. Перед рядом административно-территориальных субъектов юга страны стояли масштабные народнохозяйственные задачи, которые, как посчитали в Кремле, эффективнее решать в рамках одной республики. А «нерушимая братская дружба между российским и украинским народами», которая в то время ни у кого в стране не вызвала сомнений, должна была еще больше содействовать выполнению поставленных задач.

Трудно сказать, насколько легитимной была передача Крыма Украине и соответствовала ли она действующей тогда Конституции РСФСР. В современном украинском дискурсе по этому вопросу господствует тезис об «абсолютно доказанном факте... и соблюдении всех управленческих процедур» [30, с.503], что, впрочем, неудивительно. На наш взгляд, ответ на этот вопрос лежит не столько в исторической плоскости, сколько в юридической, и лишь после взвешенной независимой оценки юристами всех обстоятельств можно уверенно давать однозначные заключения по исследуемому вопросу. А пока этого нет, на разных уровнях звучат территориальные претензии и публикуются псевдонаучные спекуляции. Вне всякого сомнения, этот вопрос будет еще долгое время привлекать

внимание как профессионального научного сообщества, так и обычных граждан, которым небезразлична крымская история.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф.Р-3287. Оп.2. Д.1292.
2. ГАРК. Ф.1. Оп.1. Д.4990.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-385. Оп.13. Д.492.
4. ГАРФ. Ф. А-385. Оп.17. Д.977.
5. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.1. Д.434.
6. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп.16. Д.161.
7. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп.57. Д.963.
8. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп.85. Д.25.
9. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп.85. Д.94.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.3. Д.157.
11. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.169.
12. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.1053.
13. РГАСПИ. Ф.17. Оп.117. Д.472.
14. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАООУ). Ф.1. Оп.53. Д.534.
15. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 марта 2014 г. №6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя».
16. Аджубей А.И. Как Хрушев Крым Украине отдал. Воспоминание на заданную тему // Новое время. 1992. №6. С.20–21.
17. Андрущук О.В. Адміністративно-територіальні зміни в УРСР: плани, втілення, наслідки (друга половина 40-х-60-ті роки ХХ ст.): дис. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / Андрущук О.В.; НАН України; Ін-т історії України К., 2004. 242 с.
18. Ведомости Верховного Совета СССР // 1954. 9 марта. №4 (798).
19. Гончаренко возглавил парламентское объединение «Кубань» // Шарий. NET. URL: <https://sharij.net/160586> (дата обращения: 31.08.2021).
20. Губань Р. Становлення та розвиток адміністративно-територіального устрою України в ХХ – на початку ХХІ століття (історико-правове дослідження): дис... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Київ, 2018. 601 с.
21. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. Правовой статус города Севастополя (историко-правовые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2015. №8 (57). С.16–20.

22. Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Первая сессия (20–27 апреля 1954 г.). М.: Издание Верховного Совета СССР, 1954. 580 с.
23. Зырянов Ф.П. Мои года – мое богатство. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 640 с.
24. Ильин И.М. К вопросу о правомерности изменения границ территорий союзных республик при передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР // Вестник Новгородского государственного ун-та им. Ярослава Мудрого. Серия: Гуманитарные науки. Научно-теоретический и прикладной журнал: №4 (87). Часть 2. 2015. С. 120–122.
25. История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. / Гл. редкол.: Тронько П.Т. (пред.) и др. Киев: Ин-т истории АН УССР: Укр. сов. энциклопедия АН УССР, 1974–1983. Т.26. Крымская область. Ред. коллегия: Солодовник Л.Д. (пред.) и др. 1974. 623 с.
26. История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А.В.Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т.2. 792 с.
27. Караичев Д.В. Выбор 1-го секретаря крымского обкома КПСС П.И.Титова: карьера или территориальная целостность отечества // «Выбор власти и власть выбора» / Сб-к докладов Всероссийской науч.-практ. конф-и молодых ученых (г. Иваново, 25–26 мая 2018 г.); под ред. Д.С.Будановой. Изд-во: Ивановский филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2018. С. 103–108.
28. Караичев Д.В. Отношение Д.С.Полянского к передаче Крымской области в состав Украинской ССР: домыслы и опровержения / Сб-к материалов II Международной научной междисциплинарной конференции «Миф в истории, политике, культуре» (г. Севастополь, 27–28 июня, 2018 г.). Под ред. О.Габриеляна, А.Ставицкого, В.Хапаева, С.Юрченко. Изд-во: Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова в г. Севастополе, 2019. С. 297–300.
29. Крым многонациональный: Сборник / Составитель Н.Г.Степанова. Симферополь: Таврия, 1988. 143 с.
30. Кульчицкий С.В. Входження Криму до складу України: політичний аспект // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії / Відп. ред. В.Смолій. К.: Інститут історії України НАН України, 2014. С.499–512.
31. Кульчицкий С.В. Входження Криму до складу України // Регіональна історія України. 2009. Вип.3. С.135–154.
32. Махнырев А.Л. Куда дул ветер хрущевской «оттепели»? Взгляд в зеркала двух исторических юбилеев. М.: [б.и.]; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. 277 с.
33. Медунов С.Ф. «Моя жизнь – моя судьба». Из воспоминаний автора, опубликованных в газете «Вольная Кубань». 1996 // На память будущему. Альманах. М.: ИД ТОНЧУ, 2014. С.51–60.
34. Мошкин С.В. Крымский передел в 1954 году // Дискурс-Пи. 2019. №1 (34). С. 100–110; Его же. Почему Хрущев передал Крым Украине. Судьбу полуострова предопределило простое хозяйственное решение // Российская газета. 2014. 16 апреля.
35. Мясников Г.В. Страницы из дневника / Под редакцией М.Г.Мясникова и М.С.Полубярова. М.: АНО «Институт национальных проблем образования», 2008. 776 с.

36. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма / АН СССР. Крымский филиал. Симферополь: Крымиздат, 1951–1967. В 4 т. / Ч.4: Крым в период Великой Отечественной войны, в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства: (1941–1965 гг.) / Под общ. ред. И.С.Чирвы. 1967. 319 с.
37. Обращение Президента Российской Федерации В.В.Путина 18 марта 2014 г. // Российская газета. 2014. 19 марта.
38. О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР // Республика Крым, 1993, 6 февраля.
39. Очерки истории Крымской областной партийной организации / Авт. кол.: И.С.Чирва, М.Р.Акулов, В.Д.Арбузов и др.; Редкол.: Н.В.Багров (пред.) и др. Симферополь: Таврия, 1981. 374 с.
40. Постановление Совета Министров СССР №403 «О мероприятиях по ускорению восстановления Севастополя». Электронный ресурс. URL: <http://www.sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/sew48god.htm> (дата обращения: 05.09.2021).
41. Радянська Україна. 1954. 27 лютого.
42. Сергійчук В. Економічна складова передачі Криму до УРСР у 1954 р. // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії / Відп. Ред. В.Смолій. К.: Інститут історії України НАН України, 2014. С.513–526.
43. Сергійчук В.І. Український Крим. К.: Українська Видавнича Спілка, 2001. 302 с.
44. Сергійчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: ПП Сергійчук М.І., 2008. 560 с.
45. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Крымской социалистической советской республики: Нар. ком. юстиции КрССР. Симферополь, 1922, 1 февраля, №1.
46. Солдатенко В.Ф. Образовать автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику как часть РСФСР»: И.В.Сталин и создание Крымской автономии (1921 год) // Россия XXI. 2018. №1. С.6–35.
47. Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб.: Питер, 2015. 320 с.
48. Усов С. А. Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР: (историко-политологический анализ): [монография]. Севастополь: [б. и.], 2003. 382 с.
49. Федоров А.В. Правовой статус Крыма: Правовой статус Севастополя. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 53 с.
50. Филимонов В.Г. Образование и развитие РСФСР: Очерки по гос. строительству. М.: Госюриздат, 1963. 230 с.
51. Чумак В. А. Україна і Крим: спільність історичної долі: монографія. Вид. 2-ге, переробл. й доповн. К.: ВПЦ АМУ, 2013. 180 с.
52. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001. 398 с.

Всякая дипломатия есть продолжение войны другими средствами.

*приписывается
Чжоу Эньлаю*

Родства и дружбы сила велика.

Эсхил

Бюрократия всегда выживает.

Джеральд Форд

Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами.

Карл Маркс

Великое искусство
политического деятеля не в том,
чтобы плыть против течения, но
в том, чтобы обращать всякое
обстоятельство в свою пользу.

Фридрих Великий

Семья – один из шедевров
природы.

Джордж Сантаяна

С плохими законами и хорошими
чиновниками вполне можно
править страной. Но если
чиновники плохи, не помогут
и самые лучшие законы.

Отто фон Бисмарк

Честному человеку не следует
входить ни в какое тайное
общество, хотя бы для того,
чтобы не очутиться в дурном
обществе.

Петр Вяземский

Владимир Дегоев, Ирина Стамова

**КОНГРЕССЫ-ПРИЗРАКИ
В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ
1700–1721 гг.**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
327

Статья посвящена малоизученным страницам истории Северной войны – двум Брауншвейгским конгрессам (1713–1714 гг., 1719–1721 гг.), созванным для разработки мирного договора между воюющими державами. Инициативная роль в организации этих дипломатических съездов принадлежала Австрии, стремившейся при своем единоличном посредничестве добиться такого мира, который отвечал бы прежде всего долгосрочным интересам Священной Римской Империи. Этим попыткам противостояли Англия и Франция, также претендовавшие на роль медиаторов и имевшие свои представления о послевоенном устройстве Европы. Ситуация усугублялась острыми противоречиями внутри лагеря противников Швеции и их намерением лишить Петра I законного вознаграждения за его военные победы. В результате предложенный императором Карлом VI «концертный» подход к проблеме мирного урегулирования был отвергнут в пользу серии сепаратных договоров со Стокгольмом.

The article is devoted to the little-studied aspects of the history of the Great Northern War – the two Braunschweig Congresses (1713–1714, 1719–1721), convened to draw up a peace treaty between the belligerent powers. The initiative belonged to Austria which sought through its undivided mediation to achieve a peace that would meet, above all, the long-term interests of the Holy Roman Empire. These attempts were bitterly opposed by England and France who also claimed the mediation role and had their own views about the post-war European order. The situation was aggravated by sharp contradictions within the camp of Sweden's opponents and their intention to deprive Peter I of the legal reward for his military victories. As a result, the “concert” approach to the problem of a peaceful settlement proposed by Emperor Charles VI was rejected in favor of a series of separate agreements with Stockholm.

Ключевые слова: Северная война 1700–1721 гг.; Брауншвейгские конгрессы; европейская дипломатия первой четверти XVIII века; император Карл VI; Петр I.

Key words: The Great Northern War of 1700–1721; the Braunschweig Congresses; European diplomacy of the first quarter of the XVIII century; Charles VI of Austria; Peter I.

E-mail: degas@list.ru

Вопреки известному афоризму, дипломатия умеет делать свое дело и под грохот пушек. Хорошо это понимая, русские историки изначально изучали Северную войну не только как череду боевых сражений, но и как неразлучную спутницу политики, которая отнюдь не всегда играет подчиненную роль. Возможно, именно поэтому уже первые исследователи войны [8; 18] уделяли немалое внимание ее дипломатическому содержанию. С развитием исторической науки и расширением ее источниковедческой базы интерес к способам выявления глубокой взаимосвязи между войной и дипломатией стал усиливаться [3; 5; 22; 25]. Затем дипломатическая история выделилась в отдельную отрасль профессионального знания [4; 7; 11; 14; 24], которая, в свою очередь, стала разветвляться по разным тематическим направлениям [1; 2; 12; 16; 19; 21; 26; 27] и углубляться в неожиданные частности, детали, нюансы [6; 13], позволяющие воссоздать более точную и достоверную картину с помощью, так сказать, дополненной микрореальности, способной иногда объяснить то, что недоступно макроанализу.

Несмотря на колоссальный запас накопившихся за три века сведений о Северной войне, она всегда будет для историков актуальной проблемой ввиду бесконечности познавательного процесса, особенно когда речь идет о сюжетах, незаслуженно затерявшихся на периферии профессионального внимания. В этой статье авторы обращаются к одному из таких сюжетов, честно признаваясь, что они делают это не первыми, и выражая надежду, что не будут последними.

Европа перед лицом новой реальности

К исходу 1713 года Европа окончательно убедилась, что полный и, возможно, необратимый стратегический перевес в Северной войне на стороне России. Но, как ни странно, именно поэтому конца войне не было видно. Впрочем, странного тут мало. Сокрушительная, безоговорочная победа Петра, позволявшая ему диктовать условия мира, никого не устраивала. Многие правители считали, что Россия сделала свое дело и теперь должна уйти, оставив решение территориальных и политических вопросов европейцам. Их даже не пугала, а иных вдохновляла перспектива возвращения находившегося в Турции Карла XII, с которым они надеялись не только договориться, но и использовать его против чрезмерных притязаний царя. В одном источнике метко схвачена суть момента: «вместо решительных событий наступила неопределенная пора дипломатических сближений, обыкновенно столь благоприят-

К исходу 1713 года Европа окончательно убедилась, что полный и, возможно, необратимый стратегический перевес в Северной войне

Петр I

ствующая людям вроде Герца¹, умеющим ловить рыбу в мутной воде», плетущим «хитрую сеть договоров и сделок, которая разостлана была для уловления Петра Великого в Северной Германии, трепетавшей его могущества. Как лев, встряхивал он головою и разрывал эти путы» [10, с.4].

В дипломатической истории Северной войны начало 1714 года отмечено любопытным, но малоисследованным событием. В германском городе Брауншвейге (Нижняя Саксония) открылась конференция, не вполне заслуженно именуемая в литературе конгрессом. Это громкое название было бы оправданно, если бы речь шла о многосторонних переговорах по подготовке мира со Швецией, а не о встрече, инициированной Австрией, чтобы напомнить всем о категорической недопустимости решения каких-либо европейских проблем без ее, как минимум, активного участия. Если уж не под ее имперской эгидой.

¹Георг Генрих фон Гёрц (1669–1719 гг.) – гольштинский и шведский политик, выдающийся мастер международных интриг, которым он придавал особый цинизм и изощренность.

Брауншвейгский конгресс ставит перед исследователями массу вопросов, начиная с датировки. Принято считать, что формально он открылся 21 марта (ст. ст.) 1714 года, а неофициально его работа началась в январе. Однако, чтобы разобраться в целях конгресса, следует обратиться к его предыстории или, точнее, к начальному этапу его истории, который относится к декабрю 1712 года. Именно тогда Петру стало известно о готовящемся созыве в Брауншвейге конгресса «Нижнего Саксонского круга (округа. – *В.Д., И.С.*)» – съезда представителей нейтральных государств, входящих в состав Империи, для обсуждения способов предотвращения распространения военных действий на германские территории. За этой общей формулировкой скрывались накопившиеся за последние три года проблемы, обойти которые было невозможно. Главная из них заключалась в том, что война уже захватила имперскую территорию и грозила обернуться для Австрии возникновением второго, северного, фронта в условиях, когда еще шли сражения с Францией. Войска шведского генерала Магнуса Штейнбока вторглись в Мекленбург и разбили датчан и саксонцев при Гадебуше. Гаагская конвенция 1710 года о создании австро-англо-голландского корпуса для сдерживания шведской группировки в Померании оставалась из-за саботажа Лондона на бумаге.

Тот факт, что Россия не была приглашена в Брауншвейг, вызвал у царя подозрение и обусловленное им желание непременно послать туда своих дипломатов. 24 декабря 1712 года он выдал русскому послу в Дании Г.–Х.Шлейницу и камергеру С.Г.Нарышкину верительную грамоту к брауншвейг-люнебургскому герцогу, в чьих владениях собирался съезд. Им было велено заявить, что, «хотя его царскому величеству о учинении сего конгресса и не объявлено», он считает обязательным их активное присутствие там, где обсуждается вопрос о «надлежащих мерах» «к содержанию покоя в Римском государстве (Германии. – *В.Д., И.С.*)» [17, с.277–278]. Иными словами, Петр ставил всех перед фактом, одновременно укоряя за политическую бестактность, на которую он ответил тем же.

Послам предписывалось изложить позицию царя по главному предмету конгресса. Логически она была безупречной и сводилась к такой мысли. Шведы, вторгшись в Мекленбург и наступая дальше в Гольштинию, вопиющим образом нарушили тот самый «покой» в Империи, о котором пекутся делегаты конгресса. Восстановить его можно, лишь нанеся Штейнбоку поражение, ради чего Петр, во исполнение союзнического долга перед датским королем, приказал своим войскам преследовать шведов, то есть зайти на имперскую территорию. Но они готовы

ее покинуть, если генерал уведет свою армию в Швецию. Если же этого не случится, царь будет продолжать наступление с целью нанесения решающего удара. На случай своего поражения он просил у съезда, во-первых, принять решение о дозволении его войскам ретироваться домой через германские земли, и, во-вторых, рассудить, какая опасность нависнет над «Римским государством», когда русские уйдут и «своего интереса смотреть будут», а шведы «свободные руки получат» [17, с. 278–279, 283–284, 535].

За кулисами конгресса стоял Карл VI, стремившийся объединить свои войска с войсками некоторых германских государей для принуждения Штейнбока к возвращению в Швецию и даже готовый предоставить ему морские транспорты. Император добивался от конгресса принятия соответствующего решения. Он не имел ничего против шведского вторжения в Польшу, но только не через германские земли [17, с. 534–535].

В начале марта 1713 года конгресс прервал работу, так ничего и не постановив. Причин было достаточно. После того как русская армия нанесла Штейнбоку решающее поражение под Фридрихштадтом, непосредственная угроза для Империи миновала, а с ней ослабла и заинтересованность Карла VI в продолжении конгресса, который к тому же погряз в интригах и пустых спорах. Идея о формировании военного корпуса для защиты «северного нейтралитета» сохраняла свою актуальность лишь в той части, что касалась сдерживания теперь уже России. Но бросать ей открытый вызов цесарь не решался. Тем более, что возникли трения относительно состава этого корпуса. Поскольку Англия и Голландия солдат давать не хотели, прусский король Фридрих-Вильгельм I предложил свою армию при условии, что она, как и австрийские силы, будет находиться под его личным командованием, что вызвало решительные возражения Карла VI, предпочитавшего держать это предприятие под собственным контролем. По-прежнему не были ясны намерения Карла XII, а из Англии стали приходить тревожные сообщения о здоровье королевы Анны, что заставляло уже по-иному воспринимать роль ее наследника, ганноверского курфюрста Георга-Людвига (будущего короля Георга I) в международных делах и гораздо внимательнее относиться к его взглядам, в частности на вопрос о Бремене. Обсуждать все это никто в Брауншвейге готов не был [17, с. 295–296].

В январе 1714 года конгресс собрался вновь, в изменившихся условиях. Теперь, в представлении Карла VI, угроза «покою» Империи исходила не от шведов, а от русских, одерживавших одну победу за другой и не собиравшихся возвращаться домой. Они выбили шведов с острова

Рюген, из крепости Штеттин и готовились взять Штральзунд, что делало их фактическими хозяевами Померании. Это само по себе было достаточной причиной для возобновления конгресса. А тут еще разбуженные аппетиты Дании, заявившей претензии на земли Гольштинии, включая важный стратегический плацдарм – крепость Тенинген. В середине 1713 года между датчанами и гольштинцами вспыхнул военный конфликт, грозивший вовлечь Вену и ослабить ее в противостоянии с Францией. В стремлении разрешить проблему Карл VI вновь созвал Брауншвейгский конгресс с новой повесткой. Император все более склонялся к расширению этой повестки за счет включения в нее обсуждения вопроса о «генеральном мире» со Швецией, о чем можно предположить, исходя из места проведения конгресса. Первоначально северные союзники (включая Петра) подумывали о Гданьске, но Вена отклонила кандидатуру вольного города, поскольку туда наверняка бы приехали французские дипломаты, чтобы действовать в пользу шведов, тогда как цесарь хотел исключить Францию из переговорного процесса. Повестка

Император Священной Римской империи Карл VI

съезда зависела от того, придет ли Стокгольм своих делегатов. Если да, то Карл VI возьмет на себя важную и почетную роль посредника в умиротворении севера. Если нет, то будет действовать уже как медиатор в урегулировании внутриимперской ссоры и как инициатор изгнания шведов из померанских провинций Империи за нарушение ее покоя и за отказ от мирных переговоров [17, с.300–301].

На подготовительном этапе шведскому послу в Голландии Юхану Палмквисту было предложено приехать в Брауншвейг для защиты интересов Швеции. Он отказался под тем предлогом, что имеет от Карла XII «полную мочь» на «трактование» о мире только в Гааге, а не в Брауншвейге или в другом месте. Русский посол в Гааге Б.И. Куракин объяснял этот «лукавый поступок» нежеланием шведского короля создавать ситуацию, при которой Швеция своим участием в «публичном съезде и переговорах» лишит Турцию надежды на военный союз против России. Другое дело – тайные переговоры в Гааге, о чем турки просто не узнают, и сохранится возможность в любой момент выступить совместно с ними [20, с.392].

Думается, есть еще две причины. Скорее всего, Палмквист, как (весьма вероятно) и Карл XII, не без основания считал, что в Гааге главная посредническая роль будет принадлежать не австрийцам, а англичанам и голландцам, что для Стокгольма гораздо выгоднее. Поэтому ожидать появления шведа в Брауншвейге не стоило с самого начала.

Кроме того, Карл XII отказался от предложенного ему через цесарского дипломата в Стамбуле Флейшмана австрийского посредничества для прекращения Северной войны. Точнее – обусловил свое согласие участием в медиации Франции, что, по невозможности для Вены выполнить такое условие, было равносильно отказу [20, ч.2. с.28, 37].

Англия и Голландия, естественно, бойкотировали конгресс, где первую скрипку будут играть цесарцы. Французы, возможно, и хотели бы приехать на конгресс, если бы он проходил не на территории Империи. Они проявляли интерес к идее объединения с Лондоном и Гаагой для перехвата посреднической инициативы у Вены. Внутриполитическая обстановка в Швеции этому благоприятствовала. Там пока доминировало мнение о недопустимости вступления в какие-либо трактаты без участия Парижа [20, ч.2. с.31–32].

Что касается Петра I, то он решил, что уровень русского представительства на съезде будет зависеть от повестки. Если дело ограничится обсуждением датско-гольштинского конфликта, то в Брауншвейг поедет посол в Берлине А.Г. Головкин (потом вместо него был назначен

Г.Х.Шлейниц). В случае же постановки вопроса о «генеральном мире» (непременно предполагающего присутствие шведских делегатов) позицию России будет отстаивать дипломат более высокого класса – Б.И.Куракин [20, ч.2. с. 14, 32, 45, 163]. Сам же Куракин не верил в способность Брауншвейгского конгресса достичь мира. Не только по причинам, изложенным выше, но и из-за «непостоянства» царских союзников, стремящихся о создании различных дипломатических комбинаций, направленных на удовлетворение их территориальных и прочих притязаний за счет возвращения Швеции всех или, на худой конец, большей части земель, завоеванных Россией. Одна из таких комбинаций – польско-шведско-прусский союз, дополненный уже почти подписанным польско-французским договором о дружбе – была откровенно враждебна царю [20, ч.2. с. 32–33, 44, 56, 159]. Судя по всему, ни один из внешне несбыточных вариантов изменения международной конъюнктуры не казался Куракину невероятным.

Того же мнения придерживался и посол в Голландии А.А.Матвеев, следивший за событиями вокруг Брауншвейгского конгресса из Гааги. Самую большую опасность для России он видел в возможности появле-

Русский дипломат князь Б.И.Куракин

ния на съезде французских и английских делегатов. В таком случае шведы тоже придут. А это уже будет открытая дипломатическая коалиция против «нашего собственного интересу» [20, ч.2. с. 173].

**Кто и зачем приехал
в Брауншвейг?**

Первыми в Брауншвейг прибыли организаторы (январь 1714 года) – австрийский вице-канцлер Г.Шенборн и министр граф Мец. За ними, спу-

стя время, гольштинский (Г.Герц) и датские представители (И.Розенкранц и барон Вейбург). Потом саксонские (Я.Г.Флемминг и А.К.Вакербарт) и прусские (граф К.Дона) дипломаты. Были также ганноверцы: тайный советник Дж.Л.Фабриций и барон Делс (Деелц). Представлять Россию назначили Б.И.Куракина, которому царь дал «полную и всемерную мочь» только на переговоры об условиях «генерального мира» со Швецией и на подписание итогового документа. Поскольку Брауншвейг находился на территории Ганновера, Петр обратился к курфюрсту Георгу-Людвигу с просьбой поддержать русского посла «в делах, к нашему интересу касающихся», уверив, что Россия в долгу не останется [17, с.231–232]. Уже когда конгресс начал свою работу, Куракин, исчерпывающе осведомленный о позиции царя, писал Шафирову, что не появится в Брауншвейге «прежде, нежели не увижу, что туда придут министры шведские» [20, ч.2. с.37, 67].

Отказ Швеции от участия в конгрессе существенно ослабил интерес Петра к нему. Однако на всякий случай царь держал это мероприятие в поле своего зрения. Несмотря на то, что повестка сузилась до вопроса о датско-гольштинском споре, она и в таком виде была небезразлична для России.

Острейшие противоречия между Данией и Гольштинией выплеснулись на первом же заседании. Герц упорно настаивал на возвращении захваченных датчанами гольштинских земель безотносительно к чему бы то ни было. А Розенкранц ставил этот вопрос в общий контекст условий мирного договора со Стокгольмом. И тот, и другой стремились привлечь участников конгресса на свою сторону, вдохновляясь надеждами, не казавшимися тщетными.

Присутствующие дипломаты проявляли разную степень заинтересованности в гольштинской проблеме. И разную степень готовности распутывать этот тугой узел. В дело опять вмешивались личные симпатии и антипатии, интриги, тайные попытки достичь тех или иных сепаратных соглашений. Дипломатическая работа наталкивалась и на объек-

тивные трудности, связанные с историческими, крайне запутанными отношениями между североевропейскими государствами.

Карл VI, как инициатор конгресса, конечно, хотел бы, чтобы его посредническая миссия принесла успех, и старался занять конструктивно-компромиссную позицию. Но, как иногда бывает, «свита» подвела «короля». Шенборн испытывал личную неприязнь к гольштинскому дому, и, видимо, это сказывалось на эффективности того притворного давления, которое он оказывал на датчан, вольно или невольно мешая миротворческим планам цесаря. Герц надеялся на поддержку Дж. Фабриция и, возможно, в принципе не без основания. Однако он не учел, что Ганновер больше избегал ссоры с сильной Данией, чем неудовольствия слабой Гольштинией. Об этом косвенно говорил план курфюрста Георга-Людвига, в котором содержалась схема раздела северогерманских владений Швеции, вполне отвечавшая датским интересам. Пруссия предпочла уклониться от дипломатической помощи своему гольштинскому союзнику и тем самым от дальнейшего обострения и без того плохих отношений с Копенгагеном. Прусский король не хотел осложнений, в том числе с русским царем, грозивших помешать благополучному для пруссаков завершению штеттинского дела. Представитель Августа II Флемминг также соблюдал осторожность, лавируя между Герцем и Розенкранцем. Саксонский министр не горел желанием похода обзаводиться врагом

Гольштинский дипломат и государственный деятель Георг фон Герц

в лице датчанина. Но и не желал отдалять от себя проницательного космополита Герца, который мог пригодиться (или уже пригодился) в налаживании тайных сепаратных переговоров польского короля со шведами².

Петр, следя за работой конгресса, не торопился посылать туда своих дипломатов, хотя полномочную грамоту Б.И.Куракин получил еще в декабре 1713 года. Если царя смущала слишком узкая повестка, тогда возникает вопрос: а хотел ли он повестки широкой, включающей согласование условий мирного договора со Швецией? Не считал ли царь, что даже для предметного разговора между союзниками о послевоенных территориальных перекройках в Северной Европе, не говоря уже о полномасштабных переговорах со Стокгольмом, время еще не наступило? Похоже на то. Герц также полагал, что Брауншвейгский конгресс может «послужить не более, как для устройства гольштинских смут и назначения приличного места переговоров о замирении Севера» [10, с.35]. Возможно, такого взгляда придерживались и другие. Слишком уж много накопилось дипломатических завалов на пути к миру, и разгрести их на первой же союзной конференции было совершенно нереально. Даже отсутствие в Брауншвейге английских и голландских «посредников», способных во имя собственных интересов создавать новые препятствия, мало чем помогало. Среди партнеров по антишведской коалиции хватало и своих «спойлеров». Конгресс вызывал у Петра подозрение, что за его спиной датчане и саксонцы с благоволения Австрии сговорятся со Стокгольмом в ущерб России.

Вместе с тем царь не хотел упустить случая официально дать понять, что успехи русского оружия изменили его первоначальные представления о причитающихся России трофеях войны. Представить новое видение ситуации поручалось специальному эмиссару Б.И.Куракину, появившемуся на конгрессе лишь через четыре месяца (апрель 1714 года) после его начала и за месяц до его окончания. Царь по-прежнему намеревался отдать Ригу и Лифляндию Августу II, но «в заплату великих потерь», понесенных Россией в войне, требовал себе (помимо Ингрии, Карелии, Выборга, Нарвы и Ревеля) часть Финляндии, вплоть до Гельсингфорса [23, с.121]. Война уже обошлась русскому народу в тринадцать лет неимоверного изнурения и тяжелых потерь. И неизвестно, сколько этих лет

²Для нас остался загадкой тот факт, что Флемминг прибыл в Брауншвейг в роскошном экипаже в сопровождении свиты в 200 человек. Что это – превосхищение крупного исторического события и желание ему соответствовать? Подражание версальским церемониальным обычаям? Претензия на великодержавный статус маленькой Саксонии? Похоже, отметивший этот факт Матвеев, тоже не знал, как его истолковать [20, ч.2. с.161].

потребуется еще. Такая ситуация заставляла Петра переосмыслить размеры вознаграждения за небывалое перенапряжение народных сил. Воевать только для того, чтобы вернуть земли, которыми владел еще Иван Грозный, и подарить добытую дорогой ценой Лифляндию польскому королю, однажды уже предавшему царя и готовому сделать это снова? Не слишком ли щедрая расточительность, если не сказать – глупость?

Петр осознал, что пора, наконец, задаться этими вопросами. По большому счету, именно с ними приехал Б.И. Куракин в Брауншвейг. Однако там никто не хотел их обсуждать. Да и царский посол не ожидал ничего другого. За неделю, проведенную в этом городе, он понял, что на конгрессе ему делать нечего. Впрочем, чтобы поездка не оказалась совсем уж зряшной, Б.И. Куракин использовал ее для сбора или, скорее, для уточнения информации. Ничего нового он не узнал. На встречах с Флемингом посол слышал лишь яростные заверения этого прожженного интригана о ложности слухов, будто Август II ведет секретные переговоры со шведами. Б.И. Куракин справедливо расценил это как убедительное подтверждение того, что переговоры идут.

В мае 1714 года одновременно с донесением посла в Копенгагене В.Л. Долгорукого о том, что конгресс зашел в тупик, до Петра дошли слухи о согласии Карла XII прислать в Брауншвейг своих уполномоченных для обсуждения условий «генерального мира». Поверил этому царь или нет, но на всякий случай велел Куракину быть готовым к возвращению на конгресс [23, с. 122]. Слухи не подтвердились, но, похоже, возникли они в связи с разногласиями внутри шведского правительства по вопросу о продолжении войны. В отсутствие Карла XII дела к рукам постепенно прибирала его младшая сестра Ульрика Элеонора, склонявшаяся к миру. Однако при живом короле, пусть и в изгнании, ей приходилось считаться с его волей. Карл же в ожидании своего возвращения из Турции был решительно настроен на военный реванш за Полтаву. Отказ шведов от приезда в Брауншвейг автоматически снимал с повестки даже постановку вопроса о «генеральном мире».

Что касается оценки перспектив конгресса самими его участниками, то тут много неясного и противоречивого. Иначе и не могло быть в европейской обстановке того времени, похожей на ажурную паутину сталкивающихся государственных интересов, личных взглядов, амбиций, чувств. В ней путались даже самые умные люди эпохи. Никто не мог толком разобраться в происходящем. Тем более предсказать будущее, которое похоронит многие прогнозы и превратит в реальность, казалось бы, немислимое.

Брауншвейгский конгресс являлся попыткой заглянуть в это самое будущее и, возможно, приблизить его. Да и нельзя было не откликнуться на приглашение Карла VI, как-никак императора Священной Римской империи. Судя по всему, дипломаты отправлялись в Брауншвейг, кто с надеждой, кто с неохотой. По сообщению В.Л.Долгорукого, датчане испытывали большой оптимизм по поводу способности цесаря разрешить их конфликт с гольштинцами «противу воли короля шведского». Напротив, Пруссия и Саксония, по некоторым сведениям, не горели желанием участвовать в съезде [23, с. 119–120]. Если так, то допустимо предположение, что они опасались невыгодного для них развития событий, при котором австрийские посредники выведут переговоры за рамки гольштинской проблемы и предложат обсуждение прусских и саксонских территориальных притязаний, не сулящее ничего хорошего ни Фридриху-Вильгельму I, ни Августу II.

К началу лета 1714 года в работе конгресса был объявлен перерыв, который по сути явился благовидным прикрытием провала. В сентябре в Брауншвейге прошли короткие и бесплодные переговоры между датчанами и гольштинцами. Едва ли их можно считать возобновлением конгресса, хотя в научной литературе дело иногда представляется именно так.

Брауншвейгский съезд с его единственным и весьма частным вопросом в повестке, видимо, изначально был обречен на неудачу, предпосылок к которой было слишком много. Категорическое нежелание конфликтующих сторон договариваться дополнялось переусложненными закулисными играми. В них запутывались сами игроки, зачастую терявшие представление о том, кто за или против кого на данный момент. Тем более о том, что изменится в момент следующий. Конструктивный потенциал в такой психологической сумятице и циничной борьбе честолюбий отсутствовал напрочь.

Высказанное в историографии мнение о незаинтересованности Петра в конгрессе требует оговорок, часть из которых мы уже сделали. Вкратце суммируя их, повторим: царь действительно не был в восторге от этого предприятия, критически расценивая его шансы на выработку какого-либо плодотворного решения даже в периферийном для России вопросе. Тем более не верил он в пригодность брауншвейгского «формата» для достижения всеобщего мира. Но государь не возражал против того, чтобы использовать присутствие на конференции ради ознакомления Европы со своими поправками к первоначальному плану России по территориальному переустройству Прибалтики. И уж подавно не имел он

ничего против полноценного участия русских дипломатов в конгрессе в случае приезда в Брауншвейг шведов. Не видел Петр особого вреда и в том, чтобы в ходе обмена мнениями проникнуть «впрок» в подлинные намерения русских «союзников».

Вот уж кто от всей души желал Брауншвейгскому конгрессу провала, так это Англия и Голландия. В инициативе Карла VI они увидели угрозу своим притязаниям на статус арбитра в Северной войне, исход которой они хотели решить по-своему. В стремлении вернуть себе посредническую монополию Лондонский кабинет и Генеральные Штаты ухватились за заявление шведского посланника в Гааге Палмквиста о полученных им от правительства Ульрики Элеоноры полномочиях на ведение мирных переговоров с Северным альянсом. Англичане и голландцы, будучи против того, чтобы эти переговоры шли в рамках Брауншвейгского конгресса, решили перехватить инициативу у Вены. В конце мая английский посол в Гааге Томас Страффорд и голландский ратпенсионарий Антоний Гейнзиус пригласили Б.И. Куракина на совещание, символизировавшее признание того факта, что русский царь являлся ключевой фигурой в сложнейшем военном и дипломатическом соперничестве в Северной Европе. Как это ни претило морским державам, они мирились с необходимостью в первую очередь брать в расчет мнение Петра. Заранее зная его, можно было исподволь подготовить, а скорее доработать, план действий по максимальному ограничению русских претензий. В этом и состояла цель конференции, где Б.И. Куракину предложили изложить требования Петра. Царский посол отказался сообщать их, «пока шведы свои не объявят». Причину отказа он объяснил недоверием к Стокгольму, до сих пор не проявлявшему никакой склонности к миру, несмотря на попытки царя прекратить войну. «В трактат со шведами не вступим, прежде нежели не увидим их подлинное намерение», — сказал Б.И. Куракин. Отклонил посол и идею перемирия. Шитая белыми нитками, она подразумевала для Швеции выигрыш во времени, в течение которого вернется Карл XII, возьмет дела в свои руки, продолжит войну с новой силой и, вполне вероятно, с победными результатами, обещающими вообще снять вопрос о шведских уступках, особенно в пользу России [20, с.264–267].

Когда Палмквиста попросили ответить Б.И. Куракину, он вынужден был сослаться на отсутствие у него иных полномочий, кроме как выслушать требования союзников и сообщить, что Стокгольм будет обсуждать условия мира только после заключения перемирия. Стало ясно: миссия шведского дипломата являлась отвлекающим маневром, чтобы получить

стратегический выигрыш во времени и усугубить разногласия между союзниками [23, с. 122].

**Прибыльное маклерство:
борьба за роль посредника
в русско-шведских переговорах**

Закончить на этом рассказ о Брауншвейгском конгрессе, как это с определенным основанием делают историки, значит вольно или не-

вольно обойти вопрос о его уникальности. А она в том, что через пять лет идея конгресса возродилась. За это время дипломатическая ситуация мало изменилась. Союзники Петра думали не столько о решительной победе над Карлом XII, сколько о возможности договориться с ним в рамках сепаратных мирных соглашений с тем, чтобы добиться от короля таких уступок, после которых он уже не захочет что-либо отдавать России. Такой настрой разделяли также Англия, Франция, Голландия и Австрия, стремившиеся загнать Петра в международную изоляцию. Отвечая симметрично, царь стал зондировать почву на предмет партикулярного мира со Швецией, и даже глухо намекал на возможность заключения с ней прочного альянса в будущем. Карл XII оказался перед дилеммой: договариваться об уступках с несколькими государствами или с одной лишь Россией. Выбор по ряду причин был сделан в пользу России. Так русские и шведские дипломаты пришли к идее прямых переговоров, которые начались в мае 1718 года на Аландских островах без всяких посредников.

Это был шок и для тех европейских держав, кто надеялся максимально поживиться за счет Швеции (Дания, Ганновер, Польша-Саксония, Пруссия), и для тех, кто хотел получить реальные выгоды благодаря своему «честному маклерству» (Англия, Франция, Голландия, Австрия). Все терялись в мрачных подозрениях. О чем будут договариваться два монарха? Не о балтийском ли дуумвирате, грозившим стать кошмаром для Европы?

Главными соперничающими претендентами на роль медиаторов были Лондон и Вена, по-разному смотревшие на способы умиротворения Севера. Англия держалась курса на посредничество в сепаратных переговорах между Швецией и каждым из ее противников. Австрия предпочитала созыв международного съезда на ее (имперской) территории и под ее председательством. Сходились они в одном – в желании минимизировать приобретения России.

Узнав об Аландском конгрессе, британский король Георг I и император Карл VI, независимо друг от друга, спешно стали готовить средства

для его подрыва и восстановления принципа посредничества в соответствии со своими концептуально-дипломатическими подходами.

Чтобы не отвлекаться от темы нашей статьи, обратимся к реакции венского двора, который выдвинул идею созыва альтернативного конгресса в Брауншвейге (второго по счету) с участием ганноверских, прусских, польско-саксонских, датских делегатов, с одной стороны, и шведских, с другой. Потенциальные участники контрконгресса отнеслись к идее настороженно. Они были растеряны, поскольку теперь боялись не только Швеции, но и России, не зная, кто из посредников – Англия или Австрия – готов обеспечить максимальную защиту их интересов. Метод сепаратных договоренностей вроде бы казался предпочтительнее конгрессных сложностей, но как его применить, если Карл желает говорить лишь с Петром. Оставалось ждать. Наконец дождались. В конце 1718 года Карл XII был убит. Продолжать аландские переговоры Стокгольм не захотел.

После провала русско-шведского прямого диалога Петру, с точки зрения дипломатии, пришлось выбирать из трех вариантов. И все они были связаны с посредническим вмешательством: либо Австрии, либо Англии, либо Франции, резко активизировавшейся к концу Северной войны.

17 ноября 1719 года Карл VI послал шведской королеве и русскому царю приглашение прислать на второй Брауншвейгский конгресс своих полномочных представителей для «окончательного восстановления мира на Севере» [9, с. XXIX]. В ответ было получено согласие, но с отправкой дипломатов в Брауншвейг никто не спешил по разным причинам. В Швеции продолжались внутривластные распри в связи с желанием Ульрики Элеоноры передать корону своему мужу Фридриху Гессен-Кассельскому, а Петр, по всей видимости, выжидал, чем дело закончится. Царь, жаждавший мира, не мог не заинтересоваться идеей конгресса. Понравилась она ему и тем, что император игнорировал англичан, приложивших руку к срыву двух предыдущих конгрессов (Брауншвейгского 1713–1714 годов и Аландского 1718–1719 годов).

Новая дипломатическая встреча на территории Империи не устраивала англичан, считавших, что из всех возможных претендентов на маклерскую роль Карл VI самый неподходящий, ибо он относится к требованиям царя весьма снисходительно, и, кроме того, разделяет русскую позицию в гольштинском вопросе. Георг I, видя, что Петр не допустит его посредничества ни под каким предлогом, решил так: лучше уж пусть эта миссия достанется прошведски настроенной Франции, чем не распо-

Шведский король Фредрик I с супругой Ульрикой Элеонорой

ложенной к новоиспеченному шведскому королю Фредрику I Австрии. С конца 1720 года Лондонский кабинет стал в срочном порядке содействовать отправке в Петербург французского посла в Стокгольме Жака де Кампредона с надеждой, что этот многоопытный и сноровистый дипломат сумеет добиться заключения столь необходимого шведам перемирия и минимально ущербных для них предварительных условия мира [9, с. XXXVIII–XXXIX].

Первыми в Брауншвейг поспешили шведы. Не успел Фредрик I обрести корону, как тут же отправил трех уполномоченных во главе с графом Веллингмом уведомить императора об искреннем желании короля достигнуть мира. Но тут англичане, недовольные тем, что Вена лишила их посреднических функций, вступили в игру с намерением сорвать переговоры, как они уже делали прежде. Георг I опасался, что на конгрессе будут аннулированы все сепаратные договоры, заключенные Швецией, прежде всего с Англией, Ганновером и Данией. Английские дипломаты внушили Фредрику I, что царь не только хочет восстановить герцога гольштинского в наследственно-владельческих правах, но и сговорился

с Петром о передаче ему Ливонии как законному претенденту на шведский престол. В результате граф Веллинг был отозван из Брауншвейга [9, с. XXX–XXXI].

Если поспешный приезд шведского дипломата не требовал объяснений, то его внезапный отъезд удивил и оскорбил императора, справедливо увидевшего в этом руку Лондона. Фредрик I, не желая ссориться с Веной, пытался оправдаться перед ней своим «угнетенным состоянием», заставлявшим его «хвататься за все средства» для достижения «столь крайне необходимого [...] мира». Иначе говоря, шведский король косвенно признался в том, что Англия вынудила его отозвать графа Веллинга, попавшего под влияние цесаря. Чтобы смягчить конфликт с Веной, Фредрик I оговорил возможность возвращения своего представителя в Брауншвейг, если посреднические функции будут поделены между Австрией и Францией [9, с. XL].

Дания, Ганновер, Пруссия тоже не испытывали желания участвовать в конгрессе, грозившим подвергнуть сомнению их приобретения. Но открыто противиться инициативе императора значило признаться в нежелании выносить результаты сепаратных соглашений с Швецией на обсуждение всех участников Северного альянса, сам факт образования которого предполагал, по окончании войны, коллективное обсуждение условий мира. Более того, территориальные изменения внутри Священной Римской империи, осуществленные без хотя бы формального одобрения цесаря, были сомнительны с точки зрения легитимности и нарушали внутригерманское равновесие. И, наконец, без участия Дании, Ганновера и Пруссии ничего не оставалось бы, как сузить переговорную проблематику второго Брауншвейгского конгресса до вопросов, касавшихся лишь русско-шведских отношений. А в таком случае Петр мог вообще не увидеть никакого смысла в том, чтобы посылать своих уполномоченных в имперский город Брауншвейг, где у австрийцев будет полная свобода рук в плетении интриг против России.

Царя и в самом деле не радовала перспектива австрийского посредничества. Он согласился на него лишь при условии, что медиация будет беспристрастной, свободной от всякого понуждения и не выйдет за рамки «добрых услуг». В меморандуме, представленном П.И. Ягужинским, венских министров покорило слово «беспристрастный», в котором они не без основания увидели недоверие к Карлу VI. Русскому дипломату было заявлено, что Северная война совершенно не затрагивает интересов цесаря, он стремится к мирному посредничеству из сугубо христианского сострадания к народам, столько лет лишенным покоя. В формулировках

удалось достичь компромисса, но идею русско-австрийского оборонительного союза Вена отклонила под тем предлогом, что в качестве посредника она не имеет права вступать ни в какие обязательства, пока не окончены северные дела [3, с. 50]. На самом же деле император хотел обеспечить себя свободой маневра для ограничения притязаний царя и для укрепления своего влияния в германских государствах. Но именно от такой свободы австрийских посреднических маневров в ущерб интересам России стремился защитить себя Петр [15, с. 222, 225–229].

В Вене знали, что между Россией и Швецией дело уже дошло до определения места подписания мира. Первоначальный выбор шведами города Або, а после отказа Петра – Ништадта, вдали от Германии, указывал на то, что царь предпочитал двусторонний формат переговоров без привлечения посредников. Желая сорвать этот план, император торопил Петра прислать своих уполномоченных в Брауншвейг. В этом германском городе, как объясняли Ягужинскому, австрийцы, фактически на правах хозяев, смогут оградить русскую делегацию от интриг врагов России, в первую очередь Англии. Но не стали заострять внимание на том факте, что все эти враги приглашены на конгресс, и, стало быть, устроители смогут объединяться с ними, когда потребуют интересы Австрии, в том числе в случаях их полного расхождения с российскими.

Не похоже, чтобы Вена связывала со вторым Брауншвейгским конгрессом достижение исключительно антирусских целей. На первом месте для нее была проблема сохранения равновесия сил внутри империи на основе укрепления роли цесаря в качестве держателя и гаранта этого баланса. Дело, однако, в том, что в период Северной войны такая геополитическая стратегия натолкнулась на неожиданное препятствие – притязания царя на более активное участие в европейских делах, и того хуже для Вены – в германских (к примеру, Гольштиния, Мекленбург, Пруссия, вольные города). Как допустимо предположить, на втором Брауншвейгском конгрессе австрийцы, как «честные маклеры», сделали бы все, чтобы не дать таким претензиям оформиться в международно-правовые акты. Что до русских приобретений в Прибалтике, то и тут стоило ожидать, по крайней мере, тайного сопротивления Вены, поскольку ее не устраивало утверждение флота России на Балтийском море, на южном побережье которого располагался ряд государств, входивших в состав Империи.

Короче говоря, заявление Карла VI о его абсолютном нейтралитете в Северной войне было ложью. Она лишний раз подтверждается беспрецедентным для Вены решением, принятым в октябре 1720 года, – на-

править в Петербург для скорейшего устройства конгресса представителя высшего правительственного эшелона чешского штатгальтера графа Стефана Кински [22, с.224–225].

Цесарские министры продолжали твердить о срочной необходимости приезда русских дипломатов в Брауншвейг, где их уже ожидали шведские уполномоченные. Карл VI, как мы отмечали, готовился использовать Брауншвейгский конгресс в первую очередь для решения собственных имперских проблем в Северной Германии, в том числе, если потребуется, за счет принесения в жертву интересов России. Доказывая преимущества Брауншвейга перед Ништадтом, вице-канцлер Шенборн говорил русскому посланнику Людовику Ланчинскому (оставшемуся в Вене после отъезда П.И. Ягужинского): «Пусть двор царского величества рассмотрит дружбу к себе и поступки других государств и сравнит наше поведение, которое всегда основанием имеет честность; из-за этой честности австрийский дом часто терпел вред, но никогда от нее не отступает. Мирные переговоры у вас во многих местах начинались, но нигде не удалось мира заключить; поэтому попробуйте и у нас хотя однажды, в Брауншвейге, и посмотрите, доброжелательно ли будем к вам поступать. Если недоброжелательно, то принимайте всякие меры к вашей пользе» [22, с.296]. Мысль о готовности Вены жертвовать своими выгодами во имя сохранения благородной, рыцарской репутации не вяжется с очевидной сутью дела – желанием заманить Россию в брауншвейгскую ловушку, выбраться из которой будет сложно и психологически, и технически.

**Игра в бисер по-венски:
Австрия как жертва
собственных интриг**

В марте 1721 года П.И. Ягужинский сообщил венским сановникам новость, которая, по словам С.М. Соловьева, явилась для них «ударом»:

Ништадский конгресс начнет свою работу в самое ближайшее время. Перед цесарцами встал вопрос: как реагировать? Возможно, было искушение ответить возмущенной нотой протеста или еще радикальнее. Но тогда возникал риск снова подорвать только что налаженные отношения с Россией. Оставалось единственное – сделать хорошую мину при плохой игре. Как ни трудно было Шенборну выдать это из себя, он заявил, что благодарен Ягужинскому за сообщение и желает царю успешного заключения мира, однако если в Ништадте что-то пойдет не так, то императорские министры будут ждать участников переговоров в Брауншвейге. Чтобы ожидание не было напрасным и, следовательно,

оскорбительным для цесаря, Венский двор просит русского государя держать его в курсе событий, в зависимости от течения которых, как подразумевалось, можно будет судить об актуальности перенесения переговоров в Брауншвейг.

Скорее всего, Карл VI думал уже не столько о Северной войне, сколько о положении, которое Россия займет среди европейских держав после ее окончания. Ссориться с этой новой Россией было совершенно нецелесообразно. Другое дело – найти в ней надежного стратегического партнера в борьбе против грозивших Австрии опасностей, прежде всего со стороны Османской империи.

В принципе Петр не отвергал идею «запасного» конгресса, ибо успех ништадтских переговоров не был предрешен. Он принял предложение Вены, объявив ей в мае 1721 года о своем желании послать в Брауншвейг графа А.Г.Головкина, чтобы избежать повторения ситуации, возникшей на аландских переговорах. Кроме того, царь тоже старался заглянуть в будущее, где у России не было более реального союзника против Турции, чем Австрия. Вместе с тем А.Г.Головкин, похоже, получил наказ соотносить степень своей активности в Брауншвейге с ходом переговоров в Ништадте, на которые Петр делал главную ставку. Ему, повторимся, был невыгоден срыв Ништадтского конгресса и замена его Брауншвейгским, поскольку тогда австрийского посредничества, прямого или косвенного, не избежать. Больше того, возникла бы психологически неблагоприятная для царя ситуация. В глазах общественного мнения Европы он предстал бы взбалмошным правителем, которому не угодишь. При той мастеровитости в подтасовке фактов, какой обладали европейские дипломаты, нетрудно было изобразить Петра как виновника срыва сначала аландских, а затем ништадтских переговоров. Неудача второго Брауншвейгского конгресса была бы подана в таком же ключе. Стало быть, если бы дело дошло до созыва третьего конгресса, позиции царя с моральной точки зрения оказались бы уязвимыми, что позволило бы австрийцам и другим оказывать на него более успешное давление. Зазывая русских дипломатов в Брауншвейг, венский двор прекрасно это понимал.

Англичанин распускал клеветнические слухи, чтобы, по словам Ланчинского, заставить венский кабинет «хотя бы на два или на три дня» поверить в злонамеренные действия Петра. И не без успеха. Настроение цесарцев быстро поменялось. Разговоры о пользе союза с Россией сменились подозрительностью, которая намного превышала реальные основания для нее. В конце мая 1721 года имперские министры с трево-

гой спрашивали у Ланчинского: почему в Ништадт поехали два русских дипломата, а в Брауншвейг только один Головкин, тогда как прежде речь шла еще и о князе Куракине. Вскоре из Стокгольма пришло известие, что при посредничестве Кампредона между Россией и Швецией заключен прелиминарный договор. Это было очередное вранье: ожесточенные споры в Ништадте перешли в самую жаркую фазу и не давали гарантии скорого мира, отодвигая такую перспективу на неопределенное время. Не было также реального французского посредничества. Петр принял его лишь для виду.

Когда у страха глаза велики, опровергнуть слухи доказательствами их лживости крайне трудно. В Вене стали поговаривать о тайных коварных планах царя, раздавались призывы не верить ему. В австро-русских отношениях опять похолодало. На Ланчинского обрушилась гневная тирада Шенборна, в которой смешались упреки и поучения. Она начиналась силлогизмом: Ништадтский конгресс устроен французским регентом (при малолетнем Людовике XV) Филиппом Орлеанским, а он вассал вашего врага Англии, стало быть, и ваш враг. С какой вдруг стати Лондон и Париж озаботились тем, чтобы удовлетворить требования царя? Ответ прост: им нужен был «бумажный мир» без гарантий, что позволит Швеции прийти в себя и взять реванш. Поддержка англичан и французов ей обеспечена. Лондон готов поднять против царя весь свет, в том числе Империю, которой он предлагает субсидии на содержание 40-тысячной войска. Что до Парижа, то он никогда не откажется от поддержки своего традиционного балтийского союзника. В существовании коварных замыслов против России, утверждал вице-канцлер, легко убедиться. В последней надежде сорвать ништадтские переговоры Шенборн бросил России горький упрек в том, что идея Брауншвейгского конгресса выставлена «на посмешище» [22, с.295–297].

Этот упрек покажется безосновательным, если учесть, что замыслы Петра не ограничивались русско-шведскими отношениями, при всей их значимости для него. В случае подписания мирного договора со Стокгольмом он не собирался отказываться от борьбы за влияние в Северной Германии. Царь рассматривал второй Брауншвейгский конгресс как конференцию с самостоятельной повесткой, которая не касалась бы проблемы русских территориальных приобретений и которую он собирался превратить в средство достижения своих целей в шлезвиг-гольштинском, мекленбургском и других вопросах, в один из способов противодействия англо-ганноверской политике и в надгробный памятник антирусскому Венскому союзу 1719 года (Австрия, Ганновер, Саксония).

Австрийцев это не устраивало, и они дали понять, что на съезде, где будут рассматриваться не условия мира между Россией и Швецией, а только внутригерманские дела, русским дипломатам делать нечего. Как заявил Шенборн, «имперские дела цесарь, яко домашние, без конгресса определить может» [19, с. 177, 193–194].

По мере продвижения русско-шведских переговоров к успешному завершению позиция Вены становилась более реалистичной. Австрийцы рассудили так: если уж ничего нельзя поделывать, то не лучше ли принять все, как есть, чем идти на обострение с Петербургом, которое создаст совершенно ненужные для цесаря проблемы. Тональность Шенборна резко смягчилась. Россия и Австрия, сказал он, «и без конгресса (Браншвейгского. – *В.Д., И.С.*) друзьями быть могут». «Никакие государи, – продолжал он, – такого доброго дела устроить не могут, как царь и цесарь, к пользе и тишине всего христианства. Когда эти два монарха соединятся, то никто на них не посягнет, и будет в Европе напрасных войн поменьше. Интересы обоих сходны, особенно против турок. Хотя было мнение, будто мы королю польскому хотим помогать в получении неограниченной власти, но оно не имело никакого основания, ибо как царскому, так и цесарскому величествам одинаково нужно, чтоб Польша оставалась в прежнем своем положении и вольности [...]; если наша эрцгерцогиня вышла за саксонского принца, то из этого не следует, чтоб мы намерены были помогать ее мужу против собственных австрийских интересов. Но подозрение уже исчезло, и я не знаю, что бы могло теперь помешать нашему (австро-русскому. – *В.Д., И.С.*) союзу?» [22, с. 297–298].

Чтобы сразу направить русско-шведские переговоры в нужное ему русло, Петр первым делом хотел избавиться от посредников, в которых он видел чуть ли не главное препятствие на своем пути к цели. И он добился сохранения двустороннего переговорного формата по образцу Аландского конгресса. В результате 10 сентября 1721 года в Ништадте был подписан выгодный для России мирный договор. Он, безусловно, был очень важным, рубежным событием, но не «концом истории». Как только смолкли пушки, победители и побежденные продолжили дипломатическую борьбу с прежним усердием: одни за упрочение своих позиций, другие – за создание такой системы отношений, которая поможет им в том или ином виде вернуть или частично компенсировать утраченное. Были еще и те, кто, не пожертвовав ничем, претендовали на материальные и политические трофеи. Как ни удивительно, международная жизнь Европы стала еще более сложным, паутинообразным средоточием

противоречий, интриг, страстей, недоверия, тайных планов. Это глубоко озадачивало правителей, дипломатов, элитные группы, общество в целом. Самые проникательные люди того времени мучительно искали способы защиты интересов своих государств в новых условиях, боялись ошибиться в прогнозах и сделать ложный ход в головоломных играх.

Одни монархи раньше, другие позже стали мириться с тем фактом, что Россия превратилась в один из базовых элементов в международных отношениях. Теперь Европе невозможно было миновать ее в решении своих запутанных проблем. Да и мало кто видел в этом выгоду. Напротив, каждая из держав в сложных ситуациях старалась привлечь Петербург на свою сторону. Вместе с тем в механизме взаимоотношений между государствами непреложным оставался закон, в соответствии с которым достаточно было одному из них подняться на уровень или, тем более, выше уровня другого, чтобы противоречия между ними стали резко обостряться, даже не обязательно приводя к войне. Англии, Франции, Австрии, Пруссии, Швеции и другим отныне приходилось в своей внешней политике учитывать фундаментальные итоги Северной войны и приспособливаться к ним против своей воли. Было бы противоестественно ожидать от них чувства удовлетворения по этому поводу. Недовольство выражалось разными державами с разной степенью готовности противостоять России. Предпосылок для повторения Северной войны в том же виде практически не было, поэтому в качестве альтернативы выдвигалась идея дипломатического пересмотра ее результатов, но так, чтобы ни в коем случае не звучало слово «пересмотр».

Автором затеи являлась Вена, зачастую склонная к плетению интриг со слишком витиеватым рисунком. Австрийское правительство в своей логике исходило из того, что война перекроила границы имперских владений без согласия на то Карла VI, что делало нелегитимными все договоры, заключенные со Швецией, и большинство территориальных приобретений, доставшихся победителям. Для того чтобы узаконить военно-политические итоги войны с точки зрения международного права, цесарь настаивал на созыве в Брауншвейге еще одного (третьего по счету) большого европейского конгресса, где под эгидой Вены будет рассмотрен весь комплекс проблем северогерманских государств, входящих в состав Священной Римской Империи. Не требовалось семи пядей во лбу, чтобы понять «намеки»: приобретения Ганновера, Пруссии, Дании будут обсуждаться фактически заново, и лишь по результатам этих обсуждений они получат (или не получат) высшую санкцию Империи.

Коснуться это могло и Ништадтского договора, о чем свидетельствовал визит в Петербург осенью 1721 года императорского посла графа Стефана Кински. Он уговаривал Петра поддержать идею конгресса, соблазняя его перспективой пересмотра в ущерб Англии вопроса о Бремене и Вердене. Но настораживающим моментом для царя явилась настойчивая просьба любой ценой отстоять интересы герцога голыштинского. «Любая цена» в данном случае могла подразумевать одно: снабдить Карла-Фридриха таким капиталом (то есть Лифляндией), который обеспечит ему покупку шведской короны [9, с.LXXV]. Превратив Карла-Фридриха в короля, Вена хотела сделать его одним из ключевых элементов габсбургского контроля над Швецией и Северной Германией. Самое нелепое в такой переконфигурации заключалось в том, что заплатить за нее предлагалось Петру путем отказа от значительной части своих приобретений. При этом австрийцам даже не пришло в голову задаться вопросом – в чем тут выгода для России? – поскольку риторичность его была очевидна.

Рассмотренные нами два Брауншвейгских конгресса и призраки третьего отличаются друг от друга тем, что первый из них формально можно считать дипломатическим съездом с конкретной повесткой дня, а второй и третий представляются скорее замыслом, проектом, нацеленным сначала на достижение приемлемого для Австрии русско-шведского мира, а затем, после подписания Ништадтского договора, на его пересмотр в пользу имперских интересов Вены за счет ущемления России. В этих событиях не только отразились сложнейшие перипетии истории Северной войны, но и проступили те тенденции международных отношений, которые определяют главные задачи внешней политики России на ближайшее и отдаленное будущее.

Библиографический список

1. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
2. Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М.: Наука, 1990.
3. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1.
4. Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990.
5. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 4–5. М., 1948.
6. Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I. М.: Наука, 2004.
7. Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических сношений в 1697–1710 гг. Л., 1986.

8. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. В 15 томах. М., 1837–1843.
9. Записка о сношениях между Франциею и Россиею в царствование Петра I, составленная в 1726 г. Ледраном, старшим чиновником департамента иностранных дел 1719–1722. (Далее: Записка Ледрана...) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т.40. СПб., 1884.
10. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713–1725) // Русский архив, 1865. Вып.1.
11. Кафенгауз Б.Б. Внешняя политика России при Петре I. М., 1942.
12. Крылова Т.К. Полтавская победа и русская дипломатия // Сб. «Петр Великий». Т.1. М. – Л., 1947.
13. Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015.
14. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984.
15. Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
16. Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.
17. Письма и Бумаги императора Петра Великого. Т.12. Вып.2. М., 1977.
18. Полевой Н.А. История Петра Великого. Ч.1–4. СПб., 1843.
19. Полиевктов М.А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725). СПб., 1907.
20. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафировова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. Ч.1: 1706–1713 годы. СПб.: Изд. Дом «Мир», 2011.
21. Санин Г.А. Геополитические факторы во внешней политике России второй половины XVII – начала XVIII века и Вестфальская система международных отношений // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М.: «Наука». 2007.
22. Соловьев С.М. Сочинения. Т.17. М., 1993.
23. Стерликова А.А. Брауншвейгский конгресс // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2006 г. СПб, 2007. С.118–125.
24. Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Тарле Е.В. Сочинения. Т.10. М.: Изд-во АН СССР. 1959. С.363–875.
25. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.3–4. М., 1858–1863.
26. Фейгина С.А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
27. Форстен Г.В. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1904. Ноябрь. С.67–101; 1904. Декабрь.

Оксана Киянская

«ЛЮДИ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ»:

К СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ ДЕКАБРИСТОВ МАТВЕЯ И СЕРГЕЯ МУРАВЬЕВЫХ- АПОСТОЛОВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
82(091)

В статье описываются взаимоотношения декабристов Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов с сестрами: Елизаветой, Екатериной, Еленой и Анной, а также с семьями сестер. Особый сюжет в статье – ранний этап биографии Ипполита Муравьева-Апостола, описываются его детские годы, период взросления, отношение к старшим братьям и к отцу. Анализируется как опубликованная, так и хранящаяся в архивах переписка Матвея, Сергея и Ипполита Муравьевых-Апостолов. Статья позволяет уточнить биографический, «семейный» контекст жизни, военной службы и революционной деятельности знаменитых декабристов.

This article is about the relations of the Decembrists Matvei and Sergei Murav'ev-Apostols with his sisters: Yelizaveta, Yelena, Ekaterina and Anna, as well as with the sisters' families. The special subject of the article is the early stage of Hippolyte Murav'ev-Apostol's biography, it covers his childhood years, period of growing up, his attitude to his elder brothers and father. The article analyzes the correspondence of Matvei, Serguei and Hippolyte Murav'ev-Apostolovs, both published and preserved in the archives. The article makes it possible to clarify the biographical, «family» context of the lives, military service and revolutionary activities of the famous Decembrists.

Ключевые слова: Матвей Муравьев-Апостол; Сергей Муравьев-Апостол; Ипполит Муравьев-Апостол; декабристы; восстание Черниговского полка.

Key words: Matvey Murav'ev-Apostol; Sergey Murav'ev-Apostol; Hippolyte Murav'ev-Apostol; Decembrists; revolt of the Chernigovsky regiment.

E-mail: kianoks@inbox.ru

Старшее поколение семьи знаменитых декабристов Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов – их мать, Анна Семеновна, урожденная Черноевич, и отец, государственный деятель и писатель Иван Матвеевич – уже было предметом моего изучения [24]. Как известно, Анна Семеновна Муравьева-Апостол с 1805 по 1809 г. жила с детьми в Париже, а через несколько месяцев после возвращения в Россию скончалась. Вскоре Иван Матвеевич женился вторично, и у детей от первого брака появилась мачеха – Прасковья Васильевна, урожденная Грушецкая.

В предлагаемой статье речь пойдет о взаимоотношениях Матвея и Сергея с младшим поколением этой семьи. Семья для братьев – это не только рано умершая мать, отец и мачеха, но и сестры, их мужья и младший брат Ипполит. Сестер было четыре: Елизавета, Екатерина, Елена и Анна. Братья и сестры были дружны между собою: с детства лишенные отцовского внимания, они пытались найти поддержку друг в друге. Елена и Анна называли брата Сергея «вторым отцом своим» [22, с.375].

«Я вам приказываю приехать» Еще при жизни Анны Семеновны ее старшая дочь, Елизавета, вышла замуж за Франца Ожаровского, с которым познакомилась в Париже. Камергер граф Ожаровский, происходивший из знатного польского рода, был дипломатом и придворным, служил в русской дипломатической миссии во Франции. После возвращения на родину, в 1811–1817 гг., Франц служил управляющим Царскосельским дворцовым правлением.

Графиня Елизавета Ожаровская не отличалась хорошим здоровьем. В семейной переписке постоянно обсуждалась ее болезнь; в частности, свидетельства об этой болезни содержатся в письмах кузена Муравьевых-Апостолов, декабриста Никиты Муравьева, 1814 года. По словам Никиты, болезнь была «опасная» и «тяжкая», «едва оправившись» от нее, графиня Ожаровская «опять занемогла» [31, с.68, 74]. В том же году она умерла, ей было 23 года. Сиротами остались двое детей: сын Адам и дочь Анна.

На смерть молодой графини прочувствованными стихами откликнулся профессор Николай Кошанский, преподававший в Царскосельском Лицее русскую словесность:

Монье Ж.-Л. Портрет Ивана Муравьева с дочерью Елизаветой. 1799

*Ни прелесть, ни краса, ни радость юных лет,
Ни пламень нежного супруга,
Ни сиротство детей, едва узревших свет,
Ни слезы не спасли от тяжкого недуга...
И Ожаровской нет!
Потухла, как заря во мраке тихой ночи,
Как эхо томное в пустыне соловья!..
О Небо! со слезой к Тебе подъямлю очи,
И, бранный, не могу не спросить Тебя:
Ужели радостью нам льстится невозможно,
И в милом щастие напрасно находить,
Коль лучшим существам жить в мире лучшем должно,
А нам здесь слезы лить? –
Увы! не будешь ты всех радостей душою!
Не встретишь каждого любезностью своею;
И другу не вместишь в себе одной весь мир –*

*Уже не сядешь ты в мечтаны за клавир,
Твой глас волшебный не прольется
Через отверстие окно во мрак ветвей,
Где твой соперник соловей
С досадою не отзовется,
И нежный твой супруг сквозь слез не улыбнется!
Умолкло все с тобой! Эроты слезы льют;
Супруг и Грации венки на урну вьют,
И, оросив твой прах слезою,
Почий, вещают, мир с тобою.*

Посылая стихотворение в журнал «Вестник Европы», Кошанский утверждал: «любезнейшая графиня» была «украшением Царского Села». Опубликовав же присланный текст, редактор, по мнению поэта, сделает «одолжение фамилиям Муравьевых и Ожаровских» и «чувствительно обяжет» самого Кошанского [26].

Сергей Муравьев-Апостол писал Ожаровскому, что для братьев Елизавета «была более чем сестра», она «была слишком хороша и добродетельна, чтобы бог не соединил ее с нашей доброй матерью». Сергею было жалко не только сестру, но и графа, оставшегося вдовцом. «Только религия может несколько облегчить нашу печаль», – писал он Ожаровскому в 1814 г. [56, с. 97–98; 57, с. 134].

Екатерина Муравьева-Апостол, «совершенная красавица», «очень доброе существо», после приезда из Парижа блистала в свете. Говорили, что император Александр «восхищался ее красотой и был в нее влюблен» [23, с. 122]. Екатерина нравилась не только императору: ею восторгался Константин Батюшков, поэт и родственник Муравьевых-Апостолов. «Ты увидишь у Оленина И. М. Муравьева дочь. Какова?.. а?.. а?.. а?» «ну, если я влюблюсь от нечего делать?.. Отвечай скорее. Да какова парижская красавица? У меня так голова вертится», «она... поверишь ли, голова у меня не на месте. Я не влюблен, а если б еще... Ну, да полно!» – откровенничал поэт в феврале 1810 г. в письмах к Николаю Гнедичу [1, с. 118, 120, 122]. Шестнадцатилетняя «парижская красавица» в 1811 г. стала фрейлиной любимой сестры царя, амбициозной великой княгини Екатерины Павловны, жившей в Твери с мужем, герцогом Ольденбургским [40, с. 12].

Сестры Елена и Анна после Парижа были отданы отцом в Смольный институт благородных девиц [34, с. 73]. Анна благополучно окончила Смольный в 1818 г. [54, с. 513].

В отличие от сестры, Елена курса не кончила: в списках воспитанниц и выпускниц института ее имя отсутствует. Она тоже долго болела, и, по-видимому, болезнь помешала ей учиться. Константин Батюшков писал со слов врачей, что «Елена Ивановна» «нездорова не на шутку», у нее «нервические припадки». Болезнь дочери испугала даже такого законченного эгоиста, как Иван Матвеевич: по словам Батюшкова, отец «делает все, что может, для дочери своей и сам страдает». Трижды, в 1818, 1819 г. и в 1820 г., Иван Матвеевич возил Елену в Одессу в надежде, что «вода морская ей будет полезна» [1, с. 501–502]. По сведениям 1826 г. Елена все еще находилась «в болезненном состоянии» [29, с. 648].

К 1825 г. все сестры были замужем. В январе 1818 г., оставив придворную службу, Екатерина Муравьева-Апостол вышла замуж за Иллариона Михайловича Бибикова, ротмистра гвардейского Гусарского полка. Два года спустя замуж за отставного чиновника, в прошлом – Волынского вице-губернатора Александра Дмитриевича Хрущева вышла Анна. Позже всех вышла замуж Елена: летом 1824 г. ее мужем стал чиновник Семен Васильевич Капнист. Екатерине и Елене в приданое было назначено по 100 тысяч рублей, а Анне – имение Бакумовка [11, л. 12–12 об].

Судя по сохранившейся переписке, наиболее эмоциональными были отношения Сергея и Матвея с Анной Хрущевой, бывшей «смолянкой».

Так, приехав в начале 1820-х гг. на несколько дней в Хомуец, Сергей в следующих выражениях уговаривал сестру навестить его: «Если вы можете, вы должны это сделать, вы это обязаны моей горячей и постоянной дружбе к вам, вы это обязаны самой себе», «могу ли я надеяться, что состояние вашего здоровья позволит вам приехать сюда сегодня; я так был бы рад вас поцеловать, мое сердце так жаждет вас видеть, что вы мне не откажете», «я вас умоляю, Аннет, ради мамы, ради всего, что есть для вас самого дорогого и самого святого, приезжайте... я вам приказываю приехать, если я имею какое-нибудь право приказывать вам что-либо» [45, с. 132–133].

Сергей вникал в подробности жизни сестры: когда Анна родила, писал Хрущеву, что «в обязанностях и радостях материнства образуется сердце женщины», мечтал увидеть сестру, «как Мадонну Рафаэля с ее ребенком на руках». Он горячо убеждал Хрущева, что сестра должна кормить своего ребенка сама, что это «нежное» занятие есть исполнение «закона природы». Хрущев был против того, чтобы его жена кормила

грудью – и Сергей грозился «объявить» ему «войну» по этому поводу [45, с. 119, 124].

Матвей же, приехав в феврале 1822 г. из Малороссии в Петербург, привез с собою и всегда держал рядом, «как принц из оперы о Золушке», «башмачок» Анны. Этот башмак был нужен для практических целей: Матвей хотел по образцу заказать сестре удобную обувь [45, с. 125].

Монье Ж.-Л. Портрет Анны Муравьевой с сыном Матвеем и дочерью Екатериной. 1799

Отношения с Екатериной Бибиковой кажутся более спокойными, для братьев она была, по-видимому, внимательным другом. Общась с Матвеем в 1822 г., она, например, заметила в брате «большую перемену» и пошатнувшееся здоровье – о чем рассказала Сергею. Сестра была права: в это время Матвей переживал тяжелый душевный кризис. В июне 1823 г. Матвей приехал в Петербург и жил в столице, в доме сестры, больше года. Поводом для этой поездки была, в частности, новая должность Бибикова: ему случалось часто отсутствовать

дома, и Матвей боялся, что сестра подолгу будет оставаться одна [38, с. 318].

Елена же, судя по письмам, нуждалась в заботе братьев: в 1818 г. в Одессе, когда она была очень слабой и поначалу «не покидала постели», Сергей все время находился рядом с ней. Батюшков писал, что, «по словам Серезжи», его сестра скучает по родственникам, и в этом «главная причина ее болезни». «Сергей Иван<ович> о ней очень здесь заботился, что ему, право, делает честь», – констатировал поэт [1, с. 502, 508, 512].

«Окажите ему Ваше полное доверие»

По-разному складывались отношения Матвея и Сергея с мужьями сестер. В этих отношениях было и доверие, и личные «неудовольствия»,

и имущественные конфликты. Это были совершенно разные, не похожие друг на друга люди; соответственно, в отношениях с каждым из них братья вырабатывали особый стиль.

Илларрон Бибииков родством и службой был связан с российской военной элитой. В 1818 г. он служил адъютантом генерал-губернатора Малороссии князя Репнина, но в том же году сменил должность: стал адъютантом князя Петра Волконского, начальника Главного штаба русской армии. В 1821 г. Бибиикова назначили дежурным адъютантом Главного штаба, к 1825 г. он уже полковник и директор канцелярии начальника Главного штаба. Иван Матвеевич был доволен женихом дочери: утверждал, что Бибииков «храбр, как Ахиллес, учен и опытен, как Нестор, умен, как Уллис».

Особого исследования заслуживают связи Бибиикова с декабристами – и не только с братьями Муравьевыми-Апостолами. Никита Муравьев его не любил: считал «умным, но проворным» человеком [31, с. 116, 120]. Зато Бибиикова уважал и с ним дружил декабрист князь Сергей Трубецкой, вместе с ним служивший в Главном штабе; дружны между собою были и их жены. Муж Екатерины был близок к великому князю Николаю Павловичу, общался с ним накануне восшествия на престол – и, по-видимому, на полученные от него сведения опирался Трубецкой, готовя восстание 14 декабря.

На следствии Трубецкой показывал, что Бибииков никогда не принадлежал к тайному обществу и ничего не знал о заговоре [52, с. 10–11]. Но Николай Тургенев, состоявший в Ордене русских рыцарей, утверждал, что член этого общества некто «Г-н Б»; некоторые исследователи

считают, что в данном случае речь идет именно об Илларионе Бибикове [53, с. 101, 683–684; 28, с. 290–291; 7, с. 255, 270].

Согласно первому объяснению Трубецкого на следствии, 14 декабря он не вышел на Сенатскую площадь, в частности, потому, что уговорился с Бибиковым «вместе быть во дворце» [52, с. 6]. Князь не дождался друга: полковник с утра находился рядом с Николаем Павловичем и был избит чернью на Сенатской площади.

В 1828 г. Бибиков перешел в гражданскую службу: был губернатором в Нижнем Новгороде, затем в Калуге и в Саратове. Закончил он свой жизненный путь генерал-лейтенантом и сенатором.

К сожалению, «додекабристская» переписка братьев Муравьевых-Апостолов с Бибиковыми почти не сохранилась. Из того немногого, что доступно историкам, следует: Матвей и Сергей, в отличие от Никиты, Бибикову доверяли – и доверие было взаимным. Так, в 1821 г. Бибиков получил в аренду на 12 лет «из находящихся в казенном ведомстве Волынской губернии староства Ратненского фольварок Поветский» [47, л. 5, 10]. Доверенность на продажу этой аренды он дал Сергею. Но отношения с Бибиковым за родственно-деловые рамки, по-видимому, все же не выходили.

К Хрущеву, провинциальному помещику, не хватавшему звезд с неба, братья Муравьевы-Апостолы относились иронично. Сергей описывал его Матвеем как человека, который любит поговорить «о своей винокурне и о своих высоких чувствах, о прекрасном воспитании, которое он дает своей дочери, и об изменчивой суетности всего на свете». В подобного рода разговорах Хрущев поднимал «время от времени руку» знакомым братьям жестом [37, с. 222].

Ироничны и письма Сергея к самому Хрущеву – даже и в тех случаях, когда он писал одновременно обоим супругам. Так, в июне 1820 г. он сообщал, что желает наступления того дня, когда, «свободный и независимый», он сможет «сбросить позлащенные оковы службы», «погрузиться в любезную безвестность» и «сладостно проводить дни свои» в обществе Хрущевых. Но в том же письме есть и прямо противоположное восклицание: «Заканчиваю... письмо и тороплюсь под знамена, ибо не следует, чтобы дружба заставила меня забыть о славе, и притом о какой славе!» [45, с. 114].

К мужу Анны, весьма житейски практичному, Сергей обращался с бытовыми вопросами. Так, получив доверенность от Бибикова, он просил Хрущева, бывшего Волынского вице-губернатора: «Вы, который жили в этой губернии и имеете там столько знакомств, не могли ли бы мне

указать кого-нибудь, к кому я мог бы обратиться, чтобы попробовать продать эту аренду» [45, с. 122]. Просил Сергей Хрущева и о денежной помощи.

В сентябре же 1821 г., приехав в Хомулец, Сергей решил, что его здоровье «требуется» остаться дома еще на несколько дней. Для того, чтобы не возвращаться на службу к положенному сроку, необходимо было срочно представить в полк медицинское свидетельство. «Я прибегаю к вам, мой дорогой Хрущев, с просьбой получить от поветового лекаря свидетельство, которое мне нужно», «если бы было нужно, чтобы он приехал сюда, сделайте мне удовольствие известить меня об этом, как и о том, нужно ли ему дать денег», – писал Сергей родственнику [45, с. 122, 125].

Комментируя переписку с Хрущевыми, Б.М.Энгельгардт утверждал, что письма Сергея «отличаются несколько покровительственным и наставительным тоном» [58, с. 111]. Сергей, например, объяснял Хрущеву, что заметил в его характере «некоторую недоверчивость», и «это нехорошо». Сергей советовал ему: «Станьте выше этого, откиньте эту подозрительную недоверчивость, и ежели когда-нибудь – от чего да хранит вас небо – вам придется вступить в объяснения, подступайте к вопросу прямо и не оставляйте дела, пока не будет сказано все, без остатка» [45, с. 117].

До 1821 г. Хрущев занимался устройством имущественных дел Ивана Матвеевича, потом, за что-то обидевшись на тестя, отказался это делать. И у Сергея была «трудная миссия» мирить отца с Хрущевым. Миссию эту он «выполнял с большим искусством и деликатностью, сохраняя все время строгое беспристрастие и подчеркивая свою любовь и преданность обоим сторонам» [12, л. 71 об.; 45, с. 110].

Хрущеву Сергей Муравьев-Апостол объяснял, что отцу не свойственно «мелкое чувство личной пользы и выгоды», что он «не мстителен», а сердце его «великодушно и чувствительно к деликатному поступку» [45, с. 116, 128]. Ивану Матвеевичу же было объяснено, что помириться Хрущевым достаточно легко: «Окажите ему Ваше полное доверие, в особенности ласкайте его, дайте ему все полномочия, и Вы увидите, дорогой папенька, что Хрущев сам придет к Вам и все наладится» [12, л. 71 об., 46; 58, с. 110].

Примирения, судя по всему, не произошло. Более того, скептическое отношение братьев к Хрущеву не могло в итоге не сказаться и на отношении к его жене. «Она молода, неопытна и должна была воспринять идеи своего мужа, что она и сделала, по счастью для себя», – писал

Матвей Сергею в ноябре 1824 г. Ни сестру, ни ее мужа не интересовали новости об Иване Матвеевиче, об Ипполите, о другой родне. Хрущев «ведет список неудовольствий против моего отца», – утверждал Матвей [36, с.212].

Непростыми были взаимоотношения Муравьевых-Апостолов с Францем Ожаровским. Между графом и братьями его жены еще до войны возникали недоразумения. По крайней мере, Николай Муравьев, дальний родственник Муравьевых-Апостолов, рассказывал, что однажды «едва не поссорился» с Матвеем, поскольку Матвей, не предупредив графа, пригласил своих друзей ехать в Царское Село, в гости к Ожаровским. Ожаровский же «удивился внезапному появлению у себя в доме общества незнакомых ему молодых людей». По словам Николая Муравьева, граф принял гостей «очень холодно, или, лучше сказать, никак не принял, и только что не предложил нам назад ехать. Мы провели у него с полчаса в Царском Селе, не знали, что делать, и возвратились в Петербург. Дорогой я посмеялся необдуманному поступку Матвея, за что он на меня рассердился и перестал было ходить ко мне; но вскоре мы помирились» [32, с.27–28].

Через несколько лет после смерти графини Елизаветы Ожаровской имущественный вопрос вконец испортил отношения семейства Муравьевых-Апостолов с графом. Елизавета вышла замуж, не получив приданого. Впоследствии Иван Матвеевич решил отдать Бакумовку старшей дочери «в вечное и потомственное владение приданую записью». Бакумовка, заложенная в Опекунский совет, передавалась графине Ожаровской с тем, чтобы она выплатила долги Ивана Матвеевича [10, л.4–5 об.]. Но графиня умерла, не успев получить приданое. Иван Матвеевич же обещал отдать Бакумовку Ожаровскому [11, л.1–4].

Но исполнять обещание Иван Матвеевич вскоре раздумал. Имение было отдано «надворному советнику Полторацкому и потом по мировой сделке перешло опять Муравьеву»; по-видимому, таким образом Иван Матвеевич пытался уменьшить выплаты процентов по заложенному имению [11, л.12 об.]. Обо всем этом Ожаровский не знал.

В итоге Бакумовка досталась Анне Хрущевой. Граф же не получил ничего и очень обиделся.

**«Я завтра буду ждать тебя,
Капнист...»**

Капнисты, в семью которых попала Елена, были малороссийскими интеллектуалами и вольнодумцами. Особым вольнодумством отличался

глава семьи, поэт и драматург Василий Васильевич Капнист. В середине 1790-х годов много шума наделала его комедия «Ябеда». Комедия осуждала судебский произвол и взяточничество, многие фразы из нее вошли в пословицы.

Но Василий Капнист известен не только «Ябедой»; он был отчаянным сторонником малороссийской независимости. Среди его поэтических произведений – «Ода на рабство», написанная по поводу указа Екатерины II от 3 мая 1783 г., закрепостившего малороссийских крестьян:

*Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастье народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы, судьбе угодно было,
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь [21, с.87–91].*

Дочь Капниста Софья вспоминала, что ее отец «страстно любил родину свою и готов был жертвовать всем состоянием своим для блага Малороссии», «принимал живое участие во всем, что касалось Малороссии». «Одно желание его было – восстановить прежнее благоденствие и богатство Малороссии и оживить, так сказать, народ, помнящий еще свою свободу» [22, с.337, 345].

Есть сведения, что в молодости Василий Капнист был вполне готов перейти от слов к делу: в 1791 г. он приехал в Пруссию и провел там переговоры с приближенными короля Фридриха Вильгельма II. «Капнист заявил, что его послали соотечественники дознаться, могут ли украинцы, в случае российско-прусской войны, рассчитывать на поддержку Пруссии, когда попробуют скинуть имперское ярмо». Миссию постигла неудача: король отказался вести переговоры на эту тему [25, с. 67–69].

Столь же экстравагантен был и брат Василия Капниста, Петр; некоторые исследователи связывают эпизод с посещением Пруссии именно с ним [18, с.314]. Отказавшись стать фаворитом императрицы Екатерины II, он долго ездил по Европе, а вернувшись, поселился с женой-англичанкой в родовом малороссийском имении Трубайцах. Там он завел

«республику»: «он не иначе обращался к крестьянам, как говоря им: "мои соседи"», «дал им полную свободу и независимость, вмешиваясь в их жизнь, только когда они приходили к нему за советом». Петр Капнист объявил, что «каждый, русский или иностранец, может явиться в Трубайцы и жить там сколько ему угодно, пользуясь широким гостеприимством» [50, с. XVII].

Сыновья Василия Капниста Семен, Иван и Алексей оказались замешаны в дело декабристов. Петр же Капнист вырастил и дал образование Николаю Лореру, сыну своего небогатого друга [22, с. 347–348; 27, с. 38–39, 209–210]; Лорер впоследствии стал весьма активным заговорщиком, доверенным лицом лидера заговора Павла Пестеля. По мнению Ю.Г. Оксмана, публикатора мемуаров дочери Василия Капниста Софьи, Лорер был ее первой любовью [22, с. 323].

Василий Капнист дружил с Иваном Матвеевичем, Обуховка, его имение, соседствовало с Хомутом. Иногда между друзьями-соседями возникали размолвки: Муравьев был бесконечно далек от проблем малороссийской свободы. Но размолвки не вели к серьезным конфликтам. Владелец Хомутца приглашал владельца Обуховки в гости в следующих выражениях: «Я завтра буду ждать тебя, Капнист, до захождения солнца. Вино ты будешь пить у меня из винограда, что растет между Яссами и Бухарестом, в бочки разлитое... Буде есть у тебя лучше, привези с собой, а в моем доме будь хозяин. Для тебя уже пылает огонь на очаге моем, вычищены диваны, трубки и чубуки... К чему мне кусок хлеба, если не есть его с добрым другом! Кто жметса да скупится, сберегая карман наследникам, тот недалеко от себя ищи безумного. Я, чтоб о мне ни говорили, хочу начать пить и веселиться» [56, с. 107–108].

Для Капниста, не знавшего латыни, но хотевшего переводить классиков, Иван Матвеевич делал подстрочные переводы, литераторы спорили преимущественно о «древностях» и о современной словесности, обсуждали семейные проблемы [17].

Дружил Василий Капнист не только с Иваном Матвеевичем, но и с его сыновьями. Софья Капнист писала, что для Сергея ее отец был «самый близкий» человек [22, с. 404]. Сохранилось письмо Сергея, приехавшего в Хомутец и собиравшегося навестить поэта. Сергей сообщал, что первые дни после приезда проведет с родными, а потом приедет в Обуховку, «дабы лично засвидетельствовать» Капнисту «истинное... почтение». Письма от родственников Капниста он обещал послать «с нарочным», а на обороте письма сделал приписку:

«При сем и я то же, что всегда, а новостей-то, новостей – с три короба! Только что они тяжелы, нельзя с нарочным верховым отправить» [43, с. 18].

Капнист скончался в октябре 1823 г. Умер он в имении Кибинцы, принадлежавшем его другу, отставному екатерининскому вельможе Дмитрию Трощинскому. Сергей Муравьев-Апостол был при кончине Василия Капниста, сопровождал тело поэта в Обуховку и присутствовал на его похоронах [22, с.404]. В память об этих трагических событиях Семен Капнист подарил ему книгу отца «Лирические сочинения». На книге была дарственная надпись: «Любезному Сергею Ивановичу Муравьеву-Апостолу, проводившему в могилу отца моего, 1-го ноября 1823 года. Семен Капнист» [42, с.531].

Братья Муравьевы-Апостолы приезжали в Обуховку и до смерти Василия Капниста, и после этой смерти. Софья вспоминала, как Матвей своим легким характером оживлял «деревенское уединение». Сергей же, приезжавший отдохнуть от тяжелых служебных обязанностей, сам «оживлялся» среди Капнистов, «и суждения его были до того увлекательны и поучительны, что когда он умолкал, то все хотелось бы еще его слушать» [22, с.389, 397].

С Семеном Капнистом, мужем Елены, братья Муравьевы-Апостолы были, естественно, знакомы до его женитьбы. Семен, как и его отец, был поэтом. Карьеры он не сделал, но в кругу столичных литераторов был известен. Мать Семена, жена Василия Капниста, была родной сестрой жены Гаврилы Державина, и племянник-поэт пользовался покровительством дяди. Участвовал Семен Капнист и в Союзе благоденствия.

Когда Семен влюбился в Елену, он сообщил об этом Сергею, и Сергей в ответном письме добродушно подшучивал над ним: «Радость ваша подействовала и на меня – я вполне ее разделяю, а так как вы теперь счастливы, спокойны, забыли беспокойствия и прежнее отчаяние – но надолго ли? Смотрите, чтобы недели через две еще не написать мне письма отчаянного! Вот вы, влюбленные, переходите от радости к печали по дуновению ветра!» [43, с.21]. Отношения с Семеном были дружескими: в разделе Бакумовки Капнисты не участвовали.

Не со всеми членами этой семьи братья дружили. Взаимная неприязнь была у Муравьевых-Апостолов с Алексеем Капнистом, младшим братом Семена.

Алексей Капнист, тоже член Союза благоденствия, был знаком братьям еще со второй половины 1810-х гг., когда все они служили в гвардии.

В декабре 1825 г. он, тогда подполковник Воронежского пехотного полка, был арестован, несколько месяцев провел в тюрьме и освобожден со «вменением» ареста «в наказание» [19, с. 168]. Сергей Муравьев-Апостол показал, что вместе с другом, Михаилом Бестужевым-Рюминым, они очень хотели «приобрести его» Южному обществу. В начале 1823 г. заговорщики «имели» с Капнистом «разговоры, клонящиеся к сей цели, но, видев в нем твердое правило не входить ни в какое общество», бросили свое намерение и «после того не возобновляли уже покушение насчет Капниста» [20, с. 241].

После неудачной вербовки отношения Сергея Муравьева и Бестужева с Алексеем Капнистом испортились: он показывал на следствии, что «начал уклоняться от них», «свидания» же с заговорщиками «оканчивались на одних холодных учтивостях» [20, с. 252]. Капнист несколько преувеличивал: отказ от участия в заговоре не помешал ему общаться с Сергеем [43, с. 20].

Но и «холодность» имела место: у Алексея Капниста был личный конфликт с Матвеем Муравьевым-Апостолом. На следствии Капнист показывал, что «личная вражда» к нему Матвея «тлелась всегда в его сердце», и он «нередко... обнаруживал ее» перед посторонними людьми. Капнист не мог указать «истинной и точной» причины этой вражды, но полагал, что она происходила из «несходства мыслей», которое и возбуждало в Матвее «чувство мести» [20, с. 252, 244]. По мнению же князя Репнина, генерал-губернатора Малороссии, причиной ссоры были матримониальные устремления обоих: и Матвеем, и Алексеем Капнист добивались руки одной девушки, внучки Трошинского, княжны Прасковьи Хилковой [49, с. 475].

В начале 1826 г. опасность угрожала и Ивану Капнисту. Согласно мемуарам Софьи Репнин, друг семьи, показал Ивану «зашнурованную уже переписку братьев Муравьевых, найденную в деревне их, Хомутце, указал в ней то место, где они, говоря о брате Иване, назначали его, в случае удачи своего дела, членом временного правления» [22, с. 411]. Трудно сказать, насколько эти сведения верны: Иван Капнист в 1826 г. остался на свободе. Однако был арестован и впоследствии осужден на каторгу Николай Лорер.

Но, по словам Софьи Капнист, «несчастье», случившееся в семье Елены Капнист, было «ни с чем не сравнимо»: «Матвей и Сергей Ивановичи Муравьевы-Апостолы были схвачены и в цепях отправлены в Петропавловскую крепость, вследствие возмущения целого полка, в котором батальоном командовал Сергей Иванович, и вследствие известного

сражения под Васильковым, на котором пал жертвой братской любви и самоотвержения младший брат их, Ипполит. И так, бедная невестка наша потеряла разом трех братьев своих».

Боясь за ее здоровье, близкие долго не говорили ей о судьбе Сергея. «И только в одном обществе нечаянно услышала она роковое слово: "Повешен!" Пораженная ужасом, она упала без чувств, и ее долго не могли привести в память» [22, с. 409, 408, 416].

И Елена, и Анна, и Екатерина всю жизнь помнили погибших братьев Сергея и Ипполита, поддерживали сосланного в Сибирь Матвея. Особенно сильна была поддержка старшей из сестер, Екатерины Бибиковой, бывшей фрейлины.

«Парижская красавица» в итоге стала одной из тех женщин, которые, говоря словами Ю. М. Лотмана, оказались «способными на то, на что мужчины, связанные с государственной жизнью и службой, смелые мужчины, которые погибают на редутах, неспособны» [28, с. 56]. Она не была женой декабриста, поскольку ее муж не привлекался к следствию и не был осужден. Но она была сестрой декабристов. Перед казнью она добилась свидания с осужденным на смерть Сергеем, после – демонстративно носила траур по казненному преступнику, провожала в Сибирь Матвея, хлопотала о нем перед властью имущими. Будучи женой губернатора, она оказывала всяческие знаки внимания возвращавшимся из Сибири декабристам, принимала их «как родных» [2, с. 348].

Согласно доносу 1836 г., Бибикова была «исполнена ненависти к Высокочарствующему дому Императора» и публично называла Николая I «убийцей» своих братьев [6].

«Он воистину мой брат»

Об Ипполите Муравьеве-Апостоле, младшем ребенке Анны Семеновны, историкам известно гораздо меньше, чем о Матвее и Сергее. Исследователи убеждены: документов, проливающих свет на его биографию, не сохранилось. «19-летняя жизнь оставила всего несколько следов в документах, преданиях... Где-то рядом были стихи, горе, радость, первые увлечения – не знаем», – утверждал Эйдельман [56, с. 296]. Но историки неправы: некоторые выводы о короткой жизни младшего брата Матвея и Сергея сделать все же можно.

О внешности Ипполита Муравьева-Апостола судить сложно. Один из черниговских офицеров показывал, что в ходе восстания в полк при-

езжал некий «офицер в адъютантском мундире». Следователи задавали и Сергею, и Матвею, и Бестужеву-Рюмину один и тот же вопрос: кто был этот офицер? При этом приводились приметы: «Сей же адъютант был росту малого, темных волос, лица круглого и румяного, лет около 25-ти».

В приведенном описании Матвей и Сергей не узнали Ипполита, однако Михаил Бестужев-Рюмин, ближайший друг Сергея, дал однозначный ответ: приехавший был «меньший брат Муравьева, только что произведенный в офицеры в Свиту. Он от нас не отлучался до своей смерти, быть может, по аксельбанту и шляпе его приняли за адъютанта» [8, с. 165; 39, с. 244; 36, с. 184–185; 3, с. 33].

Монье Ж.-Л. Портрет Екатерины Муравьевой с сыном Никитой. 1802

Ипполиту в 1826 г. было не 19 и не 25, а 20 лет: он родился в Париже 7 августа 1805 г. [35, с. 172]. После возвращения семьи из Франции не пожелавший заниматься воспитанием младшего сына Иван Матвеев-

вич возложил эту миссию на Екатерину Федоровну Муравьеву, вдову двоюродного брата Михаила Муравьева, мать декабристов Никиты и Александра Муравьевых. С пяти лет Ипполит рос в московском доме «тетушки».

В 1812 г. Ипполит, которому еще не было семи лет, стал свидетелем известного побега «на войну» шестнадцатилетнего Никиты. «Бродя пешком по окрестностям Москвы», Никита «был схвачен и обыскан казачьим разъездом. На нем нашли географическую карту и путевые записки на французском языке» [4, с. 412]. Никиту едва не расстреляли, как шпиона, недоразумение вскоре разъяснилось – и он вернулся домой.

В августе 1812 г. Ипполит – вместе с Екатериной Федоровной, Никитой и Александром – спасаясь от наступающих французов, уехал в эвакуацию сначала во Владимир, а оттуда в Нижний Новгород. Муравьеву с детьми сопровождали Иван Матвеевич и Константин Батюшков, приехавшие из Петербурга. В столице «остаться мне невозможно. К<атерина> Ф<едоровна> ожидает меня в Москве больная, без защиты, без друзей: как ее оставить? Вот единственный случай ей быть полезным!» – писал Батюшков сестре в начале августа 1812 г. [1, с. 225].

О пребывании Ипполита во Владимире сохранилось свидетельство Анны Керн. Бежавшая с родными из Москвы, она вспоминала впоследствии, как ее отец встретил «в большом чьем-то доме» «много родных и знакомых» – и среди них «была Екатерина Федоровна Муравьева с сыновьями, из которых Никита только что возвращен был из бегов». Никита, по воспоминаниям Керн, «беспреданно спорил о чем-то в большом одушевлении с аббатом, воспитателем Ипполита Муравьева». Во время этих споров Никита «беспреданно отгонял Ипполита как слишком еще юного, чтобы принимать участие в них» [23, с. 123, 444].

Гувернером Ипполита был 27-летний англичанин Томас Эвенс (Эванс), которого по-русски звали Фомой Яковлевичем. Эвенс, приехавший из Англии в начале века, с 1809 г. преподавал в Московском университете английский язык и английскую же литературу. Говоривший «по-французски как француз, по-немецки как немец», он «основательно выучился по-русски». Гувернер прекрасно знал древние языки и литературу, имел «глубокие сведения» в ботанике, «очень любил музыку и живопись, сам был живописцем и музыкантом, играл превосходно

на виолончели» и вел переписку с европейскими философами и писателями [5, с.655–657].

В Нижнем Новгороде, куда Муравьевы в сопровождении Батюшкова приехали в начале сентября 1812 г., жить пришлось весьма стесненно. «Мы живем теперь в трех комнатах, мы – то есть Катерина Федоровна с тремя детьми, Иван Матвеевич, П.М.Дружинин, англичанин Эвенс, которого мы спасли от французов, две иностранки, я, грешный, да шесть собак. Нет угла, где бы можно было поворотиться», – рассказывал Батюшков Гнедичу [1, с.234]. Упомянутый в тексте Петр Дружинин был другом Батюшкова и Муравьевых, директором Московской губернской гимназии.

После изгнания французов из России беженцы стали возвращаться домой. Первым, в начале 1813 г., Нижний Новгород покинул Иван Матвеевич, вслед за ним уехал Батюшков, и только в апреле 1813 г. из Нижнего Новгорода в Петербург – через сожженную Москву – приехала Екатерина Федоровна с детьми [33, с.232; 44, с.7]. Вскоре и Никита Муравьев, и Батюшков отправились в действующую армию.

Жизнь и учеба Ипполита в доме Екатерины Федоровны продолжились, только теперь этот дом находился в Петербурге. Между Александром и Ипполитом существовало «соперничество» на почве учебы. «Тем сильнее он (Александр. – *О.К.*) должен теперь учиться, что соперничество его с Ипполитом не кончилось. Время их соединит, пусть который из них не позавидует друг другу и друг на друга с презрением не посмотрит. Вот мое желание», – писал поэт Екатерине Федоровне [1, с.333].

Судя по письмам Никиты к матери, судьба Ипполита волновала его столь же сильно, как и судьба Александра. В письмах из армии Никита регулярно посылал приветы «Саше и Ипполиту», интересовался успехами маленького кузена, ждал от него писем [31, с.48, 49, 51, 56 и др.].

В 1815 г. отец забрал 10-летнего Ипполита у Екатерины Федоровны. Никита по этому поводу писал матери, что понимает, насколько ей это «неприятно» и огорчительно [31, с.83, 84].

После того, как Ипполит уехал от Екатерины Федоровны, его жизнь стала кочевой. Москва, Петербург, Хомутец, Одесса, Васильков, Белая Церковь, Киев – нигде подолгу подросток не задерживался.

Учился он теперь от случая к случаю. «Иван Матвеевич имеет шестьдесят тысяч дохода и сына своего Ипполита при себе <...> Сын его говорит по-французски, но учителя не имеет, а имеет учителей немец-

ких, русских, латинских и пр., и пр., и пр.», – писал Батюшков в марте 1816 г.

Иван Матвеевич по-прежнему редко видел сына: известно, например, что осенью 1816 г. Ипполит заболел в Москве – и лечением его занимался Батюшков [1, с.408–409; 382].

Осень 1817 и зиму 1818 г. Ипполит жил в Москве на попечении Эвенса, отец же в это время «захлопотался в Полтаве». Гувернер, очень сочувствовавший своему воспитаннику, был вынужден нанимать ему учителей за собственные деньги [31, с.94, 101, 104, 114, 117]. Никита сообщал матери: Ипполит «ничему не учился, кроме латинского и греческого языков» и ботаники. Зато в изучении языков он явно делал успехи: к удивлению Никиты, двенадцатилетний ребенок на его глазах «переводил 1-ю песню "Илиады" с греческого», а по-латыни «читал очень плавно Саллюстия "Заговор Каталины"». «Он имеет очень много способностей», – писал Никита [31, с.101, 114].

Усилия гувернера оценил Батюшков: «Ипполит у Эвенса не избалован и из рук его выйдет чист и неиспорчен: а это главное дело!» [1, с.503]. Летом 1818 г. Эвенс, поссорившись с Иваном Матвеевичем, получил отставку – о чем очень жалели и Батюшков, и Никита Муравьев. Между тем, по словам того же Батюшкова, ко времени отставки гувернера «Ипполит вырос и похорошел», стал «прекрасным молодым человеком» [1, с.503, 495, 487].

Что делать с подрастающим сыном, Иван Матвеевич решительно не понимал. Приехав летом 1818 г. в Одессу, он хотел отдать сына в незадолго до того образованный Ришельевский лицей. Директором лицея был известный педагог и аббат-иезуит Шарль Николь. «Иван Матвеевич», кажется, расположен перевести Ипполита в лицей одесский к abbe Nicole. Здешний лицей хвалят», – сообщал Батюшков Екатерине Федоровне. Поэт был сторонником этого плана: он знал «почтенного Николая» лично, считал, что «лицей в цветущем состоянии, и дети здесь счастливы: они в хороших руках». «Я видел детей в классах, за столом, видел их спальни и не мог налюбоваться порядком, чистотой. В первый раз видел я детей, учащихся по новой методе, под руководством молодого человека, недавно приехавшего из Парижа», – писал Батюшков родственнице [1, с.503, 508, 513].

Намерение Ивана Матвеевича было серьезным: мемуаристка Софья Капнист даже полагала, что Ипполит получил образование «в одесском лицее», после чего определился в гвардию [22, с.399].

Но учеба в лицее не состоялась. Причиной, видимо, была неоднозначная репутация и Николая, и самого лицея в высшем свете Петербурга и Москвы. «Аббат... имеет недоброжелателей. Не удивляюсь нисколько: добро даром не делается. Лицей имеет внутренних и внешних врагов», – писал Батюшков [1, с. 514]. К началу 1820-х гг. судьба Ипполита все еще не была определена, он нигде не учился.

Образованием брата пытался заниматься Сергей. В ноябре 1821 г. он писал отцу: «Бывший педагог Ипполита весьма радуется его прилежанию и от души желает продолжения похвального сего начала; но кажется мне, трудно ему одному сделать значительные успехи». По мнению Сергея, для младшего брата «весьма полезно было бы», если бы отец сам стал заниматься с ним, или бы нашел «человека, способного к тому, или бы отправили его куда». «Не забудьте, любезной папенька, что он теряет лучшее время жизни, и что общество имеет право требовать от него более, нежели от другого. Ежели б я не вел жизнь совершенно кочующую, я, с позволения вашего, с радостью бы принял бы на себя обязанность сообщить ему скудные мои познания», – просил Сергей отца.

Последствием интереса, проявленного к судьбе Ипполита, стало в конце 1822 г. появление 17-летнего младшего брата в уездном городе Василькове Киевской губернии, штаб-квартире Черниговского пехотного полка, месте службы 27-летнего подполковника Сергея. Ипполит провел с Сергеем несколько месяцев.

Сергей занимался с братом иностранными языками и математикой. «Мы скрашиваем наше одиночество чтением, переводами, математикой, болтаем, и время проходит нескучно. Я действительно счастлив, мой дорогой папенька, что он со мной. Что бы стало со мной, будь я один? И у Ипполита такой хороший характер, что он меня очаровывает; и потом, – он воистину мой брат по той глубокой привязанности, что он питает к вам», – сообщал Сергей отцу [12, л. 10об., 83]. Из семейной переписки следует, что в Василькове Ипполит общался и с братом Матвеем, тогда 29-летним майором Полтавского пехотного полка, служившим по соседству, в Ржищеве.

Писать родным Ипполит, в отличие от старших братьев, не любил с раннего детства: в 1813–1814 гг. Никита Муравьев в письмах к матери сетовал, что юный кузен не пишет Сергею и Матвеем, да и его самого «не удостоил... и словом». Никита жаловался матери, что Матвей, получив долгожданное письмо от Ипполита, остался этим письмом недоволен: брат пересказывал ему чужие мысли – вместо того, чтобы

формулировать собственные [31, с.49, 50, 51, 56]. Восемилетнего ребенка можно понять: нежелание письменно общаться с родственниками вполне могло быть продиктовано осознанием ненужности собственному отцу.

Приехав же в Васильков, Ипполит – очевидно, по настоянию старших братьев – отцу писал. 10 декабря 1822 г. подросток написал отдельное письмо, кроме того, несколько раз он делал приписки в письмах Сергея. Как и старшие братья, Ипполит был весьма вежлив, называл себя «почтительным» и «покорным» сыном, а мачеху – “taman”. Но его общение с Иваном Матвеевичем было светским и пустым – и вовсе не свидетельствовало о «глубокой привязанности» юноши к отцу и мачехе.

Его письмо от 10 декабря во многом повторяло написанное за день до того послание Матвея. Оба брата описывали бал в Киеве, который давала Софья Раевская, жена генерала Николая Раевского, в честь именин мужа. По мнению Матвея, бал был «ярким» и «живым», а по мнению Ипполита – «блестящим». «Граф Воронцов также приехал в Киев» и был на балу, рассказывал Матвей. «Там были генерал Воронцов и его жена», – сообщал Ипполит.

Матвея весьма занимали киевские разговоры о том, что Алексей Капнист «собирается жениться на мадемуазель Хилковой, внучке господина Трощинского», он старался разузнать о справедливости таких разговоров у сына генерала, Николая Раевского-младшего. «У нас ходят слухи, что... Капнист собирается жениться на мадемуазель Хилковой... но вы, наверное, лучше нас знаете, есть ли в этом хоть доля правды», – писал отцу Ипполит.

Матвей утверждал, что его «горячее желание» – увидеться с отцом и жить вместе с ним и доброй “taman” и предоставить родным «доказательство любви и уважения». Ипполит же уверял Ивана Матвеевича, что «одним из самых горячих» его желаний было бы «увидеть нашу маленькую семью воссоединенной и всегда жить вместе». Матвей, а вслед за ним и Ипполит сообщали отцу, что войны с турками, скорее всего, не будет.

Матвей пересказом новостей не ограничивался: рассуждал о литературе, интересовался здоровьем близких: его беспокоили предписанная врачами отцу «диета» и головные боли “taman”.

Ипполита такого рода подробности не занимали даже из соображений вежливости. Зато его письмо отличается большим количеством светских сплетен: он сообщал, например, что видел на балу графиню Елизавету

Воронцову, украшения которой, «по слухам», стоили 80 тысяч рублей, общался с киевской «аристократией», а с семейством генерала Раевского обсуждал «недавно вышедшие романы».

Пожалуй, единственное место в письме от 10 декабря, проникнутое искренней эмпатией, – это рассказ о том, как генерал Раевский получил письмо от Константина Батюшкова, тяжело заболевшего психическим расстройством и пребывавшего, по словам Ипполита, в «глубочайшей меланхолии». От того, что Батюшков – близкий человек – болен, одинок, лишен друзей, автор письма, по-видимому, искренне страдал [12, л. 115–115об., 111–112].

Впоследствии, когда Ипполит погибнет, служивший у генерала Воронцова доктор-англичанин Роберт Ли запишет в дневнике, что младший брат Сергея Муравьева-Апостола «был негодяем». Накануне событий 1825 г. он якобы заявил, что «случись революция... не испытал бы сожаления, увидев голову своего отца на пике» [59, р. 100]. Конечно, этой записи полностью доверять невозможно: сведения доктор получал, по-видимому, от Александра Раевского, сына генерала [41, с. XXIII]; с Александром Раевским к 1825 г. отношения у Матвея и Сергея были сложными. Но любить Ивана Матвеевича Ипполиту действительно было не за что: при живом отце он фактически остался круглым сиротой.

Братья были ему гораздо ближе, чем отец. Но и они, взрослые люди, занятые службой и личными делами, не могли полностью принять на себя образование и воспитание юноши. Как справедливо замечал Сергей, сам он был вынужден вести «жизнь совершенно кочующую», и такой «образ жизни» был мало пригоден для роли учителя. Вскоре к служебным обязанностям Сергея добавились и обязанности заговорщика. В начале 1823 г. в Киеве, куда он приехал с Ипполитом, шли заседания Южного общества, голосовался вопрос о царевубийстве – и Сергей был вынужден расставаться с братом. Ипполит был предоставлен самому себе, ходил в сопровождении знакомых по Киеву как турист, рассматривал соборы и катакомбы и лично познакомился с генералом Воронцовым – о чем и поведал отцу в приписке к письму Сергея от 20 января [12, л. 85].

Судьба Ипполита оставалась неясной и к маю 1823 г.: Сергей писал Бибикову, что настало время «подумать о службе Ипполита» и просил его написать «о том к батюшке» [38, с. 319].

В мае 1824 г. Иван Матвеевич отдал наконец Ипполита незадолго до его девятнадцатилетия учиться в Петербургское училище колонновожатых.

При этом «недоросль из дворян» Ипполит Муравьев-Апостол представил в училище свидетельство: «По указу Его императорского величества Герольдия определила дать сие тайного советника, сенатора и кавалера Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола сыну Ипполиту Муравьеву-Апостолу в том, что он происходит от древнего дворянского рода Муравьевых, коего герб внесен в общий дворянских родов все-российской империи гербовник и высочайше утвержден. Апреля 23 дня 1824 года» [46].

Училище, в котором стал учиться Ипполит, пользовалось популярностью в дворянских кругах: выпускавшиеся из его стен офицеры-квартирмейстеры быстро продвигались в чинах и в итоге делали хорошие карьеры. Однако нравы, царившие в этом учебном заведении, были весьма суровыми: училище было казенным и закрытым, быт воспитанников строго регламентировался, отлучки дозволялись редко, в основном по праздникам. Строго воспрещались «курение, игра в карты, чтение книг, не разрешенных инспектором», а также «посещение театров, маскарадов, концертов, кондитерских, езда в экипаже». «За всякое нарушение установленных положений налагались разнообразные наказания, выговоры, лишение отпуска, занесение на черную доску, отделение за особый стол, разного рода аресты, наконец, исключение из заведения на службу в армию унтер-офицерами» [15, с. 309].

Военный историк Н. П. Глиноецкий, изучавший документы училища, был убежден: воспитанники относились к своим преподавателям «враждебно», как к «надзирателям и притеснителям». Эта вражда порождала в среде учеников озлобление и естественный протест, часто завершавшийся жестокими наказаниями. За три года существования этого заведения 22 его воспитанника были выпущены офицерами, а еще 20 – разжалованы в унтер-офицеры или рядовые [15, с. 310].

Впрочем, несмотря на строгости, Ипполит, по словам Матвея, «как все молодые люди», совершал «глупости», и на его поведение жаловалась Екатерина Бибикина. Младший брат был «счастлив стряхнуть с себя первую зависимость», и «такой образ действия со стороны Ипполита» Матвея нисколько не удивлял [14, л. 12].

Несмотря на явные гуманитарные склонности, учиться Ипполиту было, по всей видимости, несложно. Он действительно был талантлив: при

том, что общий курс обучения составлял два года, он проучился всего несколько месяцев. По результатам выпускных экзаменов, 29 марта 1825 г., Ипполит стал прапорщиком Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части [9, с. 182].

Ипполит Муравьев-Апостол, как и старшие братья, был заговорщиком. Точная дата его вступления в тайное общество неясна, но, скорее всего, это случилось в начале 1824 г., еще до того, как он начал учиться. Ипполит был членом «петербургской ячейки», «филиала» Южного общества – особой организации, которой поначалу руководил его брат Матвей.

Кто принял Ипполита в заговор – тоже неизвестно, но вполне возможно, что это был друг его детства, кавалергардский корнет Александр Муравьев – сын Екатерины Федоровны. Сам Александр с 1819 г., с 17-ти лет, состоял в Союзе благоденствия, в «филиал» же его «перепринял» Матвей. Корнет был весьма активен: на следствии он показывал, что общество «ослепило» его «прелестью тайны», «новыми мыслями», «дружеством», «деятельными вспоможениями нуждающимся» [30, с. 386, 388]. Он постоянно присутствовал на совещаниях заговорщиков и хорошо себе представлял роль в тайных обществах и родного брата Никиты, и кузенов, Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов.

Но нельзя исключить и другого развития событий: в тайное общество Ипполита мог принять Матвей: младший брат был в курсе некоторых подробностей деятельности Южного общества. Александр Муравьев показывал: Матвей и Ипполит поведали ему о том, «что во 2-й армии много членов общества, которые имеют сношения с Польским обществом» [30, с. 388].

Окончив училище, Ипполит вошел в тесный кружок молодых офицеров-кавалергардов, таких же, как он, членов «филиала»; именно кавалергарды в 1826 г. рассказали следствию о пребывании прапорщика в тайном обществе [30, с. 392, 488; 48, с. 340; 51, с. 242; 55, с. 251; 16, с. 254].

В десятых числах декабря юный прапорщик получил назначение на юг, в Тульчин, в штаб 2-й армии. Ипполит выехал из Петербурга 13 декабря 1825 г., с собою он вез письмо «диктатора» восстания, князя Трубецкого, к брату Сергею. Письмо доставлено не было: узнав в Москве о столичных событиях, младший брат его уничтожил. Согласно справке, составленной в III Отделении, из Москвы государственный преступник Ипполит Муравьев-Апостол «пустился к братьям своим Сергею и Матвею», вместе с ними «участвовал в бунте Черниговского пехотного

полка и при усмирении оного убит». По другой версии, при разгроме восставших прапорщик покончил с собой.

Согласно приговору военного суда, утвержденному императором Николаем I, было «велено прибить имя его к виселице» [13, л. 8] – что и было исполнено 28 августа 1826 г. в городе Василькове, при сборе «сводного баталиона из команд всех полков 9-й пехотной дивизии». Под виселицу «через палача» были поставлены приговоренные к вечной каторге и уже лишённые чинов и дворянства бывшие офицеры – участники восстания [8, с. 349].

le 10e Decembre 1827. 115

Nous nous sommes absenté ces jours-ci, mon cher Papa, à Warfelnof pour aller à l'invitation de madame Prayfsky, prendre part au bal qu'elle a donné à l'occasion du jour de nom de son mari. Serge, qui a été occupé de la revue de son bataillon, n'a pas pu nous accompagner. Le bal étoit très brillant, toute l'aristocratie de Kielt y étoit, le général Horowitz et sa femme y étoient, elle avoit sur elle, à ce que l'on prétend, pour plus de 80000 roubles de diamans et en perles fines. Toute la famille des Prayfsky s'étoit rassemblée à cette occasion, à l'exception d'un pauvre Abraham qui est plus souffrant que jamais, et qui ne peut prendre part aux réjouissances. Malin et Serge sont allés le visiter à Troïtskopol, car on dit qu'il est dans son séjour complet et qu'il est obligé de garder la chambre à cause d'un rhume qui résiste à tous les remèdes. Si ce rhume continuait et qu'on nous eût vu un bon mariage, cela nous accommoderoit fort bien, pour le mariage, qui nous espérons pouvoir entreprendre pour avoir le plaisir de passer les fêtes avec vous, mon cher Papa, et auquel je ne puis penser sans la plus vive joie, car si vous aviez un de mes soustraites les plus anciens, seroit de voir votre fille comme Marie Leonie, et de vivre toujours ensemble. Le lendemain du bal nous avons été passer la soirée chez le général Prayfsky, il n'y avoit que les membres de la famille, le général Beloff et sa femme, la conversation a roulé pendant quelques temps sur les romans qui ont paru, ensuite le général Prayfsky y a écrit, et a communiqué une lettre qu'il venoit de recevoir de la part de Constantin Batiouk empereur de la plus profonde mécontentement, où il le remercioit pour s'être qu'il lui avoit fait de venir passer quelques temps à Kielt, s'excusant de pouvoir en profiter à cause du mauvais état de sa santé, je ne presser pas votre pitié la peine que me fit cette nouvelle. A Prague Constantin Batioukoff,

Письмо Ипполита Муравьева-Апостола отцу

Список сокращений

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

Библиографический список

1. Батюшков К.Н. Сочинения. М.: Худ. лит., 1989. Т.2. 719 с.
2. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб.: Изд. А.С.Суворина, 1882. 507 с.
3. Бестужев-Рюмин М.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950. Т.9. С.26–176.
4. Бибикова А. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1916. Т.146. №11. С.404–426.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М.: В Университетской тип., 1855. Ч.II. 673 с.
6. Бокова В.М. Подметное письмо // Родина. 1992. №5. С.52.
7. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
8. Восстание Черниговского пехотного полка // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. Т.6. С.111–132.
9. Высочайшие приказы о чинах военных за 1825 год. СПб., 1826.
10. ГАРФ. Ф.1002. Оп.1. Д.1.
11. ГАРФ. Ф.1002. Оп.1. Д.5.
12. ГАРФ. Ф.109. Оп.18. 1-я эксп. 1843 г. Д.185.
13. ГАРФ. Ф.109. Оп.1. 1-я эксп. 1826 г. Д.61, Ч.157.
14. ГАРФ. Ф.279. Оп.1. Д.82.
15. Глиноецкий Н.П. История русского генерального штаба. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1883. Т.1. 1698–1825. 427 с.
16. Горожанский А.С. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1984. Т.18. С.253–268.
17. Громова Т.Н. Литературные взаимоотношения И.М.Муравьева-Апостола и В.В.Капниста // Русская литература. 1974. №1. С.110–115.
18. Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1904. 382 с.
19. Журналы и докладные записки Следственного комитета // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1986. Т.16. 400 с.
20. Капнист А.В. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: РОССЭН, 2001. Т.20. С.237–258.

21. Капнист В.В. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. 777 с.
22. Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: ГПИБ, 2008. Т. 1. С. 328–473.
23. Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Правда, 1989. 480 с.
24. Киянская О.И. Российская Беллиза: к истории жизни Анны Муравьевой-Апостол // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. №6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016036-8-1/> (дата обращения: 15.11.2021).
25. Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ: Критика, 2004. 355 с.
26. Кошанский Н.Ф. На смерть графини Ожаровской // Вестник Европы. 1814. №23. С. 228–229.
27. Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 416 с.
28. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992. Т. 2. 479 с.
29. Материалы об имущественном положении декабристов // Восстание декабристов. Документы. М.: РОСПЭН, 2016. 776 с.
30. Муравьев А.М. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 381–398.
31. Муравьев Н.М. Письма декабриста. 1813–1826 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 310 с.
32. Муравьев Н.Н. Записки. Часть I–II // Русский архив. 1885. №9. С. 6–84.
33. Муравьев-Апостол И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002. 271 с.
34. Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. 96 с.
35. Муравьев-Апостол М.И. Погостный список // Декабристы. Материалы для характеристики. М.: Изд. М.М.Зензинова, 1907. С. 172–176.
36. Муравьев-Апостол М.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 177–284.
37. Муравьев-Апостол С.И. Два письма // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 222–226.
38. Муравьев-Апостол С.И. Письма // Русский архив. 1887. №3. С. 315–320.
39. Муравьев-Апостол С.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 227–412.
40. Несмеянова И.И. Придворный штат великой княгини Екатерины Павловны и принца Георга Ольденбургского (1809–1812) // *Magistra Vitae*: Электронный журнал по историческим наукам и археологии. Челябинск, 2019. №1. С. 7–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privdornyy-shtat-velikoy-knyagini-ekateriny-pavlovny-i-printsa-georga-oldenburgskogo-1809-1812/viewer> (дата обращения: 16.08.2021).
41. Оксман Ю.Г. Восстание Черниговского полка // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. Т. 6. С. IX–LXVII.

42. Орлов В.Н. Из литературных отношений С.И.Муравьева-Апостола // Декабристы-литераторы. М.: Изд-во АН СССР, 1954. [Ч.] II. Кн.1. (Лит. наследство; Т.60). С.531–536.
43. Павловский И.Ф. Из прошлого Полтавщины. Полтава: Учен. Полтавская архивная комиссии, 1918. 29 с.
44. Павлюченко Э.А. Декабрист Никита Муравьев. Отступник или подвижник? // Муравьев Н.М. Письма декабриста. 1813–1826 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С.3–47.
45. Письма С.И. и М.И.Муравьевых-Апостолов к А.Д. и А.И.Хрущевым // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т.1. С.108–139.
46. РГВИА. Ф.395. Оп.182, 4 отд. 1824 г. Д.87.
47. РГВИА. Ф.73, 2 отд. 1821. Д.103.
48. Свистунов П.Н. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.; Наука, 1976. Т.14. С.331–478.
49. Секретные донесения о настроениях в украинских губерниях зимой 1825–1826 гг. // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: ГПИИБ, 2008. Т.1. С.474–480.
50. Сочинения графа Петра Ивановича Капниста. М.: [б/и], 1901. Т.1. CCLVII + 237 с.
51. Толстой В.С. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.; Наука, 1979. Т.15. С.237–246.
52. Трубецкой С.П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.1. С.3–145.
53. Тургенев Н.И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 744 с.
54. Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. Пг.: Гос. типография, 1915. Т.3. 758 с.
55. Чернышев З.Г. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.; Наука, 1979. Т.15. С.247–255.
56. Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. М.: Политздат, 1975. 365 с.
57. Эйдельман Н.Я. Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. 376 с.
58. Энгельгардт Б.М. Письма С.И. и М.И.Муравьевых-Апостолов к А.Д. и А.И.Хрущевым [Вступительная статья] // Памяти декабристов: Сб. материалов. М.: Изд-во АН СССР, 1926. Т.1. С.108–112.
59. Lee R. The last days of Alexander, and the first days of Nicholas (emperors of Russia). London: Printed by Richard Bentley, 1854. 210 p.

Наталья Черникова

МАСТЕРА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ И ЕЕ ШТАТ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47)"18":342.5

Необъемлемой частью бюрократической системы управления в Российской империи были разнообразные канцелярии. Именно в них оформлялись все бумаги, от действий их чиновников зависела конечная судьба многих проектов. И современниками, и исследователями такая организация делопроизводства воспринималась как неизбежное зло. Однако сами канцелярии по уровню обслуживаемых ими учреждений, а значит и по своим функциям и личному составу были далеко не однородны. Особое место среди них занимала Государственная канцелярия, обеспечивавшая работу высшего законосовещательного орган Российской империи – Государственного совета. Статья раскрывает особенности работы и формирования кадрового состава Государственной канцелярии, обеспечивавшие ее соответствие предъявляемым к ней требованиям. Автор приходит к выводу о том, что профессионализм составлявших канцелярию чиновников оказался способен отчасти компенсировать недостатки системы.

A variety of chancelleries was an integral part of the bureaucratic system of the Russian Empire. They drew up all the official papers, the final fate of many projects depended on the actions of their officials. Both contemporaries and researchers perceived such an organization of office work as a necessary evil. However, the offices themselves were far from homogeneous in terms of the level of the institutions they served, and hence in their functions and personnel. A special place among them was occupied by the State Chancellery, which ensured the work of the highest legislative advisory body of the Russian Empire – the State Council. The article reveals the features of the work and the formation of the personnel of the State Chancellery, which ensured its compliance with the requirements imposed on it. The author comes to the conclusion that the professionalism of the officials who made up the office was able to partially compensate for the shortcomings of the system.

Ключевые слова: Российская империя; Государственный совет; Государственная канцелярия; законодательный процесс; делопроизводство; чиновники.

Key words: the Russian Empire; the State Council; the State Chancellery; legislative process; office work, officials.

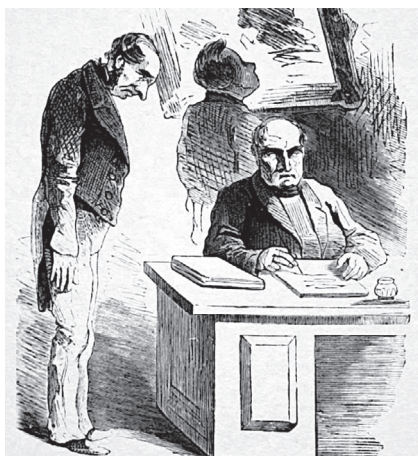
E-mail: ncher@inbox.ru

Бюрократизация всех сфер государственной жизни была общим явлением для европейских стран в XIX в. В условиях императорской России это проявлялось, в частности, в увеличении значения разнообразных канцелярий, занимавшихся оформлением бумаг, а в некоторых случаях – и уточнением, конкретизацией принятых решений.

Высказывания и воспоминания современников, художественная литература (в том числе произведения Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина) оставили множество картин канцелярского производства. Существование этой проблемы осознавалось и правящими кругами. Широкое распространение получили приписываемые Николаю I слова о том, что Россией управляет не он, император, а столоначальники [13, с. 270; 20, с. 13].

В этом убеждении император не был одинок. Сходного мнения придерживался шеф жандармов А.Х. Бенкендорф. В «Обзоре общественного мнения» за 1827 г. он писал о чиновниках: «они-то и правят, к сожалению, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но в сущности все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы» [27, с. 23]. С течением времени ситуация лишь усугублялась. 60 лет спустя, в 1887 г., иркутский губернатор А.П. Игнатьев приехал по делам в Петербург. После нескольких дней пребывания в столице он заметил: «Я до сих пор думал, что эти рассказы о всемогущем значении столоначальников – это мифы и легенды; но теперь я убедился лично, что в этих рассказах нет даже ничего преувеличенного. Я лично должен был и продолжаю до сих пор ездить по разным канцеляриям и учреждениям, кланяться не директорам и не начальникам, а именно столоначальникам. От них, только от них все зависит в судьбе движущихся дел» [17, с. 423–424].

Убеждение в способности чиновников разнообразных канцелярий затянуть или, при желании, ускорить дело, добиться его решения в нужном русле, было всеобщим, а само явление воспринималось как неотъемлемая часть бюрократической системы, неиз-

Чиновники

бежное зло, бороться с которым бесполезно. Но все это превращалось в государственную проблему, как только речь заходила о высших канцеляриях – департаментов Правительствующего Сената, Канцелярии Комитета министров и, особенно, Государственной канцелярии, обслуживавшей высший законосовещательный орган империи, Государственный совет. Опасения современников в этом случае вызывала уже не столько скорость прохождения дел, сколько влияние чинов канцелярии на принятие важных политических решений.

К сожалению, канцелярии, даже высшие, не часто привлекают внимание исследователей. А те из них, кто все же обращается к этой теме, не видят принципиальных различий между канцеляриями разных учреждений [26; 28; 31].

В свое время Н. П. Ерошкин заметил, что недостаток исследований, посвященных конкретным государственным учреждениям, делает невозможным создание полноценного обобщающего труда о государственной системе России в целом. Несмотря на множество появившихся с тех пор работ, это наблюдение справедливо и сейчас, и тем более оно верно для канцелярий, обслуживавших эти учреждения.

«Неизбежное зло» канцеляризма

В начале XIX в. канцелярия считалась необходимым атрибутом каждой государственной структуры.

Была она создана и для Государственного совета, образованного в 1801 г., а после его реформы в 1810 г. получила даже собственное «Учреждение». Ее основной задачей было делопроизводственное оформление всех проходивших через Совет дел.

При поступлении в Государственный совет (вернее, в его канцелярию) любого проекта, он, прежде всего, пересылался в отделение соответствующего департамента, где по нему готовился доклад, собирались необходимые справки, материалы, отзывы. Докладывал дело на заседании департамента также чиновник канцелярии, хотя во второй половине столетия и сам доклад, и сопровождавшие его материалы уже печатались и рассылались членам Совета для предварительного ознакомления. После того, как решение было принято, в канцелярии же оформлялся журнал заседания, который подписывался всеми его участниками. Затем дело поступало на обсуждение Общего собрания, по результатам заседания которого снова составлялся журнал.

Журналы по всем заслушанным на заседании делам вместе с записками, поданными министрами еще при внесении дела в Совет, станови-

лись основой для меморий, которые также составлялись в канцелярии и представлялись императору спустя две недели после заседания Общего собрания. Государственный секретарь Е. А. Перетц подчеркивал особое значение этих меморий, поскольку именно «по ним разрешаются государем все советские дела» [24, с. 264, запись 25 октября 1881 г., примеч.]. Впоследствии мемории, в свою очередь, использовались при подготовке различных отчетов и справок.

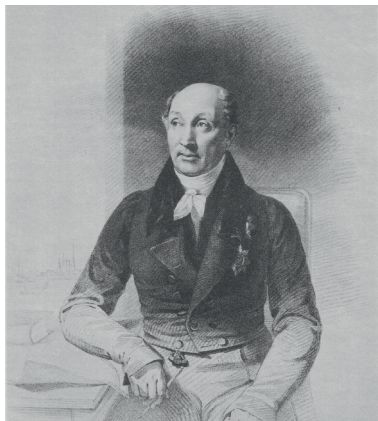
Составление всех этих бумаг чиновниками Государственной канцелярии не могло не беспокоить современников: казалось, что при их оформлении канцелярия была слишком самостоятельна и независима. Это мнение разделял и Александр II, который даже как-то заметил, что Государственная канцелярия вышла из своей роли и присвоила себе значение и положение, ей не принадлежащие [11, с. 300–301, запись 7 ноября 1864 г.].

Ставилась под сомнение и сама необходимость существования канцелярского делопроизводства, по крайней мере на высших ступенях бюрократической лестницы.

У истоков канцелярского делопроизводства

(а именно тогда были созданы многие центральные и высшие учреждения) всем, в том числе и основному автору многих реформ М. М. Сперанскому, единственно возможным путем организации делопроизводства казалась подготовка всех дел к слушанию в канцелярии и затем оформление там же исходящих бумаг [14, с. 101–102]. Интересно, однако, что сразу после создания всех этих учреждений современники, обеспокоенные чрезмерным значением Государственной канцелярии, выдвигали кардинальные предложения по реорганизации ее работы, вплоть до полного отказа от традиции подготовки дел канцелярскими чиновниками.

Известный государствовед Н. М. Коркунов считал такой порядок оформления бумаг лишь данью времени, поскольку в начале XIX в.

М. М. Сперанский

Так, видный сановник эпохи Александра I граф В.П.Кочубей в декабре 1814 г. в записке «О положении империи и мерах к прекращению беспорядков и введении лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие» среди других мер предлагал вообще отстранить канцелярских служащих от самостоятельной работы с важными документами. Вместо этого, считал он, надо «предоставить членам Совета, департаменты составляющим, обрабатывать самим бумаги, в Совет поступающие, назначая им для сего одного из чиновников, при Совете служащих», то есть делать «то, что ныне чинится каким-нибудь канцелярским служителем» [15, с.9, примеч.].

В.П.Кочубей

Вопрос о снижении значения Государственной канцелярии и руководившего ею государственно-го секретаря поднимался и Комитетом 6 декабря 1826 г. Его целью было рассмотрение проблем, касающихся улучшения государственного устройства [18, с.63]. Наоборот, во второй половине XIX столетия порядок организации делопроизводства Государственного совета стал настолько привычен, что даже самые далеко идущие предложения по реорганизации его работы почти не затрагивали Государственную канцелярию. В крайнем случае речь шла об усилении ее состава «специалистами по разным предметам, особенно техническими» [30, с. 10].

Во многом это оправдывалось тем, что во второй половине XIX столетия в Государственной канцелярии работали вовсе не «какие-нибудь канцелярские служители», как выразился граф В.П.Кочубей, а стоявшие перед ними задачи по своей сложности и важности были несопоставимы с теми, которые приходилось решать служащим не только низших, но даже сенатских и министерских канцелярий.

Интересное определение этого различия оставил Э.В.Фриш. Всю жизнь он прослужил в Сенате, был обер-прокурором Уголовного кассационного департамента (1870–1872), а потом Общего собрания кассаци-

онных департаментов, сенатором (с 1874 г.), входил в состав множества комитетов и комиссий, а в 1876–1883 гг. занимал пост товарища министра юстиции. Обладая значительным опытом, он тем не менее категорически отказался занять пост государственного секретаря, предложенный ему в конце 1882 г. и аргументировал этот отказ в том числе своей неспособностью управлять высококвалифицированным персоналом Государственной канцелярии: ему, «мне, прослужившему весь век, так сказать, в армии, придется командовать гвардейцами», – воскликнул он [24, с. 339, запись 29 декабря 1882 г.].

Личный состав Государственной канцелярии

Прежде всего необходимо отметить, что чиновники Государственной канцелярии не представляли собой однородной массы. С самого начала они делились на младших и старших, в положении, образовании и занятиях которых была огромная разница. Младшие (а они составляли примерно $\frac{3}{4}$ всех служащих канцелярии) выполняли технические функции по переписке и организации движения бумаг, тогда как старшие (государственный секретарь, статс-секретари и их помощники [23, с. 27–28]), занимались составлением всех бумаг. И именно от них зависела правильность и полнота всей доводившейся до членов Государственного совета информации, на основе которой те и принимали окончательное решение. Неудивительно, что старшие чиновники канцелярии назначались и увольнялись высочайшими указами [34, с. 21, ст. 133], а значит, были хотя бы поверхностно известны императору.

Основной функцией помощников статс-секретарей была подготовка извлечений из поступающих дел и записок, сбор дополнительных сведений и справок. Кроме того, они наблюдали за порядком движения дел и правильностью составления бумаг, составляли проекты разнообразных резолюций [19, с. 7, с. 24; 34, с. 25, ст. 165]. Их работу курировал возглавлявший соответствующее отделение канцелярии статс-секретарь, который проверял и дополнял все подготовленные в отделении бумаги. В сферу его ответственности входил не только контроль над правильностью их оформления, отсутствием описок и исправлений, но и проверка всех изложенных фактов. Для этого в 1852 г. ему даже было вменено в обязанность сверять все подготовленные к утверждению императора бумаги «не только с журналами Совета, но и с подлинными бумагами, из коих составлены сами журналы, ибо при такой проверке ошибка, могущая вкрасться в журнал, будет открыта и исправлена прежде окон-

чания дела по Государственной канцелярии» [12, с. 173]. Очередную, уже окончательную, проверку подготовленных в канцелярии журналов и меморий осуществлял государственный секретарь.

Вся эта работа требовала достаточно высокой квалификации исполнителей и, кроме того, должна была проводиться в сжатые сроки. Дополнительную сложность придавало ей разнообразие рассматриваемых вопросов. Именно это государственный секретарь Е. А. Перетц считал коренным отличием деятельности Государственной канцелярии от всех остальных. В министерствах, писал он, каждая часть департамента и каждая канцелярия разрабатывает определенные, хорошо известные ей вопросы, а все, что выбивается из общего ряда, передается на предварительное рассмотрение отдельным лицам или даже комиссиям. Совсем иные задачи стоят перед Государственной канцелярией.

Е. А. Перетц

«Дела, подлежащие ее разработке, суть именно самые важные дела других ведомств. Большею частью законодательные вопросы представляются или спорными, или, по другим причинам, нелегко разрешимыми; притом они касаются различных учреждений и всевозможных специальностей» [3, л. 49]. Таким образом, одним и тем же чинам Государ-

ственной канцелярии приходится одновременно заниматься «вопросами: об усовершенствовании гражданских или уголовных законов, о средствах к предотвращению скотских падежей, об изменениях в составе различных административных ведомств, о рыболовстве, о законах печати, о земских или городских общественных учреждениях, об устройстве тюрем, о народном образовании, о сбережении лесов и т. п.» И то, что в министерствах вырабатывалось годами, в Государственной канцелярии вызывает неотложную и срочную работу силами немногих лиц, которые, кроме того, вынуждены нередко знакомиться с новым для себя вопросом, и «не по одним только официальным бумагам», но и используя дополнительную литературу [3, л. 49 об.].

Однако чисто бумажной работой обязанности высших чинов канцелярии не ограничивались. Временами уже подготовленный журнал вызывал замечания и дополнения со стороны министров и членов Государственного совета, его исправление и согласование внесенных изменений могли привести к продолжительным переговорам с разными лицами, вести которые приходилось, главным образом, статс-секретарям отделений канцелярии. Кроме того, ее высшие чины участвовали в заседаниях Государственного совета, где присутствовали не только видные сановники, но и члены императорской фамилии. Все это значительно увеличивало

Заседание Госсовета

сложность подбора кандидатов на должности старших чиновников канцелярии: от соискателя требовались не только способности, трудолюбие и честность. Обязательным условием было высшее (как правило, университетское) образование [1, л. 641; 29, с. 15; 33, с. 32], а также определенный светский лоск – отсутствие «шероховатости форм и приемов» [3, с. 50].

Замещение должностей

Выбор кандидатов на открывающиеся вакансии был важной задачей, и их поиск проводился очень широко. Так, в 1867 г. должность

статс-секретаря Отделения государственной экономии Государственного совета была предложена члену и управляющему делами Комиссии для пересмотра системы податей и сборов Министерства финансов М.П. Веселовскому [1, л. 584–584 об.]; назначенный в 1869 г. статс-секретарем Департамента законов Е.А. Перетц до этого был старшим чиновником II Отделения СЕИВ канцелярии; помощник статс-секретаря Отделения законов В.А. Железников до 1874 г. служил старшим чиновником II Отделения СЕИВ канцелярии [21, паг.2, с. 28]; назначенный в 1875 г. статс-секретарем, управляющим Отделением дел государственного секретаря И.И. Шамшин – занимал должность председателя Департамента Петербургской судебной палаты [22, паг.2, с. 28].

Подобные предложения принимались без колебаний: Государственная канцелярия была элитным местом службы, и попасть в нее стремились многие. Привлекала сама работа, делавшая служащих, по выражению В.Б. Лопухина, не только свидетелями, но и «участниками совершавшихся важнейших государственных актов» [16, с. 107]. Привлекали условия службы – возможность не отсиживать определенные часы в присутствии, а работать дома, приходя в канцелярию (кроме присутственных дней) по мере необходимости [16, с. 107, 108]. Наконец, не менее привлекательны были и длинные, трехмесячные (а в конце века – почти 4-х месячные) каникулы, совпадавшие с вакантным периодом Государственного совета [1, л. 584 об.; 16, с. 107–108].

Правда, уже в последней четверти XIX в. основная масса вакансий замещалась внутри самой канцелярии, за счет ее личного состава. И назначение, например, в 1883 г. помощником статс-секретаря Отделения гражданских и духовных дел управляющего Законодательным отделением департамента Министерства юстиции Н.П. Боголюбова воспринималось как исключение [12, с. 355].

В подавляющем же большинстве случаев статс-секретари выбирались из их помощников, помощники статс-секретарей – из экспедиторов [4].

Эта последняя должность представляла собой промежуточную ступень между старшими и младшими чинами Государственной канцелярии, неоднократно переименовывалась, но самое точное (хотя и несколько громоздкое) ее название фигурировало в проекте первых штатов канцелярии, принятых еще в 1817 г.: товарищ помощника статс-секретаря [12, с.47]. Правда, в самих штатах 1817 г. этих чиновников называли экспедиторами. Штатами Государственной канцелярии 1833 г. экспедиторы были переименованы в столоначальников, затем в 1842 г. – снова в экспедиторов, и в 1869 г. – в делопроизводителей. Однако функции их оставались неизменными: они отвечали за правильную и своевременную переписку дел и, кроме того, помощники статс-секретарей нередко привлекали их к составлению разнообразных бумаг [34, с.26, ст. 167; 35, с.164]. В их непосредственном подчинении находились младшие чиновники канцелярии.

Отличие от старших чиновников, нередко работавших дома и появлявшихся в канцелярии только по своим делам или в присутственные дни, экспедиторы были душой канцелярии. Статс-секретарь Департамента экономии Государственного совета М.П.Веселовский так вспоминал об одном из них, Поликарпе Васильевиче Коновалове: «П.В.Коновалов заведывал письмоводством и всем канцелярским делом. В его ведении были журналисты и чиновники для письма. Это был человек без научной подготовки, но чрезвычайно опытный, смысленный, преисполненный такта. Все знавшие его близко отзывались о нем не иначе как "золотой человек", "незаменимый человек". При суетливой деятельности в Канцелярии – в особенности в период рассмотрения смет, когда работа там получала крайне напряженный характер, Коновалова тормозили со всех сторон. В одно и то же время ему отдавали несколько приказаний самых спешных, и он никогда не терялся и все исполнял аккуратно. Это качество в таком учреждении, как Государственный Совет, где сходились сановники, избалованные вниманием и почетом, каждый с большим запасом самолюбия и щекотливости, – должно было цениться особенно высоко. <...> Коновалов, с его широким лицом, короткою шеей и круглым брюшком был очень популярен в чиновном мире. Почти все члены и министры знали его, лично или понаслышке. Свои же не чаяли в нем души» [1, л.642об. – 643 об.].

Ближе к концу века высшее образование стало необходимо и для этой должности, но и в начале, и в середине XIX столетия среди экспедиторов Государственной канцелярии и даже среди их помощников было

немало замечательно образованных людей. В этих должностях служили в свое время художник-археолог и нумизмат А.И.Ермолаев, литераторы Н.И.Гнедич и В.А.Соллогуб, поэт А.М.Жемчужников, академик Я.К.Грот, славист А.Ф.Гильфердинг, издатель «Русской старины» М.И.Семевский, видный деятель крестьянской реформы С.М.Жуковский, министр юстиции К.И.Пален и др.

Кадры решают все

К рубежу XIX–XX веков стремление избегать при замещении вакантных мест людей извне канцелярии, «варягов», стало общим правилом.

И дело было далеко не только в «исключительной сплоченности, характеризовавшей отношения служащих Государственной канцелярии», как писал В.Б.Лопухин [16, с. 109], но и в высоких требованиях, которые предъявлялись к ее чиновникам, рядом с которыми и сам мемуарист, назначенный в 1902 г. делопроизводителем в Отделение промышленности, наук и торговли, несмотря на весь свой опыт, чувствовал себя на первых порах «мальчишкой и щенком» [16, с. 110.].

Решению кадрового вопроса в Государственной канцелярии придавали особое значение. Важность обрабатываемых бумаг и ограниченное время для оформления дел не оставляли возможности для параллельного обучения служащих, занимавших ведущие посты. Вопрос решался привлечением уже зарекомендовавших себя чиновников и подготовкой собственных кадров. Эта последняя цель достигалась существованием при Государственной канцелярии довольно значительной категории причисленных к ней лиц, не занимавших штатных должностей, не получавших жалованья, а часто и не имевших определенных занятий.

Причисленные

В государственной канцелярии они появились еще в первой половине XIX в., однако теоретическое обоснование их существование по-

лучило только в 1858 г., когда председатель Государственного совета Д.Н.Блудов подал императору всеподданнейшую записку «О введении у нас в действие так называемой *аппликация* для приготовления молодых людей к службе гражданской». Термин *аппликация* был взят из польской судебной практики, где означал назначение молодых людей кандидатами на судебные должности. Блаудов также предлагал зачислять впервые поступающих на службу выпускников учебных заведений

на два года «аппликантами», не получающими содержания, но имеющими право носить мундир своего ведомства. Эта записка не получила дальнейшего движения, но ее идеи были частично реализованы, особенно в Сенате и Государственной канцелярии. Занимавший в это время пост государственного секретаря В.П.Бутков полностью разделял позицию Блудова и активно привлекал на службу «способных и знающих людей», не стесняясь количеством штатных вакансий» [12, с.264]. Как писал он в отчете за 1860 г., в канцелярии «молодые люди хороших фамилий... могут знакомиться с ходом дел высших государственных учреждений и, следовательно, подготавливаться к занятию в будущем соответствующих их способностям высших должностей» [12, с.265]. При этом в описании Буткова причисленные к канцелярии выступали как усердные молодые чиновники, которые «занимаясь наравне с штатными чиновниками всеми поручаемыми им делами, они заменяют сих последних и служат чрезвычайным пособием Канцелярии» [12, с.265]. Практика, однако, не всегда соответствовала такого рода утверждениям.

В.П.Бутков

Основную массу причисленных в Государственной канцелярии составляли недавние выпускники Александровского лицея, имевшие право выбирать место службы и с первых же шагов получавшие небольшое («лицейское») жалованье. (На такое жалованье без реальной службы, просто «за занятие штатной должности» имели право выпускники двух заведений – Александровского лицея и Училища правоведения, но составляло оно всего 18 руб. в месяц [1, л.644–644об.; 32, с.25].

Некоторые из них, несмотря на принадлежность к «золотой молодежи», «занимались усердно и из них вырабатывались полезные чиновники» [1, л.645об.]. Другие вскоре обнаруживали свою непригодность, как это произошло с одним юношей, который был причислен к канцелярии и, «несмотря на свою громкую фамилию, заявил о твердом намерении трудиться и не пренебрегать никакой, даже черной, работой. Ему поручили, в виде пробы, готовить дела к сдаче в архив. Он сел за стол с ворохом дел и принялся за занятия. Но чрез несколько минут случилась катастрофа. Взяв, по рассеянности, вместо песочницы, чернильницу полную чернил, он опрокинул ее и залил стол, дела и свой новенький, с иголки, виц-мундир. Он должен был уйти домой и более уже не являлся. Чрез некоторое время, – писал Веселовский, – мы узнали, что он отправился в кругосветное плавание. Таким образом, канцелярская деятельность его была очень непродолжительна» [1, с.645–645об.].

Но были среди причисленных и такие, кто с самого начала не обременял себя службой. В канцелярии их называли «понедельничниками», поскольку они появлялись на службе только по понедельникам, когда происходили Общие собрания Государственного совета и перед началом заседания члены сходились в столовой, где был накрыт завтрак. «Показаться в этой столовой, посмотреть на сборище сановников, обменяться друг с другом новостями и слегка закусить – было единственным проявлением quasi-служебной деятельности этих юнцов», – свидетельствовал Веселовский [1, л.644об.]. Некоторые же вообще не показывались по несколько лет и даже не знали в лицо своих непосредственных начальников, но тем не менее регулярно получали очередные чины и награды [1, л.644об. – 645].

Постоянный рост числа причисленных, не имевших занятий в канцелярии, привлек внимание князя С.Н.Урусова, назначенного государственным секретарем в 1865 г. Посчитав необходимым положить этому конец, он даже собирался подать соответствующую записку Александру II, но по совету председателя Государственного совета вел. кн. Кон-

стантина Николаевича сначала попытался решить вопрос собственной властью [12, с.263]. Действительно, за два с небольшим года, когда Урусов возглавлял канцелярию (1865–1867), число причисленных к ней сократилось с 18 до 15 человек [5, стлб.79; 6, стлб.77.] Но затем оно снова стало увеличиваться, так что к 1875 г. их было уже 53 человека [7, стлб.84–85], а в 1883 г., когда на их численность обратил внимание вновь назначенный государственный секретарь А. А.Половцов – 44 [8, стлб.92]. Половцов поставил своей целью избавить Государственную канцелярию от всех лишь числящихся в ней лиц [25, с.36, запись 29 января 1883 г.] и преуспел. В результате его стараний уже в 1885 г. число причисленных сократилось до 31 человека [9, стлб.90], а к концу его управления Государственной канцелярией (1892 г.) эта категория служащих вообще исчезла из адрес-календаря. Однако после ухода Половцова с поста государственного секретаря причисленные снова появились в составе Государственной канцелярии, и уже в 1896 г. их было 3 человека [10, стлб.87].

А.А.Половцов

Карьерные перспективы

Высочайший профессионализм старших чиновников Государственной канцелярии открывал перед ними широкие карьерные перспек-

тивы. Меньшее, на что они могли рассчитывать – назначение в Правительствующий сенат, и среди сенаторов во второй половине века действительно было немало бывших чиновников Государственной канцелярии (Н. П. Боголюбов, М. П. Веселовский, Я. Г. Есипович, К. К. Ренненкампф, И. И. Шамшин, Г. Г. Яковлев и пр.). Другие предпочитали более активную деятельность в министерствах, как статс-секретарь Отделения законов Государственной канцелярии М. В. Красовский, в 1890 г. перешедший на должность директора I департамента Министерства юстиции.

Д. Н. Любимов, прослуживший в Государственной канцелярии 9 лет на рубеже XIX–XX вв., утверждал, что это учреждение представляло собой в чиновном Петербурге одно из самых блестящих установлений «по составу своему совершенно исключительное в смысле работоспособности и знания дела чинами канцелярии» [2, л. 15] и считал совершенно естественными громкие карьеры, которые, без всяких связей и протекции, делали ее чиновники. Действительно, в годы между русскими революциями именно из сотрудников Государственной канцелярии рекрутировались высшие сановники империи. Достаточно сказать, что 11 бывших сослуживцев Любимова заняли в то время министерские посты: «В. Н. (впоследствии граф) Коковцов, председатель Совета министров и министр финансов; А. Д. Философов – государственный контролер и министр торговли; П. М. фон-Кауфман – министр народного просвещения; П. А. Харитонов – государственный контролер; А. Ф. Трепов – министр путей сообщения и председатель совета министров; А. С. Стишинский – главноуправляющий землеустройством и земледелием; С. В. Рухлов – министр путей сообщения; кн. Д. П. Голицын – главноуправляющий ведомством Императрицы Марии; барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбанд – государственный секретарь. Наконец, государственные секретари, при которых я занимал штатные должности в Государственной канцелярии – Н. В. Муравьев, В. К. Плеве и В. Н. Коковцов – ушли из канцелярии: один министром юстиции, другой внутренних дел, а третий – финансов» [2, л. 16].

Любимову вторил другой современник, чиновник канцелярии Комитета министров И. И. Тхоржевский. Имея возможность близко наблюдать сотрудников Государственной канцелярии, он писал, что в начале XX столетия в этом учреждении было немало людей, «прошедших

высшую научную школу и приобретших в ней, кроме знаний, привычку быстро и объективно разбираться в сложных вопросах» [33, с. 32]. Более того, хорошо зная «среду русской либеральной интеллигенции», Тхоржевский утверждал, что в сравнении с ней служащие Государственной канцелярии «сразу показались» ему «самыми культурными» [33, с. 31].

Конечно, речь здесь идет только о старших чиновниках Государственной канцелярии, которые составляли едва одну четвертую часть ее общего состава. Однако именно они определяли тот уровень, который давал возможность этому учреждению находиться на высоте предъявляемых к нему требований. Фактически профессионализм исполнителей не только компенсировал недостатки системы, которые были заметны современникам еще при ее возникновении, но и позволил этой системе просуществовать достаточно долгое время и даже считаться одним из достижений самодержавия в области государственного строительства.

Библиографический список

1. Веселовский М.П. Записки // ОР РНБ. Ф.550. F.IV. №861. 730 л.
2. Любимов Д.Н. События и люди (1902–1906). Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1447 Оп. 1. Д.39. 612 л.
3. Перетц Е.А. Записка государственного секретаря. 1879 г. // РГИА. Ф. 1214. Д. 5. Л.42–51.
4. Реестр указам, данным Государственному Совету и рескриптам на имя председателя оного с 1845 г. // РГИА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 149. 108 л.
5. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1865–1866 год. Ч. 1. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1866. 423 с.
6. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1866–1867 год. Ч. 1. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1866. 433 с.
7. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1875 год. Ч. 1. СПб.: Деп-т герольдии Правительствующего сената, 1875. 442 с.
8. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1883 год. Ч. 1. СПб.: Деп-т герольдии Правительствующего сената, 1883. 498 с.

9. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1885 год. Ч. 1. СПб.: Деп-т герольдии Правительствующего сената, 1885. 496 с.
10. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1896 год. Ч. 1. СПб.: Инспекторский отд. собственной е. и. в. канцелярии 1896. 667 с.
11. Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. В 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 1. 1861–1864. 422 с.
12. Государственная канцелярия, 1810–1910. СПб.: Государственная типография, 1910. 492 с.
13. Ключевский В. О. Сочинения в 8 т. М.: Изд-во соц-эк. литературы, 1956–1959. Т. 5. 504 с.
14. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Изд. 4-е. В 2 т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1901–1903. Т. 2: Часть особенная. 1903. 596 с.
15. Кочубей В. П. Записка графа В. П. Кочубея о положении Империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие // Сборник Русского исторического общества. Т. 90. СПб.: Государственная типография, 1894. С. 5–26.
16. Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / отв. Ред. С. В. Куликов. СПб.: Нестор-История, 2008. 536 с.
17. Мещерский В. П. Письма к императору Александру III, 1881–1894 / Публ., предисл. и коммент. Н. В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 808 с.
18. Об устройстве верховных правительств в России // Сборник Русского исторического общества. Т. 90. СПб.: Государственная типография, 1894. С. 39–107.
19. Образование Государственного совета // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: в 4 т. СПб: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 31. №24064. 1 января 1810 г. С. 5–15.
20. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II / Предисл. Ю. К. Мейера. СПб.: «Петрополь», 1991. 672 с.
21. Отчет по Государственному совету за 1874 г. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1876. 433 с.
22. Отчет по Государственному совету за 1875 г. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1877. 370 с.
23. Отчет по Государственному совету за 1877 г. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1879. 496 с.
24. Перетц Е. А. Дневник (1880–1883). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 512 с.
25. Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. В 2-х т. Т. 1. 1883–1886. М.: Наука, 1966. 551 с.

26. Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Политическая энциклопедия, 2010. 511 с.
27. «Россия под надзором»: Отчеты III отделения 1827–1869: Сборник документов. М.: «Рос. фонд культуры», «Российский Архив». 2006. 706 с.
28. Ружицкая И.В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2018. 312 с.
29. Сведения о Государственной канцелярии // Отчет по Государственному совету за 1876 г. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1878. Паг.2. С.13–19.
30. Скальковский К.А. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. В 2 т., Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: тип А.С.Суворина, 1890. Т.1. 356 с.
31. Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.
32. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 416 с.
33. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: Алетейя, 1999. 256 с.
34. Учреждение Государственного совета. Издание 1886 г. СПб.: б/и, 1886. 39 с.
35. Штаты по гражданской части (1813–1825) // Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. Т.44. Ч.2: Книга штатов. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830. Паг.4. С.1–236.

Алла Морозова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**А.А.БОГДАНОВ
И ГРУППА
«РАБОЧАЯ ПРАВДА»***

УДК

93/94; 329.15

Статья посвящена анализу программных документов одной из групп внутривластной коммунистической оппозиции – группы «Рабочая Правда». Официальной партийной пропагандой ее члены объявлялись последователями учения А. А. Богданова, а он сам обвинялся в причастности к составлению программных документов группы и в руководстве ею, что сам он аргументированно отрицал. В предлагаемой статье документы «Рабочей Правды» анализируются, прежде всего, с точки зрения рецепции и трансформации в них идей Богданова. Автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на наличие терминологических совпадений и идейных заимствований, члены группы не являлись в полной мере последователями А. А. Богданова. Однако отдельные их взгляды близки к его идеям.

The article analyzes the program documents of one of the groups of the inner-party communist opposition, the group “Rabochaya Pravda” (“Worker’s Truth”). The official party propaganda declared its members followers of A. Bogdanov and A. Bogdanov was accused of involvement in drawing up the program documents of the group and in leading it, which he himself reasonably denied. This article analyzes the documents of “Rabochaya Pravda” primarily from the perspective of the reception and transformation of Bogdanov’s ideas in them. The author of the article comes to the conclusion that despite the presence of terminological coincidences and ideological borrowings, the members of the group were not fully followers of A. A. Bogdanov. However, some of their views are close to his ideas.

Ключевые слова: А. А. Богданов; группа «Рабочая Правда»; внутривластная оппозиция в РКП(б); Ф. Э. Дзержинский; теория «нового класса».

Key words: A. A. Bogdanov; group “Rabochaya Pravda” (“Worker’s Truth”); inner-party opposition in the RCP(b); F. E. Dzerzhinsky; “new class” theory.

E-mail: allamorozova1992@gmail.com

* Стильстика документов сохранена, орфография и пунктуация приведены в соответствии с правилами современного русского языка.

Начало 20-х годов – время бурных внутрипартийных дискуссий в РКП(б), причиной которых было как разное видение перспектив дальнейшего развития страны, так и борьба за власть в верхах правящей партии.

Состав группы «Рабочая Правда»

Одной из оппозиционных руководству РКП(б) групп была «Рабочая Правда», в которую входили преимущественно представители молодой партийной интеллигенции (учителя, врачи, экономисты) [13, с. 91].

Сами члены коллектива «Рабочая правда» в заявлении в Политбюро ЦК РКП(б) от 29 декабря 1923 г. писали: «...мы все молодые (самому старшему 25 лет) активные рев[олюционные] работники нашей партии. Все мы подростками вступили в ее ряды. Единственное исключение т. Ласс, кот[орая] вступила в партию в 1913 г. – ей теперь 28 лет» [13, с. 116].

Эта молодость вменялась в вину членам группы. В журнале «Большевик», главной задачей которого провозглашалось «давать широкой партийной массе руководящий информационный материал» и освещать «вопросы текущей жизни с точки зрения теории и практики большевизма» [6, с. 6], состав группы характеризовался следующим образом: «Несколько ее членов состояли даже членами нашей партии, правда, в огромном большинстве своем вступившими в нее намного позже Октябрьской революции и очень быстро дезертировавшими из нее под иные, более близкие их духу, знамена. Это того типа зеленая молодость, в которой больше плесени, чем зелени» [7, с. 27].

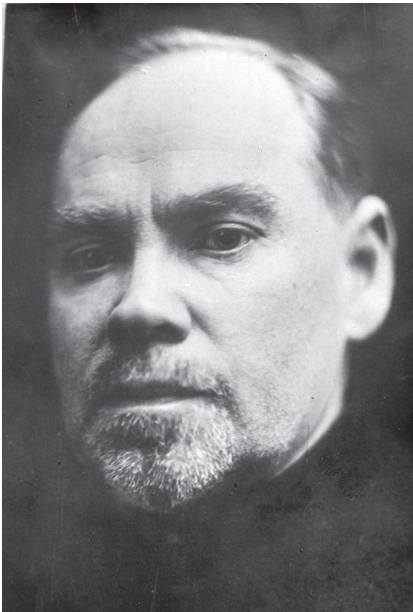
В Постановлении ЦКК РКП(б) по делу группы «Рабочая правда» указывалось: «Весною 1921 года эта группа оформилась как "Центральная Группа Рабочей Правды", в которую вошли: 1) научная сотрудница Свердловского университета Фаня Шуцкевер. 2) Шульман Е.Р. – бывший слушатель курсов марксизма при соц.академии. 3) Хайкевич, сотрудник "Рабочей Газеты" и "Труда". 4) Ласс-Козлова П.И., учащаяся на рабфаке, привлеченные в Москве в эту группу в разное время следующих членов и кандидатов РКП: 5) Будницкого Я.Г.; 6) Вихмана О.П.; 7) Крым Н.Г. (канд. РКП); 8) Рябцеву К.Ф.; 9) Страздынь Э.М.; 10) Моглина З.Б.; 11) Козлова-Ласс Н.В.; 12) Добровольского Д.С.; 13) Яцка В. Во главе всей работы встал "Коллектив Рабочей Правды" из следующих 7 лиц: Шуцкевер, Шульман, Хайкевич, Будницкий, Ласс, Вихман, Крым, которые распределили между собой работу. ... Общее число лиц,

привлеченных к работе в коллектив "Рабочей Правды", не превышало 20 человек» [12].

А вот меньшевистский «Социалистический Вестник» 3 ноября 1923 г. сообщал, что в связи с преследованиями «Рабочей Правды» арестовано около 400 человек: «фабзавкомовцы, рабфаковцы, комсомольцы» [11]. Впрочем, Ем. Ярославский назвал эти сведения «гнусными небылицами» [14, с.2].

В чем обвиняли «Рабочую Правду»?

Одним из основных обвинений в адрес членов «Рабочей правды» было утверждение, что «в своих общетеоретических построениях "Р.П." опирается целиком и полностью на А. Богданова, книги которого, довольно далекие от марксизма, до сих пор, к сожалению, широко распространяются среди нашей молодежи» [7, с.28], что «материализму Карла Маркса они противопоставляют идеологию А. Богданова, которого они

А. А. Богданов. Москва, 4 марта 1925 г.
(Из личного архива А. А. Малиновского,
правнука А. А. Богданова)

считают своей теоретической опорой» [12], что «это не марксисты, что это последователи учения А. Богданова, когда-то бывшего в нашей партии, но ушедшего от революционной борьбы, ставшего чуждым ей», что «все члены этой группы объединены ненавистью к РКП, богдановской меньшевистской идеологией» [14, с.2]. По мнению официальной пропаганды, «тождество взглядов "Р.П." и А. Богданова в вопросах теории, оценки нашей революции и задач пролетариата», которое «вряд ли нужно доказывать», «простирается вплоть до того, что проект общей части платформы "Р.П." заимствует у А. Богданова не только его идеи, но и его слова и выражения» [7, с.28]. Кроме того, «они совсем не понимают роли политической борьбы, для

них не существует проблемы диктатуры пролетариата... Преувеличенное воззрение на роль культуры, хотя бы и пролетарской, оказывается лишь ступенькой по пути на буржуазную точку зрения, по пути к меньшевизму. ...Ни Богданов, ни "Р.П." не понимают совсем тех специфических трудностей, которые стоят перед пролетариатом в деле строительства социализма в силу его особо угнетенного положения в буржуазном обществе» [7, с.33–34].

А.Богданова же обвиняли в идейном руководстве группой «Рабочая правда» и причастности к составлению ряда их документов, за что он и был арестован в ночь на 8 сентября 1923 г. и провел «пять недель в ГПУ».

Постараемся понять, справедливы ли эти обвинения и до какой степени.

Программные положения «Рабочей Правды»

Основные идеи группы были изложены в двух номерах журнала «Рабочая Правда» (Богданов датирует второй номер маем 1923 г. [4, с.46],

а Дж.Биггарт считает, что оба номера были опубликованы в сентябре 1921 г. [2, с.146]), в обращении к делегатам XII съезда РКП(б), обращении «Ко всему революционному пролетариату России», брошюре «Рабочая Правда», обращении «К революционным организациям и социалистическим партиям всех стран». В «Обращении к революционному пролетариату и всем революционным элементам, оставшимся верными борющемуся рабочему классу», по сведениям Дж.Биггарта, имевшем хождение в декабре 1922 г., отмечалось, что группа самоопределилась и оформилась осенью 1921 г., поставив своей задачей «выявление классовой пролетарской позиции», а данный документ является шагом на пути «собрания своих сил» и организации «отпора... все более наступающему капиталу». Исходным пунктом для анализа ситуации берется тот факт, что «рабочий класс России, малочисленный, неподготовленный, в крестьянской стране в октябре 1917 г. совершил исторически необходимую Октябрьскую Революцию», которая «остаётся крупнейшим и героическим событием в истории борьбы российского пролетариата», а кроме того, «даёт борющемуся международному пролетариату огромной ценности опыт для борьбы с капиталом»¹. Ее «несомненное

¹ [8, с. 207–208] (печатается по тексту, опубликованному в: Социалистический Вестник. 1923. №3. С. 12–14). В сокращенном виде это Обращение опубликовано также в: [13, с. 89–90] (по заверенной машинописной копии, хранящейся в РГАСПИ [Ф. 17. Оп. 84. Д. 327. Л. 17–18]).

и огромное достижение» состоит в том, что «перед Россией открылись широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма». Однако, по мнению авторов Обращения, в положении рабочего класса мало что изменилось: он «деорганизован, в умах рабочих царит путаница», т.к. они не могут понять, «в стране ли они "диктатуры пролетариата"», как неустанно повторяет устно и печатно Коммунистическая партия, или в стране произвола и эксплуатации, в чем убеждает их на каждом шагу жизнь? Эксплуататоров рабочего класса они видят в «новой буржуазии» («ответственные работники, директора заводов, руководители трестов, председатели исполкомов и т.д.»), а также нэпманах. В связи с этим группа ставит перед собой задачу «внести классовую ясность в ряды рабочего класса России, всемерно помочь организации революционных сил борющегося пролетариата» [8, с.208].

Впрочем, согласно показаниям П.И.Ласс-Козловой, исходя из того, что октябрьская революция не была социалистической, пролетарской, «в коллективе лишь намечался вопрос о необходимости культурного перевоспитания рабочего класса для того, чтобы он осознал себя как класс и был готов к действительно социалистическому переустройству общества» [13, с.105]. Ласс-Козлова почти дословно повторяет тезис Богданова о том, что, «пока рабочий класс не владеет своими организационными орудиями, а, напротив, они владеют им, до тех пор он, очевидно, не может и не должен предпринимать попытки непосредственного решения мировой организационной задачи, попытки осуществить социализм» [3, с.331].

Богданов подчеркивал, что овладение пролетариатом новыми методами, новыми организационными орудиями – необходимое условие перехода к социализму. В этом коренное отличие богдановских представлений о путях прихода к социализму от господствовавших в то время в русском марксизме. Не захват власти, не политический переворот, не смена господствующих классов обеспечат приход социализма, а, прежде всего, внутреннее преобразование рабочего класса, который впоследствии преобразует общество. Но прежде чем преобразовывать общество, необходимо преобразовать самое себя, осознать себя как класс, развить и воспитать в себе до необходимого уровня те черты и свойства, которые в условиях капиталистического общества присущи пролетариату лишь в зародыше.

Авторы Обращения анализировали международную экономику и соотношение классовых сил в годы Первой мировой войны и после нее, опираясь на работы А.Богданова и с использованием его терминологии. Они подчеркивали, что к моменту революции в России пролетариат «был еще не подготовлен к организации общества на новых началах»,

а в условиях восстановления «нормальной системы мирного производства» «все больше и больше начинает выдвигаться техническая организаторская интеллигенция, руководящая и выполняющая всю организацию производства». Поскольку «по методам своей работы и своей идеологии эта интеллигенция насквозь буржуазна», «построить она может только капиталистическое хозяйство». Складывающаяся «новая буржуазия создается путем слияния деловых элементов старой буржуазии и все больше выдвигающейся организаторской интеллигенции».

В этих условиях, по мнению «рабочеправдинцев», правящая коммунистическая партия становится «партией организаторов и руководителей государственного аппарата и хозяйственной жизни на капиталистических началах» и «при общей отсталости и неорганизованности рабочего класса все бесповоротнее теряет связь и общность с пролетариатом» [8, с.209].

Этому способствуют материальные условия ее существования, «резко отличные» от условий жизни рабочего класса. В обращении группы «Рабочая Правда» к XII съезду РКП(б) (17–25 апреля 1923 г.) отмечалось, что «устойчиво определившееся "бытие" даже для выдержанной большевистской партии вызвало все более четко намечающееся превращение одной ее части, ныне руководящей, во все более замыкающуюся касту организаторов госкапитализма и капиталистического государства, и другой – в группировку, объединяющую оппортунистические элементы верхов пролетариата». И далее подчеркивалось, что «какая бы группировка ни взяла верх, РКП изменяет своему старому знамени – знамени революционного пролетариата» [9].

В «Обращении к революционному пролетариату и всем революционным элементам, оставшимся верными борющемуся рабочему классу» отмечалось, что «рост классовой активности у передовых беспартийных рабочих и классово мыслящих элементов внутри РКП создает необходимую предпосылку для создания партии Российского пролетариата» [8, с.211].

Впрочем, согласно показаниям П.И.Ласс-Козловой на допросе в ГПУ 3 ноября 1923 г., во время ее участия в заседаниях коллектива «Рабочей правды» «вопрос о возможности создания новой Рабочей партии решался в отрицательном смысле (это было примерно до XII партсъезда)», и вообще этот вопрос «не считался вопросом сегодняшнего дня, требующим немедленного разрешения» [13, с.105]. «Задачей коллектива являлась работа по превращению коллектива "Рабочей правды" в идейный центр рабочего движения. По вопросу о путях достижения этого мнения коллек-

тива расходились: некоторые считали необходимым усиленную работу над самим собой по изучению международного рабочего движения, внутреннего положения в Республике и т. д. Другие считали необходимым пойти в рабочую массу и заняться широкой пропагандистской работой по вопросам культуры масс и революционного движения» [13, с. 105].

В этом вопросе «рабочеправдинцы» расходились со взглядами Богданова. В начале 1918 г. он, конечно, писал, что «рабочей социалистической партии в России теперь нет. Есть партия военно-коммунистическая, ведущая за собою рабочий класс, и есть группы социалистической интеллигенции». После разрешения кризиса, порожденного мировой войной, по мнению Богданова, российский пролетариат вновь обретет свою рабочую партию, которая образуется «путем разъединения двух частей большевизма, пролетарско-социалистической и солдатско-коммунистической», – в результате этого разделения «его рабочее крыло станет рабочей партией. Тогда к нему примкнут и идейно уцелевшие элементы социал-демократической интеллигенции, а также и те – едва ли их будет много, – которые, пройдя через блуждания оборончества и военного коммунизма, окажутся еще в силах выбраться из них на путь старого идеала» [5]. Но и в 1919 г. Богданов полагал, что рабочая партия в России была невозможна, а коммунистическая партия была рабоче-крестьянской. Поэтому он и не вступал в нее, считая для себя возможным быть членом только рабочей партии. В то же время он полагал, что «крушение коммунистической партии было бы несчастьем для России: она одна умела хоть сколько-нибудь вести революцию, одна способна провести и сносную контрреволюцию в истинном смысле этого слова, т.е. восстановление порядка с сохранением основных экономических приобретений революции, как сделал когда-то бонапартизм для Франции, он ведь вышел из демократии. А Деникины и Колчаки – это голая реакция, не разрешение задач революции в формах порядка, но простое возвращение к прежней их постановке» [10, с. 198].

Отношение «рабочеправдинцев» к коммунистической партии было двойственным. Они полагали, что «правящая партия, чуждая рабочему классу, но единственно способная руководить» страной, должна пользоваться поддержкой рабочего класса. Это же относится и к существующему правительству, как «отражающему с наибольшим успехом наиболее жизненные интересы современной России и, следовательно, прогрессивному», «поскольку оно не мешает классовый борьбе» [8, с. 211].

В этих условиях рабочий класс должен бороться «за свободу печати и коалиции для революционных элементов пролетариата; против административного произвола, поскольку это возможно в условиях отсутствия

выборных законодательных учреждений; против фетиша "монопольных" избирательных прав для трудящихся и фетиша свободы использования этих прав». Кроме того, «неотложной задачей революционных элементов российского рабочего класса является превращение нынешних оппортунистических профсоюзов, в большинстве случаев не пользующихся доверием рабочих масс, в боевые организации пролетариата» [8, с.212].

В качестве отдельной задачи выдвигается борьба против буржуазной идеологии (культуры) за пролетарскую. В этой области задачи сводятся «к непримиримой борьбе с мещанскими и авторитарными тенденциями внутри рабочего класса; к всемерной поддержке пролетарских культурных организаций и проведению через них идей пролетарской идеологии; к развитию культработы (политической, просветительской и профессионально-технической) в первую очередь для рабочих у станков, к борьбе с перенесением максимума средств и внимания на вузы, наполняемые бывшими рабочими и уходящими от пролетариата; к резкому отграничению от официальной советской литературы и искусства и всемерной поддержке пролетарских литературных и т.п. организаций» [8, с.213].

Особое внимание предлагается уделить работе среди революционной молодежи, которая видится двоякой: с одной стороны, «необходимо обратить внимание на работу среди пролетарской части комсомольцев», с другой, – не отказываться от самостоятельной, вне союза работы среди подростков [8, с.213].

В заключение авторы от имени «Центральной группы "Рабочая правда"» обращаются «ко всем революционным рабочим и активным классово мыслящим, примкнувшим к борьбе пролетариата элементам с горячим пролетарским призывом очнуться от навеянной коммунистическими иллюзиями классовой бездеятельности и путаницы и начать усиленную работу по организации революционных элементов и разъяснению рабочим массам действительного грозного положения дел». Для этого необходимо создавать «пропагандистские кружки, солидарные с "Рабочей правдой"», не забывая о «тщательном отборе товарищей и строгой конспирации» [8, с.214].

Оценивая это Обращение в целом, можно согласиться с Дж.Биггартом, что в нем «не было открытого признания какого-либо объединения, политического или интеллектуального, с Богдановым, но содержалось значительное число идей, внушенных богдановским влиянием» [2, с.146]. Более того, по мнению Дж.Биггарта, «ввиду "необогдановского" оттенка программы партийные власти были убеждены, что Богданов должен в известном смысле оказаться вдохновителем группы» [2, с.146].

**А.А.Богданов
о своем отношении
к группе «Рабочая Правда»**

В ночь на 8 сентября 1923 г. А.Богданов был арестован по ордеру ГПУ. На втором допросе – 13 сентября (первый, 12 сентября, был «чисто

анкетный») – следователь Я.С.Агранов предъявил Богданову обвинение «в организационной и идейной связи» с группой «Рабочая правда», причем в деле фигурировали данные «внешнего наблюдения», что свидетельствует о наличии слежки и более или менее длительной подготовке дела. В ответе следователю Богданов писал: «Я подвергался не десяткам, а, полагаю, сотням нападений со стороны влиятельных лиц, а то и влиятельных кругов, – в официальных документах, публичных выступлениях, в газетных, журнальных статьях, целых книгах... Мои попытки отвечать не печатались; да и немислимо было бы на все ответить. Вокруг меня создавалась отравленная, враждебная атмосфера... Только она сделала возможным возникновение моего дела» [4, с.39].

По словам А.Богданова, еще в апреле – мае до него «доходили слухи о намерении тех, кто вел против него литературную кампанию», связать его с «Рабочей правдой» [4, с.35]. В своем заявлении Агранову он выразился еще сильнее – «мне уже несколько месяцев приходилось слышать о намерении тех, кто ведет против меня кампанию, повесить мне на шею группу «Р.П.» [4, с.45]. Дело усугублялось еще и тем, что в это время готовился Пленум ЦК РКП(б), состоявшийся 23–25 сентября 1923 г., который, в числе прочих рассматривал вопрос о деятельности «Рабочей группы» и «Рабочей правды».

На поставленные Богданову вопросы (не является ли он «автором или редактором некоторых произведений группы "Рабочая правда"», не является ли он «скрытым идейным руководителем этой группы», почему, несмотря на публичные заявления о своей «аполитичности», он «печатно и устно часто высказывается по вопросам, безусловно имеющим политическое значение») он в своем «заявлении к допросу» ответил следующее: «Заниматься политикой – значит организовывать политические силы и руководить ими... Но я исследователь социальных процессов... Политические деятели каких угодно направлений могут пользоваться результатами моего анализа – это уже не мое, а их дело» [4, с.46]. Богданов подчеркивал, что «никакой исследователь не ответственен за те выводы, которые кем-либо другим будут сделаны из его анализов – раз он сам этих выводов не делал». И в качестве примера приводил К.Маркса, который не считается ответственным за меньшевиков. Понимая, что подобное сравнение может показаться «диспропорциональным», Богданов уточняет, что «дело

ведь идет не о величинах, а о формальном соотношении», поэтому вопрос ставится так: «Отвечаем оба – или ни тот, ни другой» [4, с. 50].

Поскольку в ответ на вопросы следователя о степени причастности к деятельности группы «Рабочая Правда» Богданов «указал на свое слабое знакомство с изданиями "Р.П."» [4, с.45], ему были предоставлены для ознакомления проанализированное выше Обращение, а также прокламация к рабочим от мая 1923 г. и второй номер «Рабочей Правды». Объясняя, почему он не может нести ответственности за выводы «Рабочей правды» из его исследований, Богданов разбирает предъявленные ему документы этой группы вначале с литературной точки зрения и отмечает, что любой мало-мальски искушенный читатель увидит в них «произведения людей молодых, литературно незрелых, даже в пропаганде и популяризации неопытных», к каковым он, несомненно, не относится. В своем заявлении к допросу 13 сентября А.Богданов написал: «Какой самовлюбленный идиот стал бы цитировать себя самого так много и в таких обычных своих терминах, как они цитируют меня? И какое самоубийственное настроение заставило бы меня так ежеминутно "подписываться" в нелегальных листках? Не сумел бы Богданов сказать то же самое в совершенно иных выражениях? И неужели так трудно отличить стиль людей действительно молодых и начинающих от стиля старика писателя, которым они в данное время увлекаются?» [4, с.48].

Что же касается содержания, то «главный вывод – призыв к созданию новой особой "Рабочей партии"» – ему не может принадлежать, ибо он неоднократно подчеркивал, что не видит «никаких объективных данных для этого и что многое говорит прямо против такой вероятности», что, с его точки зрения, «иная партия, кроме РКП», сейчас в России невозможна [4, с.50]. На ряде других примеров Богданов показывает, что использование его методов и исходных посылок у авторов «Рабочей Правды» вполне «естественно для молодых революционеров, пылких и неопытных, еще мало дисциплинированных научно», но совершенно невозможно для него. Так, например, в статье «Новая буржуазия», опубликованной во втором номере «Рабочей правды», при описании возникновения «новой буржуазии» из организаторской интеллигенции за основу берется богдановское видение подобного рода тенденций на Западе, и это проецируется на Россию, причем высказывается мнение, что здесь имеется наиболее «отчетливая картина» такого оформления. При этом автор статьи анализирует только две силы – «спецов» и «пролетариат», забывая о тех силах, которые составляют своеобразие российской обстановки: крестьянстве, спекулятивной буржуазии, деклассированных элементах и т.п. Именно

из-за этой сложной и запутанной картины Богданов отказывался проанализировать ее, считая себя «не в силах» это сделать.

Что касается лозунга пролетарской культуры, то Богданов категорически не согласен с формулировкой документа, который он называет прокламацией к рабочим или прокламацией к массам (этого документа нет в нашем распоряжении): «дело изображается так, что благодаря "прежнему пренебрежению" большевиков к культурной работе рабочий класс и партия оказались "не подготовлены к организации власти и хозяйства на своих, социалистических началах", и "пришлось прибегнуть к помощи опытных людей" – спецов, а затем им подчиниться. Такая, чисто идеологическая, концепция понятна у молодого, пылкого революционера, но кто поверит, что я на нее способен? Да если бы большевики все были десять раз "впередовцами" и "пролеткультовцами" с самого начала партии, и то они на сотую даже долю не избегли бы и не предотвратили "неподготовленности", и применения "спецов" и пр.» [4, с.50–51].

В последующих заявлениях он подчеркивал, что «рабочеправдинца-ми» взята только его терминология, но не его «идеология», его выражения, но не идеи: «именно там, где всего беспощаднее злоупотребление моими терминами и фразами, мысли стоят в самом резком противоречии с моими» [4, с.52, 55]. Особенно это относится к теории «организаторской интеллигенции», которая становится «новой буржуазией». Богданов указывал, что он лишь «констатировал, что на Западе организаторская интеллигенция нащупывает пути к господству, начинает полусознательно формировать идеологию для этого, – но и только; нельзя даже сказать и того, чтобы она сейчас уже прямо шла к этому господству: реально она там в заgone». Кроме того, русскую интеллигенцию он оценивал крайне низко именно с организаторской точки зрения и полагал, что «поэтому представлять ее движущей силой или руководительницей революции ... немислимо. Если бы эта интеллигенция лежала в основе Р.К.П., не только 6 лет, но и шесть месяцев, Советская власть не продержалась бы» [4, с.53].

Силой, на которой базируется РКП(б), в 1917 г. был «рабоче-солдатский блок», а если принять во внимание, что солдаты – это «военно-организованное крестьянство», это был блок рабоче-крестьянский. Летом 1918 г. и позже Богданов определял коммунистический блок как «созданное потребностью в военном коммунизме объединение пролетариата, трудового крестьянства и низов трудовой интеллигенции (низов, но не высшей, по преимуществу "организаторской" интеллигенции)» [4, с.53].

Несмотря на аргументированные возражения Богданова, следователи (Агранов и А.С.Славатинский) настаивали на связи Богданова с груп-

пой «Рабочая правда», обосновывая свои обвинения тем, что «должно же быть в его идеях что-то, специально подходившее для "Рабочей правды" и привлекавшее этих противников РКП» [4, с.35]. По словам Богданова, он и сам долго не мог этого понять и лишь после длительного размышления пришел к теории, которая, на его взгляд, давала исчерпывающий ответ на этот вопрос. Вкратце ее можно изложить так: видя, что Богданова критикуют и преследуют те, кого члены группы «считают врагами своих стремлений», они стали думать, что именно у него они найдут то, что им нужно. Они читают его произведения, пробуют обратиться к нему за советом, но он отказывает им ввиду своей «аполитичности», и тогда они решают просто использовать его работы в своих интересах, сделав из них нужные им выводы. По мнению Богданова, «тут все объясняется: и "приверженность к богдановщине", и варварски-бесцеремонное, ни с чем не считающееся, использование и самое произвольное понимание, резко противоречащее моим действительным идеям. Так же не случайно все это, как и то, что люди действительно понимающие, а не просто использующие мои идеи, сколько я их знаю, идут либо, подобно мне, в науку, либо в строительно-творческую практику жизни» [4, с.39]. В результате «так случилось, что одинокий работник науки, – одинокий, как немногие, – оказался между молотом и наковальней: одни давно стремятся "добить" его как ненавистного мыслителя, другие – не прочь подставить его под удары, потому что это им далеко не вредно» [4, с.40].

Тем не менее Богданов полагал, что «в общем, следствие, ... велось добросовестно» и следователи не скрыли от него противоречивости имеющихся у них данных. С одной стороны, «страницы изданий "Рабочей правды" полны фактических цитат» из работ Богданова и «изложением, хотя бы в других словах», его идей, и у «Г.П.У. имеются сведения о том, что некоторые члены "Рабочей правды" приходили ... советоваться, именно как члены "Р. П.", т.е. чтобы получать политические директивы»; с другой – «есть сведения, указывающие, как будто на ... расхождение с "Р. П." в основном пункте – по вопросу о том, возможно ли и нужно ли теперь образование особой "рабочей партии"». По словам Агранова, «именно выяснение того, что же верно из этих двух несогласующихся информации, и составляет... центральный пункт расследования» [4, с.45].

Но, по словам Богданова, представление следователей о его точке зрения и вообще его идея «имелось частью смутное, частью извращенное; в общем, оно соответствовало тому, что было написано в сикофантских статьях Я.Яковлева (Эпштейна) и что разными путями инсинуировалось в газетной травле» [4, с.36]. К этому месту своих заметок Богданов сделал

характерное примечание: «Тем более не имели они понятия обо мне как о личности. Они настойчиво убеждали меня назвать из приходившей ко мне со всякими запросами, как к своему учителю, молодежи – тех, кто проявлял рабоче-правдинские и близкие к ним тенденции. Не раз убеждали» [4, с.44]. Старому революционеру Богданову, соблюдавшему непреложный принцип не называть на допросе никаких имен и говорить только за себя, казалась дикой идея, что он может что-то рассказать о молодых людях, приходивших к нему за советом и консультациями (а фактически донести на них).

После того, как допросы прекратились, а тюремное заключение продолжалось, Богданов написал заявление Ф.Э.Дзержинскому, в котором доказывал, прежде всего, психологическую для него невозможность быть связанным с группой «Рабочая правда»: он, «старый работник, с многолетним политическим стажем и опытом, уклонился от великой борьбы, когда она разгоралась», т.к. считал необходимым сосредоточиться на работе в области культуры и науки. В этой области у него было две большие задачи – разработка идеи пролетарской культуры и всеобщая организационная наука, а в последнее время прибавилась еще и идея «физиологического коллективизма» («обмена кровью между людьми, укрепляющего каждый организм по линиям его слабости»). «И этим рисковать, этим жертвовать ради какого-то маленького подполья?» – задает риторический вопрос Богданов [4, с.38].

Е.Р.Шульман о пролетарской культуре

То, что в программных положениях «Рабочей правды» много внешнего, терминологического сходства с идеями Богданова, но по сути они отнюдь

не совпадают с его взглядами, видно также из письма «участника коллектива "Рабочая правда" Максимова (Шульмана)» Н.И.Бухарину, написанного в камере Внутренней тюрьмы ГПУ 20 декабря 1923 г. Среди основных положений идеологии «Рабочей правды» в его изложении есть раздел о пролетарской культуре, действительно наполненный терминами, взятыми у Богданова, но довольно путанный по содержанию: «Коллективистический строй – без капиталистической эксплуатации и господства подчинения – станет реально осуществимым только с уничтожением основы современного строя – монопольного владения всеми знаниями и опытом небольшой части общества и пребывания в невежестве остальной массы. А это ставит задачу переработки современной науки – задачу пролетарской культуры. Для рабочего класса завоевано то, что стало достоянием всего класса, доступно всем его членам. И фабрикация спецов, "амери-

канских дельцов", не разрешает – хотя это исторически необходимое дело в России – основной проблемы борьбы за культуру рабочего класса. Пролетарская культура остается вниманием борющегося пролетариата и коллективистического строя» [1, л.90–91].

В разделе о «культурно революционной организации пролетариата» подчеркивается важность «культурно-идеологического действия» в «деле борьбы революционного рабочего класса за коллективистический строй и пролетарскую культуру» и предлагается изучать опыт масонства, которое сыграло роль в «борьбе буржуазии за свое господство». И, наконец, завершается документ разделом под характерным заголовком «Богдановщина», который вряд ли употребил бы человек, действительно исповедующий идеи Богданова, т.к. в русском языке слова с таким суффиксом имеют отрицательную коннотацию. По мнению Шульмана, сущность богдановщины составляет «теоретическое обоснование идеи пролетарской культуры, разработка вопроса монизма, методов в современной науке и переработка ее² (тектология – организационная наука)». Он полагает, что «современная научная мысль стихийно вступает на этот путь, но только научные работники пролетариата могут быть истинными строителями великого здания пролетарской науки. Богдановщина – первая школа, первое течение нарастающей великой волны пролетарской культуры» [1, л.91].

Разгром «Рабочей Правды»

Группа «Рабочая Правда» фактически прекратила свое существование осенью 1923 г., когда большинство ее активных членов было арестовано

(хотя формально роспуск коллектива его члены провозгласили в своем заявлении 1 октября 1924 г.). 25 сентября 1923 г. Пленум ЦК РКП(б), в числе других вопросов, заслушав доклад Ф.Э.Дзержинского, констатировал, что «Рабочая группа» и «Рабочая правда» ведут антикоммунистическую и антисоветскую работу, и признал участие в этих группах и содействие им несовместимыми с членством в РКП(б) [13, с. 145]. А 31 октября на заседании Секретариата Президиума ЦКК РКП(б) «по отношению к группе "Рабочей Правды"» было принято следующее решение: «Ввиду того, что имеющийся в распоряжении ЦКК следственный материал (члены группы были арестованы ГПУ в сентябре–октябре 1923 г. – А.М.) дает полное основание считать группу "Рабочей правды" чисто интеллигентской, с враждебной марксизму идеологией, практически ставящей себе задачу максимальной дезорганизации РКП, считать необходимым более решительную

²Так в тексте.

борьбу с этой группой; одобрить меры, принятые по отношению к этой группе; арест членов этой группы. До окончания следствия, как правило, не освобождать никого из членов этой группы, если это не будет вызвано интересами самого следствия. В органе "Коммунистической Революции" повести теоретическую кампанию против идеологии "Рабочей правды"» [13, с. 104].

В конце 1923 г. Постановление ЦКК по делу группы «Рабочая Правда» зафиксировало, что «ЦКК считает совершенно несовместимым со званием члена или кандидата РКП участие в такой антипартийной, антикоммунистической и антисоветской организации или содействие ей». Этим же Постановлением были исключены из рядов РКП(б) члены коллектива «Рабочая правда» Ф. С. Шуцкевер, Е. Р. Шульман, В. М. Хайкевич, Я. Г. Будницкий, П. И. Ласс-Козлова, Н. Г. Крым, О. П. Вихман-Беляев, а также «оказывавшие содействие "Коллективу Рабочей правды"» Н. В. Козлов-Ласс, К. Ф. Рябцева, Д. С. Добровольский, Э. М. Стразынь и «имевший связь с "Рабочей правдой" и организовавший нелегальные кружки» З. Б. Моглин. В. Яцек, «принимавший участие в заседаниях "Коллектива Рабочей правды" осенью 1922 г. и в обсуждении нелегальной платформы-декларации "Коллектива Рабочей правды", ушедший из этой организации вследствие своего несогласия с нею, но ни разу не сообщивший ни одной партийной организации, в которой он состоял, о своих связях с этой подпольной организацией, чем затруднил партии борьбу с нею и своевременное раскрытие этой притавившейся внутри РКП враждебной нам группы» был исключен из партии на один год. «Принимая во внимание пролетарское происхождение Ласс-Козловой П. И., Козлова-Ласс Н. В., Рябцевой К. Ф., а также признание ими сделанной ошибки», ЦКК предоставила им «право по истечении года возбудить вопрос о принятии их в партию по рекомендации рабочей производственной ячейки» [12].

Выводы

Проведенное исследование и компаративистский анализ документов группы «Рабочая правда» и работ А. А. Богданова позволяют сделать вывод, что А. Богданов не являлся автором программы и тем более организатором этой группы. В случае с «Рабочей Правдой» практически повторялась ситуация с Пролеткультом, когда организацию обвиняли в следовании богдановским идеям, а на него самого возлагали ответственность за те (не всегда логичные и правомерные) выводы, которые сделали из его исследований последователи.

Библиографический список

1. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39968. Т.2. Материалы об оформлении ареста Шульмана-Школьник Е.Р.
2. Биггарт Дж. Александр Богданов и теория «нового класса» // Социологические исследования. 1993. №7. С.139–150.
3. Богданов А.А. Вопросы социализма // Богданов А. Вопросы социализма. Работы разных лет / Под ред. Л.И.Абалкина (отв. ред.), Г.Д.Гловели, В.К.Парменова, Н.К.Фигуровской; составл. и коммент. Г.Д.Гловели; предисл. Г.Д.Гловели и Н.К.Фигуровской. М.: Политиздат, 1990. С.295–355.
4. Богданов А.А. Дневниковые записи об аресте и пребывании во Внутренней тюрьме ГПУ с приложением писем на имя председателя ГПУ Ф.Э.Дзержинского // Неизвестный Богданов / Под ред. Г.А.Бордюгова. Кн.1: А.А.Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания, 1901–1928 гг. М., ИЦ «АИРО-XX». С.34–58.
5. Богданов А.А. Судьбы рабочей партии в нынешней революции // Новая жизнь. 1918. 26 января. С.2.
6. «Большевик» // Правда. 1924. 3 января.
7. Карев Н. О группе «Рабочая Правда» // Большевик. 1924. №7–8. С.27–39.
8. Левые коммунисты в России. 1918–1930 гг. / Интернациональное коммунистическое течение: Пер. с англ. И.А.Рисмухамедова. М.: НППЦ «Праксис», 2008. 331 с.
9. Обращение группы «Рабочая Правда» к XII съезду РКП // Социалистический Вестник. 1923. №19. С.13.
10. Письмо А.А.Богданова Д.И.Опарину 14 сентября 1919 г. // Неизвестный Богданов / Под ред. Г.А.Бордюгова. Кн.1: А.А.Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания, 1901–1928 гг. М., ИЦ «АИРО-XX». С.196–198.
11. По России // Социалистический Вестник. 1923. №20. С.13.
12. Постановление ЦКК по делу группы «Рабочая Правда» // Правда. 1923. 30 декабря. С.3.
13. РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В.П.Вилкова. М.: РОССПЭН, 2004. 464 с.
14. Ярославский Ем. Что такое «Рабочая Правда» // Правда. 1923. 19 декабря. С.2–3.

ярлыки и мифы

Мы на идеологии
не экономим.

*приписывается
Михаилу Суслову*

На миллионах мозгов можно
найти отпечатки пальцев.

Станислав Ежи Лец

Андрей Юрганов

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

**О ВОСПРИЯТИИ
И ТРАНСЛЯЦИИ
ПЕРВОЙ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КАМПАНИИ СТАЛИНА
В САТИРИЧЕСКОМ
ЖУРНАЛЕ
«КРОКОДИЛ» (1928)***

УДК
930.02

В статье рассматривается идеологическая кампания Сталина, направленная на то, чтобы утвердить «критику и самокритику» как основу существования диктатуры пролетариата в советском обществе. На практике она становилась кампанией по ужесточению дисциплинарного режима складывающейся тоталитарной системы с однопартийной властью. Сталин впервые в широком масштабе использовал при проведении этой кампании особые методы устрашения при помощи идеологических манипуляций, доводя общественное сознание до погружения в иррациональный страх перед всякой критикой власти. Впервые для изучения трансформации советского общества эпохи НЭПа в советское общество эпохи сталинизма привлекается как исторический источник сатирический журнал «Крокодил», выходивший огромными тиражами.

This article examines Stalin's ideological campaign to establish "criticism and self-criticism" as the basis for the existence of the dictatorship of the proletariat in Soviet society. In practice, it became a campaign to tighten the disciplinary regime of the emerging totalitarian system with one-party rule. For the first time, Stalin used special methods of intimidation on a large scale in this campaign through ideological manipulation, driving the public consciousness into an irrational fear of any criticism of authority. For the first time the satirical magazine "Crocodile", published in large circulation, is used as a historical source to study the transformation of the Soviet society of the New Economic Policy into the Soviet society of the Stalinism epoch.

Ключевые слова: сталинизм; журнал «Крокодил»; кампания критики и самокритики; И.В.Сталин; объединенная оппозиция; М.Н.Рютин; Н.И.Бухарин; А.И.Рыков; «правая оппозиция».

Key words: Stalinism; "Krokodil" magazine; campaign of criticism and self-criticism; Stalin; united opposition; M.N.Ryutin; N.I.Bukharin; A.I.Rykov, "right-wing opposition".

E-mail: iurganov@ya.ru

* *Стилистика документов сохранена, пунктуация и орфография приведены к нормам современного русского языка.*

Кампания «критики и самокритики», начавшаяся весной 1928 года, была первой идеологической кампанией, в которой генеральный секретарь партии большевиков демонстрировал инициативу и личное руководство: это был хитрый ход в шахматной партии с далеко идущими планами, нацеленный на борьбу с группой Бухарина. Никто, кроме Сталина, не держал в уме подобных интриганских расчетов и планов, никто, кроме него, не претендовал на абсолютную власть в партии. Но сказать об этом прямо нельзя – нельзя допустить, чтобы столь возвышенная задача, как борьба с бюрократизмом, была распознана как тщательно подготовленная, но до времени скрытая игра Сталина против политических врагов...

13 апреля 1928 г. Сталин прочитал доклад на собрании актива московской организации ВКП(б), в котором дал отмашку на развертывание «самокритики» в рядах партии, в государственных органах власти. Он подчеркнул в своем докладе, что «лозунг самокритики нельзя считать новым лозунгом» [17, с.29]. Это нечто, что «лежит в основе режима диктатуры пролетариата». Раз уж большевики ни с кем не делят власть – нет других партий, кроме большевистской, то «мы сами должны вскрывать и исправлять наши ошибки, если хотим двигаться вперед» [17, с.29]. Лозунг самокритики получил поддержку на XV съезде партии, – и в новой ситуации, когда нет больше оппозиции в партии, утверждал Сталин, нужна критика и самокритика, чтобы не «проникнуться чувством самодовольства, чувством самовлюбленности» [17, с.30].

Казалось бы, все это «логично» в меру предлагаемых обстоятельств, – что можно придумать еще в качестве противоядия? Но критиковать «себя» – это значит критиковать партию, она ведь единственная, другой-то нет! Сталин ловко поставил вопрос так: пусть враги узнают не только об ошибках, но и о силе коммунистов, не боящихся правды. Однако в этой речи был едва заметный намек на возможное развитие ситуации: Сталин подчеркнул, что самокритика нужна, чтобы преодолеть разрыв между массами и «вождями». Он говорил: «За последнее время у нас стали создаваться некоторые своеобразные отношения между вождями и массами. С одной стороны, у нас выделилась, исторически создавалась группа руководителей, авторитет которых поднимается *все выше и выше* (курсив мой. – А.Ю.), и которая становится почти недостижимой для масс. С другой стороны, массы рабочего класса, прежде всего массы трудящихся, вообще поднимаются вверх чрезвычайно медленно, они начинают смотреть на вождей снизу вверх, замурив глаза, и нередко боятся критиковать своих вождей» [17, с.31].

Значит, кампания критики и самокритики в партии может идти по такому руслу, когда «массы» вдруг поймут (или им подскажут!), что не все вожди подлинны.

Сталин желал именно такого развития событий: «Опасность эта может привести к тому, что вожди могут зазнаться и признать себя непогрешимыми. А что может быть хорошего в том, что руководящие верхи зазнаются и начнут смотреть на массы сверху вниз? Ясно, что ничего, кроме гибели для партии, не может выйти из этого» [17, с.31].

Он утверждал, что речь идет не вождях-выдвиженцах, а о тех, кто действительно был и остается руководителем партии высшего уровня: «Иногда смешивают вопрос о массах и вождях с вопросом о выдвижении. Это неправильно, товарищи. Речь идет не о выдвижении новых вождей, хотя это дело заслуживает серьезнейшего внимания партии. Речь идет о том, *чтобы сохранить* уже выдвинувшихся и авторитетнейших вождей, организовав постоянный и нерушимый контакт между ними и массами» [17, с.32].

Допускается конфликт между массами и какими-то вождями, а странное словосочетание «чтобы сохранить (вождей)» – тревожный сигнал тем, кто умеет читать и понимать сталинские тексты.

Кампания самокритики была построена таким образом, что никто не мог ответить на главный вопрос – как определить, где критика «честная, открытая», а где она «контрреволюционная». Всякий крупный журнал обязан был откликнуться на доклад Сталина и его публикацию в газете «Правда» – в этом нет ничего удивительного. Но не всякий главный редактор мог похвастаться тем, что понимает, как исполнить этот политический заказ, не совершив ошибки. Сталин ведь специально создавал ситуацию неопределенности: никто, кроме самого генсека, не мог дать гарантии, что критика недостатков деятельности партийных и государственных органов не есть критика самой партии и советской власти.

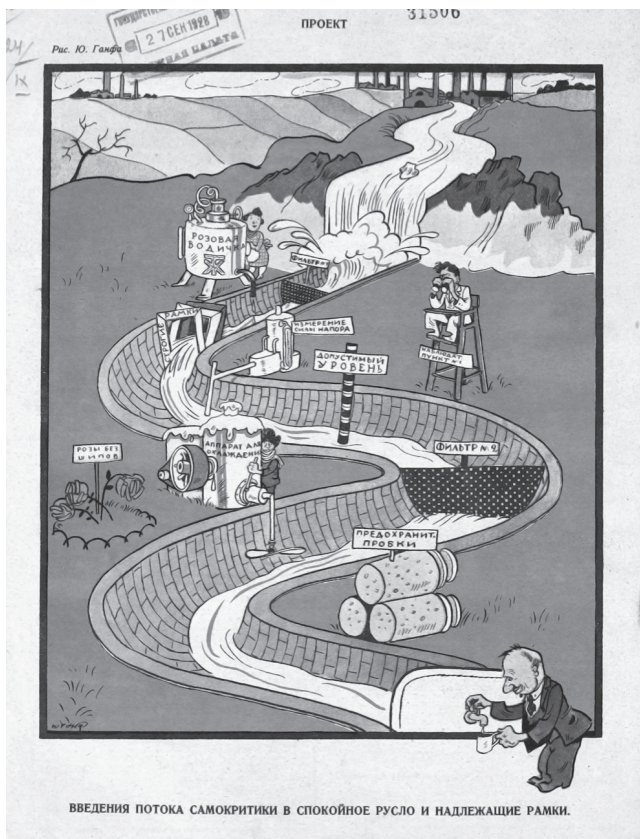
Для журнала «Крокодил», выходявшего миллионным тиражом, задача сатирической пропаганды сводилась не к тому, чтобы показать еще раз *уже существующую* критику деятельности нерадивых хозяйственников, неумелых партработников, и не к тому, чтобы изобличить нападки на советскую власть, а к тому, чтобы обратить внимание на *диалектику* в духе Сталина – на то, что критика может быть разной! Речь не идет о «просто критике», разрешенной и демократической, а о такой критике, в которой нельзя допускать «самокритику», порочащую власть большевиков.

Сталин добавил в идеологическую кампанию такие свои пожелания, которые делали ситуацию не только трудноразрешимой, но и опасной для всякого, кто захочет полностью выполнить указания вождя. Это не значит,

что наказание совершилось бы немедленно и неотвратимо – нет, конечно! Сталин добивался того, чтобы возникающий (и чаще всего необъяснимый) страх был регулятором естественных состояний. Разве не естественно, например, относиться к самокритике как к необходимости роста и движения? Но разве не столь же опасно оказаться в одном ряду с троцкистами, которых считали врагами партии со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Сталин сознательно вводил *параметры неопределенности* в оценку критики и самокритики. Чтобы была понятна подобная технология устрашения, рассмотрим тезисы диалектики, которыми Сталин пытался запугать советское общество.

Итак, первый тезис: «Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не во всем правильна, начинают ее поно-

«Крокодил». №37. С.5

силь, хулить. Это неправильно, товарищи. Это опасное заблуждение. Попробуйте только выставить такое требование, и вы закроете рот сотням и тысячам рабочих, рабкоров, селькоров, желающих исправить наши недостатки, *но не умеющих* иногда правильно формулировать свои мысли. Это была бы могила, а не самокритика» [17, с.32–33].

Если бы этот тезис остался единственным, кампания по критике и самокритике была бы рядовой.

Сталин породил понятия, которых никогда не было ни в культурном, ни в политическом дискурсе: вождь партии говорил о критике «совершенной» и «несовершенной» (!?) Такие мыслительные ходы указывают на уже известную привычку генсека – вводить в партийные вопросы мерку «больше – меньше», но там, где решить «арифметическую» задачу политики может только высший руководитель партии. В рассуждениях о пользе самокритики Сталин упомянул еще один критерий, который вызывает

не меньшее удивление, чем его рассуждения о критике «несовершенной». Он упомянул, что критика может быть «по всем правилам искусства», не говоря ничего о самих правилах: какие они? откуда?..

Вы должны знать, что рабочие иногда побаиваются сказать правду о недостатках нашей работы. Побоятся не только потому, что им может «влететь» за это, но и потому, что их могут «засмеять» за несовершенную критику. Где же простому рабочему или простому крестьянину, чувствующему недостатки нашей работы и нашего планирования на своей собственной спине, где же им обосновать по всем правилам искусства свою критику? *Если вы будете требовать от них правильной критики на все 100 процентов* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.), вы уничтожите этим возможность всякой критики снизу, возможность всякой самокритики. Вот почему я думаю, что если критика *содержит хотя бы 5–10 процентов правды*, то и такую критику надо приветствовать, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно. В противном случае, повторяю, вам пришлось бы закрыть рот всем тем сотням и тысячам преданных делу Советов людей, которые недостаточно еще искушены в своей критической работе, *но устами которых говорит правда* [17, с.33].

Был и другой тезис – противоположный: «Само собой понятно, что *речь здесь не о "всякой" критике*. Критика контрреволюционера является тоже критикой. Но она ставит своей целью развенчание Советской власти, подрыв нашей промышленности, развал нашей партийной работы. Ясно, что речь идет у нас не о такой критике. Я говорю не о такой критике, а о критике, идущей от советских людей, критике, ставящей своей целью улучшение органов Советской власти, улучшение нашей промышленности, улучшение нашей партийной и профсоюзной работы. Критика нам нужна для укрепления Советской власти, а не для ее ослабления. И именно для того, чтобы укрепить и улучшить наше дело, именно для этого партия провозглашает лозунг критики и самокритики» [17, с.34].

До появления апрельского доклада Сталина кампания самокритики в средствах массовой информации разворачивалась вяло и шла по пути вполне традиционному, – раз о необходимости самокритики сказано в резолюции XV съезда партии (декабрь 1927 г.), то нужно обратить внимание на это, прибегая к таким образам и смыслам, которые понятны массам и не требуют никаких особых пояснений.

Так именно поступил сатирический журнал «Крокодил». В первом январском номере за 1928 г. была опубликована картинка с надписью: «Гра-

ждане, потише. Приема сегодня не будет, – товарищ заведующий изволили запереться в уединении: занимаются самокритикой за весь истекший год согласно указаниям свыше...»

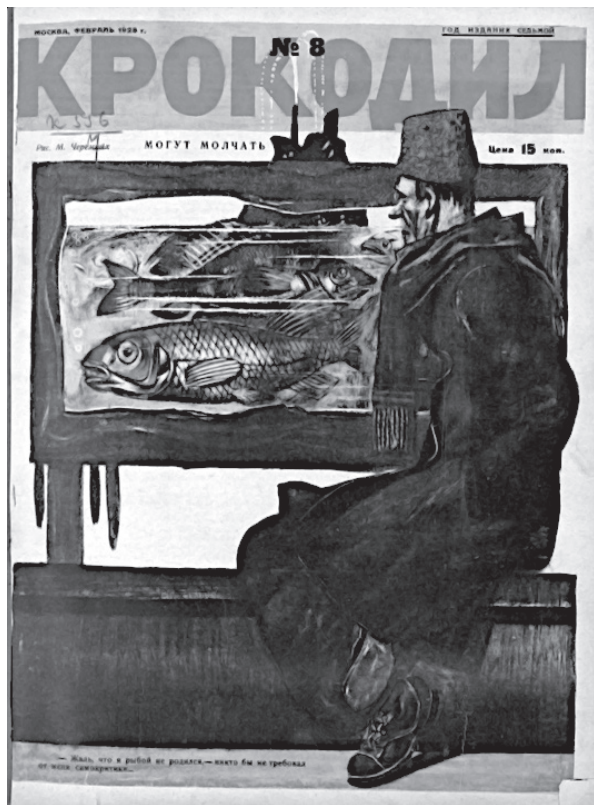
И это все, что было опубликовано в январе 1928 г. в журнале «Крокодил» на эту тему.

«Крокодил». №1. С.1

Повторилась ситуация в феврале 1928 г. – лишь в одном номере, восьмом, была опубликована картинка с надписью: «Жаль, что я рыбой не родился, – никто бы не требовал от меня самокритики...»

Если бы не было внешнего толчка в виде доклада Сталина в апреле 1928 г., эта кампания исчерпала бы себя быстро. Во всяком случае, о самокритике ничего не сказано в журнале в марте и апреле. Доклад Сталина

«Крокодил». №2. С.1

заставил руководство «Крокодила» посвятить самокритике специальный номер (майский) – восемнадцатый по счету (журнал выходил четыре раза в месяц).

Первая картинка на обложке этого номера уже совсем другая. В ней мы видим новую проекцию смысла самокритики, которая теперь, после доклада Сталина, воспринимается как необходимость обнажения своих просчетов и ошибок – через процедуру вполне понятную для большинства населения России, не забывшего за 11 лет правления большевиков, – что такое покаяние в церкви. Картинка демонстрирует разницу: одно дело каяться перед Богом, и совсем другое (правильное дело) каяться перед партией победившего пролетариата. Но в том и другом модусах поведения остается неизменным и обязательным мотив внутреннего признания вины.

«Крокодил». №18. С. 1

Сталинское пожелание критиковать вождей партии, которые могут «зазнаться», не вызвало в журнале «Крокодил» никакого воодушевления, напротив: сигнал свыше был преобразован в сигнал начать критическое обсуждение более безопасной темы – поведения и действий «своего» начальства. Было даже придумано особое словечко «лицо»: это всякое ответственное лицо, всякий начальник, мнящий себя важной персоной.

Но даже критика «лица» тоже небезопасная затея. В специальном номере был опубликован опус Савелия Октябрева под названием: «"Лицо" и критика (вроде басни)» [11, с.2].

Автор прекрасно понял задачу – объяснить, что критика «лиц» не может быть без границ партийности, о которой говорил Сталин. Отсюда и жанр «басни»: так легче уйти от искажений политической линии.

О П О З Д А Л И

Рис. Ю. Ганфа

— Вот товарищ Сталин сказал, что вождей критиковать надо, а то зазнаться могут...

— Ну, нашего секретаря ячейки критиковать нечего, — уже зазнался.

«Крокодил». №18. С.11

Нам критика нужна. В ней польза, а не вред,
Хотя все же быть должна и критике граница

Первое двустишие в басне – попытка объяснить необъяснимое. То, о чем сказал товарищ Сталин: «...нам нужна не всякая самокритика».

Какой-то видный зав (а может быть, и пред)

Был на собрании зело раскритикован.

Так раскачались вдруг низы,

Что, растерявшись от «булы»,

Не находил в ответ и слов он.

Но был смущен недолго зав.

Взяв нужный тон, нахмурил грозно брови,

Мысль охватив и увязав,

Он в заключительном своем ответил слове:

«Товарищи, я буду очень краток.

Без самокритики не обхожусь я дня
И трачу на нее всех сил моих остаток!

Рис. К. Елисеева

„ЛИЦО“ И КРИТИКА

(В роде басни)

Нам критика нужна. В ней польза, а не вред,
Хотя б велась она „без зренья на лица“ ...
Но все же быть должна и критике граница.

Какой-то видный зав (а может быть, и пред)

Был на собрании zelo раскритикован.

Так раскачивая влугут нивам,

„Что, растерявшись от бумам“,

Не находил в ответ и слов ом.

Но был смущен но долог зав.

Взав нужным тон, надузив грозо брови,

Мысль охватив и улавляв,

Он в заключительном своем ответил слово:

„Товарищи, ну, что за трескотня!..“

Товарищи, а буду очень краток.

Без самокритики не обхожусь я дня,

И трачу на нее всех сил моих остаток!

Иметь должны вы все в виду, —

Как ваши мнения ни узки, —

Самокритикой довольно мне нагрузку,

Чужую ж критику и просто отдаду!“

Нам критика нужна. В ней польза, а не вред.

Но все же прав и пред:

Коля самокритикой перегружая „лица“,

То критике с нивод должна не быть граница!

Савелий Октябрьев.

**ЛИЦА И УЧРЕЖДЕНИЯ
О САМОКРИТИКЕ**

ГОРОДНИЧНИЙ СКВОЗНИК - ДМУ-ХАНОВСКИЙ. Тут унтер-офицера вам жаловалась, будто ее критике подвергли... Не верьте ей, — она сама себя раскритиковала!

ЧАШКИЙ. Пойду искать по свету,
Где самокритиком есть krajный угол.
Анкету мне, анкету!

МОСЗДРАВ. Критикой Обуха не перешибешь.

ЖАРОВ-УТКИН. Любишь кататься, люби и критиковаться!

Н. А. СЕМАШКО. Мойте руки перед самокритикой!

НЕКРАСОВ. Рабором можешь ты не быть,
Но самокритиком — обязан.

СОВСЛУЖАЩИЙ. Работать легко,
Критиковать трудно...с...

ВС. МЕНЕРХОЛЬД. Раскритикуй пожалуйста раз, раскритикуй два, но зачем же до бесконечности?

ТОРГПРЕД. За морем телушка — полушка, да сколько потом самокритикши!

БОЛЕЗНЬ

Начитавшись с утра статей о самокритике в „Правде“, и почувствовав себя, выразившим современным вздохом, всталом подкованным, что вечером на производственном совещании первым записался в очередь. Я говорил доловно и зао. Когда я упомянул о том, что деньги, ассигнованные на ремонт бани, пошли на покупку квартиры коммерческому директору, то с удивительным замечты, как морям коммерческого зачиталась так, как будто у него вырвался слезную ямку без лагрюформы. Я так разарывался бухгалтерю, что старший бухгалтер отшатнулся минут десять. Я говорил зао, доловно и беспощадно. И когда в заключительном слове наш председатель объявление назвал мою речь буюзерской, а самого меня пивансером и дезорганизатором, то и крикнул с места: — Не запугивайте, а отчетливо по существу. Да здравствует самокритика!

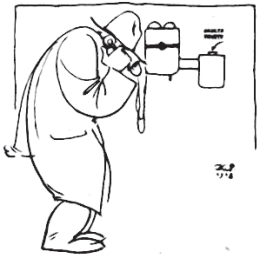
Моя товарищи смотрели на меня, как на сумасшедшего, а в себя чувствовали терном. Опоминась и только дома, когда услышал презывый голос жены:

- Что ты думаешь о даче?
- Ничего не думаю, — ответил я.
- Как же, ты ведь обещала сегодня взять аванс, чтоб в это воскресенье поехать спать?!

ЗА СОБСТВЕННЫЙ ГРИВЕННИК

Рис. К. Е.

ТЕЛЕФОН - АВТОМАТ

— У вас в учреждении бюрократизм-с! Волокита-с! Пожальмиство-с! Хамство-с!

Я молчал, а на душе у меня серебрил кошмар. «Дурак я, дурак! И какого чорта явилася со своею глупой речью! Идиот я, идиот! Ночью я плохо спал. Мне беспокоиво передалась жена, и когда я ей обо всем рассказал, — она как начиталась статей о самокритике, и с такой удовольствием выступила и чувствовала себя героем, — она вступила ругая и наговорила: — Если ты меня не малеешь, так хоть детей поваляй! Каюте ты имел право, не посововетовавшись со мной. Несчастная моя жизнь!.. Мучилась!»

И пошла, пошла и пошла... Когда я пришел на службу, то первым делом — шел к секретарю нашего председателя правления. Этот секретарь — мой приятель, и поэтому я ему вопрос поставил прямо:

— Как ты думаешь, жена уютно?

— Нет, — сказала она, — сейчас тебя наверное не уволят, а то еще будут говорить: «Вот выступил человек с самокритикой, а его уволили... Но через месяц (тут секретарь строгую и безбрежно перешла с пугаром и обаяв) или самое большое через два обязательно сойдет».

— Что же мне делать? — спросила я в отчаянии.

— А где у тебя была вчера голова, когда ты лез на рожон? Сам заварил, сам раскормил... Одно могу тебе посоветовать, — сказала, складывая на стол инок, секретарь, — возьми свою речь обратно.

— А как?

— Очень просто. Скажи председателю, а там же и коммерческому директору и старшему бухгалтеру, что у тебя вчера болела голова, что ты не поминишь о чем говорил. У вас психический в року мет?

— Нет! — ответила я.

— Очень жаль. А то можно было б сослаться...

— Но ведь я никогда до сих пор с критикой не выступил.

— И это тоже, конечно, придется во внимание, но не забудь свидетество от врача по нервным, то это самое короткое...

Жена не сопротивляла. Я попросил в дружбе с председателем, бухгалтером и коммерческим. Но иногда на меня находит волна самокритики. И тогда в прошлу явзу с детьми пойти гулять, сам запроказ на янок, опукая шторм и, пришедши геробские помы, разоблачно председателю, бухгалтеру и коммерческому директору.

О, как я их крою! Беспощадно. За и яловито.

Через полчаса возвращается жена и спрашивает: — Прошло?

— Прошло, — говорю я с облегчением.

— Ну, и слава богу, давай чай пить.

Б. Левин.

БЕЗОПАСНАЯ КРИТИКА

— Ну, как у вас там, самокритика развилась?

— Во-все! Бура на доладе! Слушайте мне, ошумилась правление кооператива, что даже дуг залетывалово.

— И никак?

— Конечно, никак! Правление коопла-то давно уже застывало.

Иметь должны бы вы в виду,
Как ваши мнения ни узки,
Самокритической довольно мне нагрузки,
Чужую ж критику я просто отведу!..»

Как видно, «лицо» – в зоне массовой досягаемости: это начальники, о которых сказано в басне обобщенно – какой-то «пред», какой-то «зав». Казалось бы, начальник, недовольный критикой «снизу», не может быть прав: на то и басня, чтобы высмеивать подобных персон. Но, как это ни удивительно, басня заканчивается такой «моралью», в которой нет уже этого ожидаемого (по праву жанра!) смысла. Не только не смешно, но даже слишком серьезно звучат слова, продиктованные страхом именно здесь совершить ошибку:

Нам критика нужна. В ней польза, а не вред.
Но все же прав и пред:
Коль самокритикой перегрузятся «лица»,
То критике с низов должна же быть граница! [11, с.2].

ДОБЛЕСТЬ

Рис. В. Гин

- Честь вам и слава, что вы раньше всех нашего преда критиковать начали!
- Ничего особенного. Просто, я раньше всех узнал, что его снимают!

В басне рождается двусмысленный ответ на сталинские пожелания. В нем нельзя найти четкую и ясную границу того, что хорошо до конца (например, критика зазнавшегося начальства), а что плохо до конца (например, критика, дискредитирующая власть).

Басня вышла хитрая – за руку не поймаешь! Вот такой «крокодильский» ответ вам, товарищ Сталин.

О настоящих вождях тоже писали, но всегда с разоблачением тех, кто позволял себе их критиковать. В том же специальном номере был опубликован рисунок, который обязан был демонстрировать, что пожелания Сталина выполняются. Но с «оговоркой» – выполняются подобострастно, подчеркивая разницу: не всякому позволено критиковать настоящего вождя партии!

Здесь на первый план выходило другое сталинское пожелание, чтобы была «не всякая критика»...

26 июня 1928 г. в газете «Правда» была опубликована статья Сталина «Против опошления лозунга самокритики». Слово «опошлость» в сознании большевиков означало всегда одно и то же: замену всемирного масштаба, громадности объективного процесса, который осуществляется помимо воли людей, на масштаб личный, частный. Этот модус сознания, не принимающий ни в каком виде первичность личности и личного начала, не менялся со времен первых марксистов-эмпириокритиков [19]. Здесь Сталин оставался вполне типичным большевиком, исповедующим безличное начало – оно же классовое, оно же коллективистское, оно же оправдывающее любые тяготы и невзгоды в истории человека, в его частной судьбе.

ПО СУЩЕСТВУ

Рис. К. Елисеева

— И правильно товарищ Сталин изволили отметить, что вожди в критике нуждаются. Разве товарищ Калинин такой галстучек носят? А прыщик у них разве такой?..

«Крокодил». №18. С.5

Но были и новости.

Сталин придал самокритике еще большее значение, чем в апрельском докладе. Теперь лозунг самокритики получил «особо актуальное значение». В своей привычной манере вождь партии спросил: почему именно теперь,

«Крокодил». №22. С.5

«в данную историческую минуту, именно в 1928 году?» Ответ, который он дал, поднял градус ответственности за самокритику на небывалую высоту, — всякий мог почувствовать, что с такой высоты легко и упасть — не ровен час...

Сталин сказал: «Потому что теперь ярче, чем год или два года назад, вскрылось наличие подкопной работы классовых врагов Советской власти, использующих наши слабости, наши ошибки против рабочего класса нашей страны. Потому что уроки шахтинского дела и "заготовительных маневров" капиталистических элементов деревни плюс наши ошибки планового порядка не могут и не должны пройти для нас бесследно. Нужно

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Рис. Д. Мельникова

— Чего вы в отпуск заторопились? Собирались в августе, а сами в июне дуете...
— У нас, знаете, на июнь кампания самокритики назначена,—ну их к богу!

3

«Крокодил». №20. С.3

поскорее освобождаться от наших ошибок и слабостей, вскрытых шахтинским делом и заготовительными затруднениями по хлебу, если мы хотим укрепить революцию...» [17, с.130].

Обострение классовой борьбы требует самокритики. Значит, это уже не просто критика бюрократизма, о которой говорилось раньше, это критика, которая должна помочь партии победить классового врага, проявившего себя в шахтинском деле, — и не только.

Сталин повторил свою диалектику.

Он постулировал два вида критики. Одна критика — полезная для партии, другая критика тоже критика, но враждебная.

Критика, которая полезна, обрела дополнительную инструкцию.

Как обычно, Сталин использовал свою механистическую логику. Негативными тезисами стали «высказывания людей» о самокритике.

Итак, два неправильных суждения.

Первое суждение: «Одни говорят, что ежели есть самокритика, то не нужна трудовая дисциплина, можно бросить работу и заняться болтовней обо всем понемножку. Это не самокритика, а издевка над рабочим классом.

Самокритика нужна не для разрушения трудовой дисциплины, а для ее **укрепления**, для того, чтобы трудовая дисциплина стала **сознательной**, способной устоять против мелкобуржуазной расхлябанности» [17, с.132].

Второе суждение: «Другие говорят, что ежели есть самокритика, то не требуется больше руководства, можно отойти от руля и представить все "естественному ходу вещей". Это не самокритика, а позор. Самокритика нужна не для ослабления руководства, а для его **усиления**, для того, чтобы превратить его из руководства бумажного и малоавторитетного в руководство **жизненное** и действительно **авторитетное**» [17, с.132–133].

Сумма двух высказываний вождя сводилась к тому, что критика нужна а) для создания железной дисциплины трудящихся и б) для того, что укрепить руководство.

Никакой критики другой быть не может.

По поводу враждебной критики было сказано следующее:

«Но есть и другого рода "самокритика", ведущая к **разрушению** партийности, к **развенчанию** партийности, к развенчанию Советской власти, к **ослаблению** нашего строительства, к разложению хозяйственных кадров, к разоружению рабочего класса, к болтовне о **перерождении**. К такой именно "самокритике" звала нас вчера троцкистская оппозиция. Нечего и говорить, что партия не имеет ничего общего с такой "самокритикой". Нечего и говорить, что партия будет бороться против такой "самокритики" всеми силами, всеми средствами» [17, с.133].

В этой критике присутствует критика, имеющая право выходить за границы партийности, которую постулировал Сталин как исходную и непререкаемую модель для всего советского общества.

Сталин писал: «Надо строго различать между этой, чуждой нам разрушительной антибольшевистской "самокритикой" и **нашей**, большевистской самокритикой, имеющей своей целью **насаждение** партийности, **упрочение** Советской власти, **улучшение** нашего строительства, **укрепление** наших хозяйственных кадров, вооружение рабочего класса» [17, с.133].

При адаптации такой идеологической задачи не могло не возникать много трудностей, ибо почти невозможно отделить критику, которая объявляется полезной, от критики, которую всегда (то есть при желании) можно объявить враждебной.

Сталинские силлогизмы трудно было усвоить не только главным редакторам журналов, – *сам русский язык* подвергся сильнейшей эрозии, так как не в состоянии был отбить психическую атаку, не меняя привычные способы выражения мысли.

Язык «народного» сталинизма Если суммировать весь материал журнала «Крокодил», посвященный «самокритике» в 1928 году, то можно обнаружить словесные формулы, выражающие собой идеологическую задачу в огромной пропагандистской кампании. Одна из самых удивительных метаморфоз состояла в том, что понятие «критика» довольно часто, хотя и не всегда, означало критику *себя*, а «самокритика» относилась к критике мыслей и действий *других* людей. В мире криво зеркальных отражений идеологических постулатов рождалась какая-то своя субкультура, ее условно можно даже назвать «народным сталинизмом». Девиация смысла сталинских изречений в журнале «Крокодил» – это не только журнальная политика, но и особая сфера народного сознания.

«Граница» самокритики «Самокритика» требует границ, как сказано в упомянутой басне. Если бы речь шла о буквальном значении слова, то вопрос был бы обращен к самому человеку. Но здесь «самокритика» – это кампания по критике «себя» в коллективистском (однопартийном) модусе.

На той же странице, где была басня «"Лицо" и критика» (№18), дана подборка других высказываний на эту же тему. Одно из них приписывается Вс. Мейерхольду: «Раскритикуй постановку раз, раскритикуй два, но зачем же до бесчувствия?!»

На шестой странице этого майского номера – очерк Архипа Гельцера «Автоматы» [4, с.6]. В нем сатирически высмеиваются люди, которые не понимают значимости всей кампании – считают ее еще одной «волной», идущей от идеологии.

- Иван Иванович! Новая кампания – о самокритике!
- Да что ты?
- Честное слово! Вот газета!
- Ну что ж. Великолепно. Теперь «культурную революцию» можно по боку. А то я загрустил: не знал, что с ней делать...
- С «культурной революцией» теперь кончено. Напишем отчет о проделанной работе и баста.
- Отчет отчетом. А вот насчет плана новой кампании?
- Не беспокойтесь. Я уже черновичок набросал!
- Набросал?

- В лучшем виде!
- Ну-ка, ну-ка!
- Как всегда: первое – собрать совещание из представителей заинтересованных ведомств...
- Разумеется...
- Второе – выработать тезисы, лозунги и инструкции...
- Правильно!
- И третье – выпустить специальный номер газеты и устроить собрание. Вот, в сущности, и все.
- Ясно! Но ведь шаблон все это, голубчик, шаблон. Нужно поглубже взять...
- Я тоже об этом думал. У меня есть проектец и поглубже. Расходы только потребуются.
- А что именно?

В языковом «зазеркалье» создается свой мифический ответ, который выражает собой некую иррациональную сущность.

Курсы открыть по самокритике.

- Курсы? Вот это дело! «Краткосрочные курсы благожелательной самокритики»?
- Вот именно. «Подготовка в высшие и средние учреждения».
- Очень хорошо! На такую штуку деньги можно достать. Но все-таки и курсов маловато... Что-нибудь массовое надо. Активность масс нужно показать.
- Массовое? Может быть, устроить «Неделю благожелательной самокритики»? Пусть в течение недели всякий, кто хочет, благожелательно указывает на недочеты?
- А что ж? Это – идея! [4, с.6].

«Краткосрочные курсы благожелательной самокритики» – вот что напрашивается на сталинские пожелания критиковать не «по всякому», а так, чтобы самокритика была, хотя «не всякая критика нам нужна» и так далее, и так далее – в том же духе. То, что могло бы быть простым и ясным, в изложении Сталина превратилось в казуистику с опасными последствиями. Как ответить на нее? Только «краткосрочными курсами», чтобы научиться «благожелательной самокритике»... то есть критиковать, не критикуя. Подобная реакция людей, конечно, высмеивается, но в области смеха всегда найдется место горькой правде.

Она заключена в бессмыслице...

Так и завершается этот странный рассказ об «автоматах». Почему смешным должно быть опасение, что при организации подобных «курсов» возможны жертвы? Тревожное состояние человека, не знающего, как найти границу самокритики, становится темой обсуждения в массовой аудитории.

Боюсь только, не было бы, по неопытности, жертв?

– Без этого не обойдешься. Можно во время недели продавать какой-нибудь цветок в пользу пострадавших.

– Вот разве цветков...

– Отчего же? Очень хорошо. Покупать будут за милую душу. Каждый возьмет с удовольствием. Вроде взаимного страхования. Больше ничего и не надо!

– План получился исключительный. Да, но какой цветок-то продавать, Иван Иванович?

– Какой! Можно любой... Какие есть цветы?

– Садо...

– Нет, нет, нужно попроще – луговой. Вроде ромашки. Но ромашка, кажется, от блох – неудобно.

– Незабудку тогда?

– Незабудку? Ладно!

– Кстати, незабудка, Иван Иванович, будет напоминать гражданам, чтоб не забывались уж очень-то.

– Шутник! Смотри, сам не забудь, что говорил-то. Завтра же представь перепечатанный план.

– Не беспокойтесь. Будет готов в десяти экземплярах! [4, с.6].

Журнал «Крокодил» выражал своими публикациями настроения всей страны. Кампания была грандиозная. Выпускались брошюры ценой в одну копейку и тиражом не менее 300 000 экземпляров, все центральные органы печати были полны материалами о самокритике, но результат – по признанию самих большевиков – удручающий, плачевный. Как заметил член ЦКК Я.Петерс, «эта самая критика проводится таким образом: ЦК партии дал директиву, выпустил циркуляр, кое-где обсуждали, а большинство обсуждало таким образом: звонят из райкома на завод, делай доклад о самокритике...» [9, с.107]

Что в карикатурном мире советской сатиры, что на производстве, – среди не карикатурных рабочих, – реакция идентичная! На одном собрании было

заявлено: «Можем ли мы критиковать, например Губком. Где же **границы наших возможностей?** Мы находимся в паршивом положении» [9, с.107].

По документам видно, что многие люди готовы критиковать, у них наболело, жизнь тяжкая, подчас голодная. 27 июня 1928 г. на электрозаводе произошло собрание рабочих, и первый же выступавший обрушился с критикой аграрной политики партии. Послышались голоса – «давай, давай говори...» Несколько человек присоединяются и говорят, что в деревнях голодают из-за принудительного сбора зерна. В одной записке был даже такой вопрос: «Скажите, пожалуйста, можно ли голодного человека убеждать вашей критикой, если он сидит голодный? Но нам говорят: очень весело в Москве живут?»

Но этот случай скорее редкость, чем правило. Каким бы ни было желание сказать правду о жизни людей, страх оказывался гораздо сильнее. Собрание работников на фабрике Гознака – весьма показательное по этому общему настроению: «Докладчик от райкома сделал достаточно живой и обстоятельный доклад. Вопросов по докладу почти не поступало, за исключением вопроса "как будут поступать с теми, кто преследует цели самокритики"<...> один заикнулся, что нельзя за самокритику преследовать. Он указал на оказавшийся верным факт, что за воротами очутились все, кто активно выступал против администрации...» [9, с.108]

В том же специальном (майском) номере журнала «Крокодил» был опубликован очерк Л.Митницкого «Слушали – постановили» [8, с.7]. Сатирически изображенная реакция на очередную кампанию большевиков «слушали – постановили», в особенности на статью Сталина, оказывается более адекватной, чем сама идеологическая кампания. Ибо в этой «неправильной» реакции обывателя хотя бы ставится вопрос о «пределах самокритики».

1. Слушали: Доклад заведующего амбулаторией о врачебной помощи и – вообще.

Постановили: Доклад принять к неуклонному сведению. От прений воздержались ввиду информационного и руководящего характера доклада.

2. Слушали: Заявление управляющего делами о невозможности ввиду загрузки выступить с докладом о самокритике.

Постановили: Разгрузить докладчика посредством отмены самокритики как таковой.

3. Слушали. **О пределах самокритики.**

Постановили. Каждый может себя критиковать персонально. Особых удостоверений на это не требуется. Можно по удостоверению личности.

4. Слушали. **О пользе самокритики.**

Постановили. В виду предстоящего сокращения штатов от самокритики временно воздержаться... [8, с.7]

Некоторые высказывания вождя партии решили объяснить при помощи стихов. Автор, не пожелавший огласить свою фамилию, написал три части стихотворного очерка под названием «Самокритические зарисовки» [3, с.8]. К каждой из трех частей предпосланы эпитафии из апрельской речи Сталина. Задача публикации – показать, что прямое осуждение самокритики даже менее вредно, чем желание «почивать на лаврах».

Часть первая.

«Большевики довели!..»

...пусть враги болтают о наших недостатках, –
такие пустяки не могут, не должны смущать большевиков
Речь т. Сталина. «Правда», 18-IV

«Все кричит, что он, де, нищий,
Но притом имеет дом,
И, представьте, жадно ищет
Самокритику во всем.
Речь сказал, допустим, Сталин:
Превосходный матерьял!
– Докатились!.. Вы слышали?
Нынче в "Правде"... сам сказал!
Все описано подробно!..
Весь ЦК, выходит, влип!!
Вот он весь – бессильно-злойный,
Омерзительнейший тип!!»

Часть вторая.

«Который "за"»

«...эти люди... то и дело ворчат,
отмахиваясь от самокритики».

«И такие нам порою
Попадаютя пока:
Он за критику горою,
Но... чтоб в меру и слегка.

Чтоб любой в речах был мягок,
Чтобы путь был прям и тих,
Чтобы гладок был порядок,
Без нападок, без шумих.
Им легко ругаться вечно!
Делать дело потрудней!..
Тип второй, – и он, конечно,
Нам значительно вредней».

Часть третья.

«Почивший на лаврах».

«...Что значит почить на лаврах?
Это значит поставить крест над нашим движением
вперед»

«Колоссальны достиженья
Превосходно положенье.
Что еще теперь желать,
И к чему критиковать?
Он дает понять нам ясно,
Что такой подход суров,
Потому что все прекрасно
В этом лучшем из миров.
– Ну, а критика, быть может,
Только зря народ тревожит,
И сбивает нас с пути!..
Это – самый вредный тип!» [3, с.8].

В июльском, двадцать пятом номере журнала, был опубликован очерк Савелия Октябрева «О недочетах самокритики» [12, с.3]. Самокритика приблизилась к опасному состоянию: срочно требуется критика, но такая, которая не задевает причин самой критики.

Критика в границах неизвестной меры, – это же формула абсурда! Но эта формула подкреплена цитированием июньской статьи товарища Сталина, который один эту меру знает.

«...начальствующие лица могут вкупе поднять вопрос о необходимости ограничить самокритику, каковая: 1) роняет авторитеты; 2) подрывает дисциплину; 3) нервнрует работников; 4) приучает массу видеть всюду

недостатки, а не достижения; 5) получила упрек в резкости от самого Максима Горького.

Повторяю еще раз: здоровая в общем и целом идея, *будучи неразумно проводима в жизнь* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.), может погибнуть на корню, не успевши расцвести!»

И напоминаю:

«– Хинин целебен, но его дают в умеренных дозах, заключая оные в облатки...

... *самокритика есть оружие острое и сложное*, и лица, прибегающие к нему без надлежащего умения, легко могут сами стать или сделать других жертвами несчастного случая...» [12, с.3]

В номере 36 (за сентябрь), специально посвященном «самокритике», был опубликован очерк Никиты Крышкина «Человек с понятием» [6, с.3]. В нем была сделана попытка как-то «изобразить в лицах» высказывание Сталина о том, что следует относиться внимательно к такой критике, в которой нет стопроцентной правильности.

Напомню это высказывание:

«Критика оказывается иногда правильной не на все 100 процентов. Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не во всем правильна, начинают ее поносить, хулить. Это неправильно, товарищи. Это опасное заблуждение. Попробуйте только выставить такое требование, и вы закроете рот сотням и тысячам рабочих, рабкоров, селькоров, желающих исправить наши недостатки, но не умеющих иногда правильно формулировать свои мысли. Это была бы могила, а не самокритика».

Это суждение вождя необходимо было «переварить» в более понятных образах...

Собеседников двое – один претендует на «кругозор» и поучает другого, который выступил как раз по сценарию товарища Сталина – «не очень», но ведь и к этому высказыванию необразованного рабочего следует прислушаться. Тот, кто поучает, вызывает отторжение, симпатия на стороне простого работника. Реалистично описана граница, которая отделяет настоящего вождя, товарища Сталина, от массы, которой он разрешил самокритику.

«...я – это дело одно. А если какой-нибудь малограмотный рабочий допризывного возраста – и тоже с самокритикой лезет, то это, простите, дело совсем другое... Поэтому я Степанову откровенно, конечно, заявил:

– Вот что, – говорю, – Пашка: ты на будущее время определенно уймись! От вчерашнего твоего выступления на собрании уши у меня вянули и противно было глядеть. Чтоб этого не было!

А этот невежественный тип, вместо чем смолчать, еще и возражает:

– Да я, – говорит, – правильно указывал на недочеты, и даже в заключительном слове это отмечено. И даже товарищ Сталин, – говорит, – указывал, что даже в неправильной критике могут быть отдельные ценные указания... А я, – говорит, – по существу выступал!

Тут, конечно, моего терпения не хватило.

– Ах ты!.. – говорю. – Да как же ты смеешь про товарища Сталина слова рассуждать: разве это твоего дурацкого ума дело?! И если ты на собрании нечаянно в точку попал, то все равно: ведь противно же слушать! И говорить ты не умеешь, и не можешь ты понимать, и образования у тебя нету на это. Я могу с критикой выступать: я городское окончил, – а ты-то куда суешься? Какой у тебя кругозор в подобных вещах?..

И, одним словом, категорически объявляю:

– Последнее тебе предупреждение! Если еще один раз со своей глупостью высунешься, – с производства сниму и переведу в подсобные, без сдельщины. Посидишь на голых тридцати в месяц, тогда почувствуешь! Тоже самокритик нашелся! Одним словом, в последний тебе раз говорю!..

На том и закончился весь разговор. И что же?!

Теперь шьют мне волокиту, будто я против самокритики и на недопустимый зажим. Да ведь как шьют! Просто, хоть сам уходи с завода без выходного пособия!..

Обидно и досадно. Главное, – если б я вправду против самокритики выступал, ну, тогда так! А то ведь я же за самокритику всецело. И за развертывание, и вообще: целиком и полностью, согласно существующих директив! Понимаю ведь я. У меня, как-никак, – кругозор!» [6, с.3].

Сентябрьский номер «Крокодила», целиком посвященной кампании самокритики, вышел не случайно. 27 августа 1928 г. состоялось заседание Центральной контрольной комиссии по обсуждению кампании самокритики, и первые итоги сильно разочаровали всех, кто об этом говорил. Один делегат сказал: «Мы, рабочие заводов, думали на местах, что только там у нас такая паника о самокритике, а она, оказывается, и сюда проникла» [9, с.114].

Все оказались в тупике – и администраторы («критикуемые») и самокритики («критикующие»), потому что никто не мог точно сказать, как относиться к тем 5–10% правды, о которых говорил товарищ Сталин. По мнению А.Сольца, члена ЦКК, никакого разрешения на 95% вранья Сталин не да-

вал. Тем не менее сталинские слова спровоцировали некоторых депутатов говорить примерно так: вполне допустимо смешение правды и лжи от 20 до 30% – это «минимум» [9, с.115].

Обсуждение показало, что настроения были самые разные: одни утверждали, что нужно защитить авторитет представителей власти, другие – направить огонь критики против самих рабочих, третьи – что нужно самокритику использовать в борьбе с контрреволюцией, кулаками и прочими. Решено было в конце концов игнорировать жалобы хозяйственников и продолжить кампанию с еще большей мобилизацией общественных организаций: профсоюзов, комсомола. Сразу после августовского пленума ЦКК была опубликована брошюра, не предназначенная для широкого публичного распространения, в которой говорилось: «...товарищи, сосредото-

«Крокодил». №36. С.1

чившие все внимание на вопросах о "пределах", о "критериях", о "гарантиях" в области самокритики, действуют только на руку тем бюрократам и чинушам, которые в поисках мирного, беспечального существования и из боязни стать объектами критики всячески тормозят проведение лозунга самокритики» [9, с.118].

Еще до того, как в сентябре 1928 г. стали на пленуме ЦКК обсуждать «сталинские» проценты правды и лжи, в майском номере «Крокодила», специально посвященном самокритике, был опубликован очерк В.Авилова, в котором пародийно представлен лгущий человек, претендующий как раз на 5–10 процентов правды. По существу, это была пародия и на сталинский текст, но едва ли кто-нибудь это замечал.

«Только что, товарищи, выступал здесь с якобы критикой тов. Пузякин.

Критика – вещь хорошая, товарищи! Без критики недалеко до загнивания на месте и разного прочего топтания! Мы, товарищи, критику приветствуем. Но то, товарищи, критика – а не вранье! Про вранье же, чтобы его приветствовать, таких директив, товарищи, нет. И не будет, товарищи.

А между прочим, все, что Пузякин здесь накриковал, есть, товарищи, вранье! Я эти слова досконально докажу, товарищи!

Что пьянка была будто бы в четверг – вранье, товарищи!

Не в четверг она была, во-первых, а в пятницу.

Что была она у члена бюро ячейки Крышка – опять, товарищи, наглое вранье, и секретарь фабкома Черных сам здесь, надеюсь, подтвердит, что ребята, и, между прочим, Крышка, собрались вовсе не у него!

Что кандидата партии Зяблю будто бы наутро нашли в канаве поповского огорода, – это уж, товарищи, даже и непонятно – кому понадобилось придумывать такую ерунду!

В действительности, товарищи, Зяблю нашли проезжие крестьяне вовсе не в канаве, а в колоде. И не у поповского огорода (тоже ведь тенденция пущена!), а у Прохоровского колодца!

Я, товарищи, мог бы продолжать этот до бесконечности, но считаю, что и приведенных примеров достаточно для того, чтобы показать, как надо критиковать, так критиковать вовсе не следует.

Нам, товарищи, нужна критика, проверенная на все 100 процентов, на вранье, товарищи, у нас, захолустенских коммунистов, – ответ один!

И если кому от этого ответа не поздоровится, то – прощенья просим, товарищи!» [1, с.7].

Самая безопасная «граница» самокритики – критика руководителем организации самого себя, когда нет потребности выйти за границы собственного авторитета и авторитета партийно-государственной власти. В очерке Никиты Крышкина «Коса на камень» [7, с.2], опубликованном в декабрьском номере журнала, говорилось о трех директорах, которые столкнулись с «самокритикой» и по-разному на нее реагировали.

Первый реагировал так: «Это не самокритика, а злостная демагогия с перерастанием в контрреволюционность. Это подрыв дисциплины и срыв всей работы!.. Это попытка дискредитации!.. Беспартийным совету над этим задуматься, а с партийными мы поговорим в другом месте!..»

Второй реагировал так: «Я, – сказал он, – не против дружеской и деловой самокритики. Но когда она принимает недопустимый характер подрыва престижа и переходит пределы, тогда я должен призвать к порядку. Вообще же вы можете подвергать критике мелкие недочеты в деле охраны труда, но администрирование, расходы и себестоимость – не вашего ума дело! Кто этого не понимает, с теми придется поговорить в другом месте!..»

А третий сказал следующее: «Эх, товарищи!.. Конечно, вы старались, как могли, но неужели же это называется у вас самокритикой? Не самокритика это, извините, а детский беспомощный лепет! Ковыряетесь вы в настоящих мелочах, а вот как крупное и важное выправить, – этого не видите и не понимаете. Что ж толку-то от такой детской и робкой самокритики? Зря время потрачено, товарищи! Нужно забираться глубже, товарищи, нужно, чтобы самокритика открывала перспективы и расширяла горизонты. А так – что же? Там, где надо железным кулаком стукнуть по крупному недостатку, вы детским мизинцем копаетесь в пустяках! Эх, товарищи...» [7, с.2].

Первые два директора, конечно, были неправы, но только потому, что был третий директор – самый правильный, допустивший более глубокую критику, но в границах, обозначенных Сталиным: нельзя подрывать авторитет государственной власти.

Аргументы первых двух директоров кажутся неправильными, но они как аргументы (почти слово в слово) упомянуты товарищем Сталиным. Иначе говоря, нет критериев, по которым можно судить о тени и свете в аргументах pro et contra. Развернуться можно в любую сторону!

(Окончание следует...)

Библиографический список

1. Авилов В. Захолустное // Крокодил. 1928. №18. С.7.
2. Анфертьев И.А. Политическая биография правящей РКП(б) – ВКП(б) в 1920–1930-е годы: критический анализ. М.: ИНФРА-М, 2017. С.266–267.

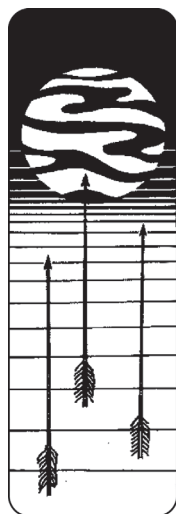
3. Б. Самокритические зарисовки // Крокодил. 1928. №18. С. 8.
4. Гельцер А. Автоматы // Крокодил. 1928. №18. С. 6.
5. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1828–1929 гг. В 5-ти томах. Том 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. М.: МФД, 2000. С. 52
6. Крышкин Н. Человек с понятием // Крокодил. 1928. №36. С. 3.
7. Крышкин Н. Коса на камень // Крокодил. 1928. №42. С. 2.
8. Митницкий Л. «Слушали – постановили» // Крокодил. 1928. №18. С. 7.
9. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. С. 107.
10. Октябрьев С. Гигиена партактива // Крокодил. 1928. №18. С. 2.
11. Октябрьев С. «Лицо» и критика (В роде басни) // Крокодил. 1928. №18. С. 2.
12. Октябрьев С. О недочетах самокритики // Крокодил. 1928. №25. С. 3.
13. Октябрьев С. Образцы самокритики // Крокодил. 1928. №18. С. 8.
14. Октябрьев С. Самоучитель самокритики // Крокодил. 1928. №26. С. 2.
15. Павлов Вл. Отчаянный // Крокодил. 1928. №22. С. 2.
16. Светлов А. Алиментарная самокритика // Крокодил. 1928. №41. С. 11.
17. Сталин И.В. О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11. С. 29.
18. Черенков П. Герой // Крокодил. 1928. №24. С. 10.
19. Юрганов А.Л. Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.

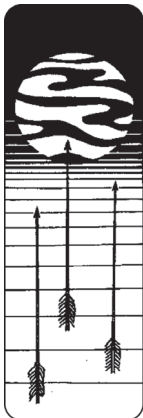
Хотя все его просят об этом,
Бог не участвует в нашей
политике.

Джордж Джон Митчелл

Для политика чтить религию
выгодно, а следовать ее
учению губительно.

Бенджамин Уичкот

Андрей Ранчин

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

О НОВОЙ КНИГЕ АНДРЕЯ КАРАВАШКИНА: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

УДК

821.161.1

В статье-рецензии рассматривается одна из идей книги А.В.Каравашкина «Власть в средневековой Руси. Смысловые уровни полемических текстов» (2021) – конвенциональные модели, трактующие отношения правителя-мучителя и его жертвы. Противостояние мученика мучителю-язычнику выражается в обличении, отношение мученика к тирану-христианину – в кратком приятии смерти. А.В.Каравашкин прослеживает эволюцию этих двух моделей, проявившуюся, в частности, в наделинии тирана-христианина признаками вероотступника и в изображении жертв обличителями его преступлений. В статье показано, что две модели совмещены еще в новозаветном повествовании об убиении Стефана Первомученика и что в действительности фигура мучителя-христианина соотносится с царями-язычниками и отступниками еще в памятниках Борисоглебского цикла. Прослеживается, как князь Андрей Курбский реализует парадигму обличений мучителя в своих посланиях Ивану Грозному.

The review article considers one of the ideas of A.V.Karavashkin's book "Power in Medieval Russia. Semantic levels of polemical texts" (2021) are conventional models that interpret the relationship between the ruler-tormentor and his victim. The opposition of the martyr to the pagan tormentor is expressed in denunciation, the attitude of the martyr to the Christian tyrant is expressed in meek acceptance of death. A.V.Karavashkin traces the evolution of these two models, which manifested itself, in particular, in endowing the Christian tyrant with the signs of an apostate and in portraying the victims as accusers of his crimes. The article shows that the two models are combined in the New Testament narrative about the murder of Stefan the First Martyr and that in reality the figure of the Christian tormentor correlates with pagan kings and apostates in the monuments of the Borisoglebsky cycle. It is traced how Prince Andrei Kurbsky implements the paradigm of exposing the tormentor in his messages to Ivan the Terrible.

Ключевые слова: А.В.Каравашкин; тиран; мучитель; древнерусская словесность; представления о власти; конвенциональные модели; памятники Борисоглебского цикла; переписка князя Андрея Курбского с Иваном Грозным.

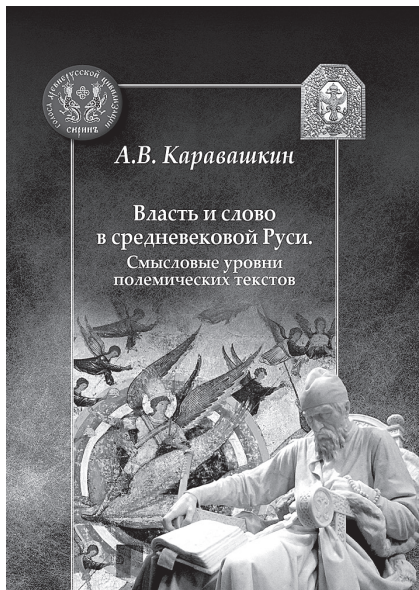
Key words: A. V. Karavashkin; tyrant; tormentor; Old Russian literature; ideas of power; conventional models; monuments of the Borisoglebsk cycle; Correspondence between Prince Andrei Kurbsky and Ivan the Terrible.

E-mail: aranchin@mail.ru

Памяти Андрея Витальевича Каравашкина

Недавно изданная книга безвременно ушедшего Андрея Витальевича Каравашкина¹, включающая исследования прежних лет, частично переработанные, заслуживает обстоятельного разговора. Я ограничусь рассмотрением второй главы под названием «Власть мучителя: Конвенциональные модели тирании в русской истории XI–XVII вв.» из второй части книги. Глава эта первоначально была опубликована в журнале «Россия XXI» больше пятнадцати лет назад², в новой книге она напечатана в исправленном и дополненном виде³.

Плодотворной и ценной является теоретическая идея автора – предложенное им понятие конвенциональная модель. По словам А.В.Каравашкина, «[о]сновой конвенциональной модели является не чисто формальная, но смысловая сущностная повторяемость, относящаяся к сходному определению типичных ситуаций» [10, с.267–268]. На первый взгляд для упомянутых явлений словесности термин уже имеется: это «общие места» (синонимичные термины греческого и латинского происхождения – *топосы* и *loci communes*). Однако исследователь конвенциональные модели и топосы разграничивает: «Топосы могут быть представлены в виде двух своих разновидностей – мотивов и формул. Конкретные топосы часто сопровождают конвенциональные модели на пути их актуализации. Но со временем определенный набор топосов может быть заменен другим, а конвенциональная модель при этом остается той же самой» [10, с.268, прим.8]. Очевидно, конвенциональные модели могут быть отнесены к глубинному уровню текстопождения и в этом отно-

Обложка книги А.В.Каравашкина

¹ См. [8].

² См. [10].

³ См. [10, с. 266–302].

шении в принципе могут быть сопоставлены с глубинными структурами в генеративной грамматике Н.Хомского, а топосы – с их реализацией в виде конкретных синтаксических последовательностей – предложений. Но, в отличие от глубинных структур в языке, конвенциональные модели обладают конкретной семантикой. Очевидно, их можно соотнести с нормами и правилами, которые Д.С.Лихачев обозначал с помощью метафоры литературный этикет⁴, а сам А.В.Каравашкин – посредством выражения литературный обычай⁵. Однако конвенциональные модели – это не просто правила, определяющие риторическую организацию произведений, а глубинные структуры, непосредственно отражающие представления древнерусских книжников о реальности, в данном случае – о мучителе, тиране.

А.В.Каравашкин выделяет две модели в древнерусской словесности, описывающие отношения мучителя и мученика и духовную победу жертвы: «Первоначально в древнерусской книжной традиции вырабатываются две конвенциональные модели поведения жертвы, две стратегии, два способа борьбы. Один путь – вполне привычный, predeterminedный многочисленными образцовыми текстами, в которых смерть мученика рассматривается как своеобразный протест и публичная проповедь. Другой, также знакомый мировой христианской агиографии, получает свое исчерпывающее развитие на Руси в эпоху канонизации первых восточнославянских святых, страстотерпцев Бориса и Глеба (Романа и Давида). Это подвиг непротivления и абсолютного смирения, по самоотверженности равный, пожалуй, только юродскому высмеиванию мира» [10, с.270–271]. Первый путь характерен для противостояния иноверного властителя, побуждающего к отречению от Христа, и праведника, ценой жизни утверждающего свою веру и посрамляющего мучителя. Второй – для гибели святого от рук несправедного, но не иноверного властителя, посягающего на жизнь, а не на веру жертвы.

Первый вариант модели предполагает поведение мученика как подвиг – вызов мучителю: «Он, как правило, и есть открытое свидетельство о Христе: он совершается на площадях, в святых местах, театрах и цирках, очень часто при большом стечении народа. Задача мученика – духовно побороть и опозорить тирана, превратить его силу в слабость» [10, с.271]. Древнерусский пример такого рода содержит Житие князя Михаила Черниговского и боярина Федора. Нехристианский (языческий) властитель (хан Батый) противопоставлен христианам Михаилу и Федору (Феодору). Семантика этой модели такова: «Значит, царь достоин послушания

⁴ См. [13, с. 95–122].

⁵ См. [9, с. 33–65].

ровно настолько, насколько его полномочия не противоречат велениям Бога, – кесарю кесарево. Но как только мучитель начинает претендовать на духовное господство, его притязания должны быть отвергнуты»; «Мученик отмечает одну из самых важных особенностей иноверческой власти: она заставляет поклоняться пустоте, видимости, "не сущему"» [10, с.274]. «Другая линия поведения перед лицом жестокого государя – но на этот раз не язычника, а христианина», как уже было отмечено, по мнению исследователя, представлена в борисоглебской агиографии [10, с.275].

А.В.Каравашкин проследил эволюцию двух моделей вплоть до старообрядческой книжности и придворной поэзии XVII века, придя к заключению: «В дальнейшем парадигмы мученичества за веру и непротивления будут сосуществовать. Однако затем они послужат основой для *другой* конвенциональной модели: мученики будут вести себя по отношению к нарушителю заповедей, убийце как обидчику-гордецу с таким же демонстративным протестом, как и по отношению к тирану-язычнику, принуждающему совершать идолослужение. Но, кроме открытой проповеди, у мученика по-прежнему останется возможность спокойно и безропотно (в послушании, а не в безразличном согласии со злом) принять свою смерть» [10, с.280]⁶. Новую парадигму ученый находит в сочинениях Иосифа Волоцкого и князя Андрея Курбского: «В древнерусской литературе формируется новая конвенциональная модель государя-христианина, поставившего себя вне закона, оказавшегося предателем веры. Эта идея созвучна тем настроениям, которые возобладали в публицистике XVI в. и выразителями которых стали Иосиф Волоцкий и Андрей Курбский»; «Принцип неподчинения единовержному государю, ставшему в силу нарушения заповедей или догматических заблуждений законопреступным, был сформулирован не конкретно-исторически, но доктринально, в виде особого учения в "Просветителе" Иосифа Волоцкого» [10, с.283]. Князь Андрей Курбский в «Истории о великом князе Московском» идет дальше, описывая примеры обличения несчастными жертвами их губителя-царя: «Книжники, имевшие дело с разными элементами традиции, вполне свободно могли отказываться от одного из этих элементов и брать на вооружение другой. Они могли также наделять конвенциональную модель одного типа (деспот) признаками конвенциональной модели другого типа (язычник и слуга дьявола). Теоретически ничто не мешало наделить неправедного государя-единовержца качествами антихристианского владыки и языческого царя (или отступника, уклонившегося в язычество), который преследует своих подданных так же, как некогда Нерон преследовал христиан. Переосмыс-

⁶Здесь и далее все выделения (курсив) принадлежат авторам цитируемых текстов.

ление конвенциональных моделей тирании на практике и осуществляет Андрей Михайлович Курбский» [10, с.289]. Не случайно главка, в которой наряду с трудом Андрея Курбского рассматриваются образы царя Ивана Грозного в Житии митрополита Филиппа, Бориса Годунова и первого Самозванца в произведениях Смутного времени, царя Алексея Михайловича – одного из инициаторов церковной реформы – в сочинениях протопопа Аввакума и диакона Федора, названа «Тирания Антихриста и апостазия».

Идеи и наблюдения А.В.Каравашкина плодотворны и нуждаются в развитии, но отчасти и в корректировке. Ученый совершенно верно указывает на образцы мученического подвига. Это Иисус Христос; мученичество – «добровольное самоотречение во имя Христа, "подобострастие" (повторение "страстей" и искупительной жертвы богочеловека)»⁷. Также это диакон Стефан, побитый камнями (Деян. 7: 57–59); это ветхозаветные лица: пророк Даниил и три отрока в печи огненной, старец Елеазар, отказавшийся есть идоложертвенное свиное мясо (2 Мак. 6: 18) [10, с.269]. Однако это принципиально разные образцы, предполагающие различное отношение мученика к антагонисту-мучителю. В случае с распятием Христа фигура мучителя как такового отсутствовала и на казни настояли единоверцы. Слова Христа о губителях «о́че ꙗпусти имъ, не вѣдать бо что творать» (Лк. 23: 34) [26, с.1660] характерны именно для ситуации, когда гонители не покушаются на веру гонимого. Но в древнерусской традиции этот архетипический для христианства сюжет был переосмыслен: в сказании Киево-Печерского патерика о Евстратии Постнике описывается распятие печерского монаха, будто бы совершенное иудеями в Светлое Воскресение в поругание христианской веры. Пригвожденный к кресту Евстратий был жив пятнадцать дней, он отверг предложение перейти в иудаизм и обличил их веру: «Ты же и иже с тобою жидове днѣсь въсплачете и възрыдаете, яко прииде на вы отвѣт от Бога крови ради моя и всѣх христиан, яко субот ваших возненавидѣ Господь и преложи праздники ваша в сѣтование, яко убьенъ бысть начальник вашего безакониа» [6, с.24, л.21]. Разъяренный иудей пронзил мученика копьем. Для Феодосия Печерского и автора его жития Нестора естественна полемика с иудеями, призванная провоцировать иноверцев на убийство противника и превращение его в мученика: «Нѣ се паки лѣпо есть намъ сия съповѣдавъше на прокое похваление блаженааго съказание поити и яже о немъ достойная съ истиною исповѣдающе, еже по Господи нашемъ Исусѣ Христѣ того рвьние. Се бо и сиць обычай имяше блаженный,

⁷ Однако говорить о повторении уникальной жертвы Богочеловека не вполне верно. О принципе подражания Христу (*imitatio Christi*) как основе мученического подвига см., например, [19, с.64–69].

якоже многашъды въ нощи вѣстая и отай всѣхъ исхожааше къ жидомъ, и тѣхъ еже о Христѣ рѣпирая, коря же и досажая тѣмъ, и яко отметьники и безаконьники тѣхъ нарицаая, жьдаше бо еже о Христовѣ исповѣдании убиень быти» [2, с.418].

Случай со Стефаном Первомучеником более сложный, чем с распятием Христа. Расправу также совершают единовѣрцы, исходящие из облыжного обвинения, что он хулил Моисея и Бога. Поэтому побиваемый камнями страдалец молится за убийц, подражая Спасителю: «Ги, не постави имъ грѣха сего» (Деян. 7: 60) [26, с. 1716]. Однако вместе с тем мученик обличает преследователей, заявляя: «жестоковыини, и необрѣзани срдцы и оушесы, вы присно дѣху стоѣму противитеса, яко же ѿцы ваши, тако и вы. кого ѿ пророкъ не изгнаша ѿцы ваши; и оубиша провъзвѣстившаа о пришествіи праведнаго, ему же вы ннѣ предателе и оубица бысте. Иже приасте законъ по велѣніемъ агѣлъ, и не съхранисте» (Деян.7: 51–53) [26, с. 1715]. Иными словами, он обличает своих мучителей в отступничестве от истины веры – от закона, возвещая их предательство. Не случайно Стефан излагает перед лицом своих убийц события священной истории: тем самым он удостоверяет свое вероисповедание и одновременно уличает антагонистов в нарушении заповедей веры. Здесь соединены два мотива, ставшие парадигматическими для описанных А. В. Каравашкиным моделей: обличение мучителей и молитва за них.

Отчасти пример Стефана, но прежде всего ветхозаветные примеры пророков, обличающих царей Израиля и Иудеи в вероотступничестве, повлияли на формирование мученической агиографии, описывающей противостояние приверженца Христовой веры и властителя-мучителя. При этом конфликт (правда, в маргинальном сюжете) мог даже приобретать характер гладиаторского поединка, в котором христианин убивал язычника⁸.

В случае, когда мучителем оказывался правитель-христианин, не угрожавший вере мученика, в древнерусской словесности, как справедливо отметил А. В. Каравашкин, действовала иная модель: жертва не обличала губителя, а кротко принимала смерть. Однако эта парадигма реализовывалась только в поведении мученика, но не в изображении мучителя. В последнем случае значимы были как раз параллели с нечестивыми иноверными владыками или правителями-отступниками. Судьба Святополка – убийцы Бориса и Глеба в «Сказании о Борисе» и в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора проецируется не только на ветхозаветные сюжеты об убийцах Каине, Ламехе и Авимелехе, но и на историю язычника Антио-

⁸Таков сюжет о юноше Несторе, убившем гладиатора Луя – любимца гонителя христиан царя Максимиана (Житие Димитрия Солунского). См. [3, с. 178–180].

ха IV Елифана (мотив панического бегства)⁹ и на гибель Юлиана Отступника (мотив внезапной смерти в пустынной местности)¹⁰. Мало того – в так называемых небиблейских, или летописных паремийных чтениях Борису и Глебу Святополк назван «безглавным зверем»: «Сею бо кръвь и до коньцины вѣка не прѣстаеть въпиущи къ Богу на безаконнаго и гордаго Святопѣлка, паче же рѣку – поганопѣлка, безглавнаго звѣря» [7, с. 118, л. 258–258об.]. Эпитет «безглавный» в христианской книжности ассоциировался, во-первых, с еретичеством и, во-вторых, с гордыней – тяжким, смертным грехом¹¹. Б. А. Успенский обратил внимание на окказионализм «поганополкъ» и интерпретировал его следующим образом: «Характерно, что в паремийном чтении о Борисе и Глебе о Святополке говорится, что он не "Святополк", а "Поганополк", поскольку он борется со святыми и воплощает, тем самым, "поганое", языческое начало» [24, с. 43].

Показательно также, что Святополку в Пространной повести о Куликовской битве уподобляется как обвиняемый в измене и сговоре с Мамаем рязанский князь Олег Иванович, так и сам Мамай, иноверец-узурпатор. О намерении Олега пособничать Мамаю сказано так: «Князь же Дмитрий увѣдавъ лествь лукаваго Олга, кровопивца христьянскаго, новаго Иуду-предателя, на своего владыку бѣсится. И князь же Дмитрий въздохнув из глубины сердца своего и рече: "Господи, съвѣты неправедных разори, а зачинающих рать ты погуби, не азъ почаль кровь христьянскую проливати, но онъ, Святополкъ новый! Въздай же ему, Господи, седмь седмерицею, яко въ тмѣ ходит и забы благодать твою!"» [4, с. 124] (текст по Новгородской Карамзинской летописи). Молитва Дмитрия Донского – вариация молитвы Ярослава Мудрого перед сражением 1019 года со Святополком (молитва содержится в «Повести временных лет» под 6527/1019 годом и в «Сказании о Борисе и Глебе»). Вот этот фрагмент в «Повести временных лет»: «Ярославъ ста на мѣсть, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: "Кровь брата моего вопеть к тобѣ, владыко! Мьсти от крове праведнаго сего, якоже мьстиль еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; – тако положи и на сьмь". Помоливъся, и рекъ: "Брата моя! Аще еста и тѣломь отошла отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго"» [с. 97]¹².

⁹ См. об этом [1, с. 178]. Но источником для древнерусских книжников была, вопреки указанию Г. М. Бараца, не 2 Книга Маккавейская (перевод которой на славянский язык был осуществлен только в конце XV века), а Хроника Георгия Амартола.

¹⁰ См. об этом [16, с. 118–119].

¹¹ См. об этом [17].

¹² Ср. текст «Сказания о Борисе и Глебе» [2, с. 344].

В этом тексте есть и еще одна отсылка к имени и образу Святополка: в благодарении Дмитрия Донского Богу за победу над Мамаем на Куликовом поле одоление иноверного и иноземного врага уподоблено отмщению Ярослава Святополку: «Помянуть еси, Господи, милость свою, избавил ны еси, Господи, от сыроядец сих, от поганана Мамаея, и от нечестивых измайлович, и от безаконных агарянь, подаваа чсть, яко сынъ, своей матери. Уставиль еси стремление страстное, якоже еси уставиль служь своему Моисею и древнему Давиду, и новому Константину, и Ярославу, сроднику великих князей на окааннаго и на проклятаго братоубийцю безглавнаго звѣря Святоплѣка» [4, с. 134]. Метафора «безглавный звѣрь» заимствована из паремийных чтений Борису и Глебу.

Противники Моисея, Давида, Константина Великого были язычниками в отличие от Святополка. Но для летописца это непринципиально. Тяжкий грех, совершенный правителем-христианином, словно уравнивал его с нечестивыми иноверцами. Имя Святополка становится символическим, о чем свидетельствует так называемая Минейная редакция Первого славянского жития князя Вячеслава Чешского, иначе – Востоковской легенды – древнерусская переработка древнечешского памятника. Чешский князь Болеслав, вероломно убивший старшего брата Вячеслава, сравнивается со Святополком: «В то же время всея диавол, иже изначала ненавиждя рода человека Болеславу лукавая в сердце его и наусти его на брата своего, яко же и окаяннаго Святополка, иже совеща злое на братию свою в сердцы своем. "Избю, рече, братию свою и прииму¹³ власть един в Русеи земли". А не ведяще отмщения божия, яко слуги божия не туне меч носит, но в погибель нечестивым. Тако и тии злии советницы диаволи, иже совещаша злая в сердцих своих со Болеславом на блаженнаго князя Вячеслава» [21, с. 62, л. 102об.–103]. Если в борисоглебской агиографии (в «Сказании о Борисе и Глебе») Святополк был неявным образом уподоблен Болеславу (Борис, вспоминая мучеников, принявших смерть от родственников, упомянул и Вячеслава¹⁴), то теперь уже, наоборот, Болеслав соотносен со Святополком, имя которого стало прецедентным¹⁵.

Таким образом, фигура правителя-мучителя в древнерусской словесности была достаточно цельной, но различались модели поведения жертвы по отношению к нему в зависимости от того, был он иноверцем или христианином. Принципиальное отличие помимо краткого приятия смерти, о чем пишет А.В.Каравашкин, заключалось в том, что о единоверцах

¹³ Вариант: «изби братию свою и примь» [27, с. 24].

¹⁴ См. [2, с. 334].

¹⁵ См. об этом подробнее [18].

жертвы молятся. Так, в «Сказании о Борисе и Глебе» приведено предсмертное обращение Бориса к Богу, относящееся к убийцам: «И не постави им, Господи, грѣха сего, нъ приими въ мирь душу мою» [2, с.336]. А юный Глеб перед убийством произносит: «спасися и ты, брате и враже Святопѣлче» [2, с.342]. Аналогичные реплики есть и в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора: «Нъ, Владыко, отдай же имъ грѣховъ» (Борис) [7, с. 11, л. 99в]; «яже творяща (вариант: творящимъ. – А.Р.) прости» (Глеб) [7, с. 13, л. 101в].

Следующий шаг действительно сделал князь Андрей Курбский, опознавший в преступных казнях, совершавшихся Иваном Грозным, свидетельство отпадения царя от Христовой веры. Начальные строки Первого послания князя Андрея «Царю, от бога препрославленному, паче же во православии пресветлу явившуся, ныне же грех ради наших сопротивным обретеся. Разумеваяя да понимает, совесть прокаженну имуще, якова же ни в безбожных языцех обретается» (текст первой редакции) [14, с.7, л.5], как давно заметили В.Б.Кобрин и Я.С.Лурье, содержат обвинение в вероотступничестве: «Выражение "сопротивным обретеся" заключало в себе, очевидно, обвинение в отступничестве от православия» [11, с.382, прим.17].

Для понимания автором послания преступлений царя Ивана очень значимо именование казенных вельмож «силными во Израиле» [7, с.7, л.5об.]. В «Изложении пасхалии» (1492) митрополит Зосима прославлял великого князя Ивана III как «новаго царя Константина новому граду Константину – Москве», при этом в большинстве списков Константинополь именовался «новым Иерусалимом» [20, стб.799, 798; 22, с.60, 59]. Этот вариант, по-видимому, более ранний, чем другой, в котором Царьград назван более привычно «новым Римом»¹⁶. Таким образом «в "Изложении о пасхалии" митрополит Зосима проводил мысль о духовной преемственности России от мировых религиозных центров – Иерусалима и Константинополя» [5, с.63]. По мысли Б.А. Успенского, «в качестве нового Рима Константинополь воспринимался как столица мировой империи, в качестве нового Иерусалима – как святой, теократический город. Обе эти идеи оказываются актуальными для русского культурного сознания – обе они находят воплощение в осмыслении Москвы как "нового Константинополя". Существенно при этом, что Москва сначала понимается как новый Иерусалим, а затем – уже на этом фоне – как новый Рим, т.е. теократическое государство становится империей (а не наоборот!)» [23, с.87]. При этом идея «Москва – новый Иерусалим» заключала в себе эсхатологический смысл: Москва, Россия соотносились не только с историческим

¹⁶ См. [22, с.54–55]. См. также [5, с.60–61].

земным Иерусалимом, но и с Небесным Иерусалимом Откровения Иоанна Богослова¹⁷. Русские государи строили «свое государство как обиталище Нового Израиля, Нового богоизбранного народа» [25, с.67].

Перифраза князя Курбского «сильные во Израиля» несла серьезный смысл: русский царь, истребляющий воевод – своих неповинных слуг в преддверии, возможно, близкого Конца света, соотносился не только с нечестивыми царями Израиля и Иудеи, но и с антихристом, оказываясь если не его манифестацией, то служителем. Эта перифраза повторена в конце послания, она замыкает текст Курбского в семантическое кольцо. Показательно в связи с этим упоминание о некоем царском советнике – слуге антихриста, завершающее послание князя: «Слышах от священных писаний, хотящая от дьявола пущенна быти на род кристьянский прогубителя¹⁸, от блуда зачатого богоборнаго Антихриста, и видех ныне сигклита, всем ведома, яко от преблужения рожден есть, иже днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду, и выгубил уже сильных во Израили, аки делом Антихристу: не пригоже у тебя быти таковым потаковником, о царю!» [14, с.9, л.8об.]¹⁹. Если считать, что последние строки послания «В закони господни в первом писано: "Моавитин и аммонитин, и выблядок до десяти родов во церков божию не входят" и прочая» [14, с.9, л.9] относятся не только или вообще не к этому «сигклиту», но и к самому венценосному адресату²⁰, то получается: царь Иван как зачатый от блудодеяния непосредственно уподоблен князем Андреем рожденному от блуда антихристу; Иван превратил «новый Израиль» в «антихристово царство», в подобие ада²¹ или в «новый Вавилон». Князь Андрей Курбский уличает царя, отплатившего верным воеводам черной неблагодарностью и предавшего казням безвинных, в том, что

¹⁷ Обоснование этой мысли см. в работе [23, с. 88–94].

¹⁸ В списках также встречаются (помимо явно ошибочного «трогубителя») «погубителя» и «губителя». См. [14, с. 355].

¹⁹ О различных лицах из окружения царя, которых мог подразумевать князь Андрей, см. [11, с. 379–380].

²⁰ Так, В.Б. Кобрин и Я.С. Лурье посчитали, что Курбский подразумевает незаконнорожденность царя, оценивая его брак с Еленой Глинской как недействительный по каноническим правилам; позднее он именно так трактовал его в «Истории о великом князе Московском». См. [11, с.380]. Высказывалось и соображение, что автор послания намекает на то, что отцом Ивана был не Василий III, а князь Иван Овчина Телепнев-Оболенский.

²¹ Ср. в связи с этим слова из Третьего послания Курбского Ивану Грозному. Обращаясь к царю, автор послания пишет: «затворил еси царство Руское, сиречь свободное естество человеческое, аки во аде твердыни» [14, с. 110, л. 146]. Курбский подразумевает конкретную ситуацию – закрытие российских границ, из-за чего он не мог своевременно отослать свой текст царю. Однако в контексте всего произведения и переписки в целом это сравнение приобретает особенный смысл.

он впал в «небытную ересь»: «Сия ли нам, бедным, воздал еси, всеродно погубляя нас? Али ты безсмертен, царю, мнишися, и в небытную ересь прельщен, аки не хотя уже предстати неумытному судие, надежде христьянской, богоначальному Исусу, хотящему судити вселенней в правду, паче же не обинуяся прегордым гонителем и хотяще истязати их до влас прегрешения их, яко же словеса глаголют. Он есть – Христос мой, седяще на престоле херувимстем одесную величества в превысоких, – судитель межу тобою и мною» [14, с. 7, л. 6].

В своих инвективах Курбский, очевидно, ориентировался на модель обличения грехов властителя, представленную в Ветхом Завете. Так пророк Нафан обличил царя Давида, обрешшего на смерть Урию Хеттеянина, чтобы завладеть его женой Вирсавией (2 Цар. 11–12). Аналогичный новозаветный сюжет – история Иоанна Крестителя, осудившего тетрарха Ирода Агриппу за сожительство с женой брата (Мф. 14: 1–12; Мк. 6: 14–29; Лк. 9: 7–9). Результаты обличительных проповедей были различными: Давид покаялся и был прощен Богом, а Ирод по настоянию супруги предал Иоанна смерти. Обличения такого рода были крайне жесткой, радикальной формой совета-наставления, призванного направить грешника на путь истинный. Древнерусским образцом для обличения согрешившего правителя могло быть поведение Феодосия Печерского по отношению к князю Святославу, изгнавшему из Киева старшего брата и узурпировавшему его власть: «Тѣгда же отць нашъ Феодосій, напълнивсья Святаго Духа, начать того обличати, яко неправдѣно сътворивъша и не по закону съдѣша на столѣ томъ, и яко отця си и брата старѣйшаго прогнѣвъша. То же тако обличаше того, овѣгда епистолия пиша, посылааше тому, овѣгда же вельможамъ его, приходящемъ къ нему, обличаше того о неправдѣнѣмъ прогнѣннѣи брата, велѣя тѣмъ повѣдати тому. Се же и послѣже въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличая того и глаголя: "Гласъ крѣве брата твоего вопиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина". И инѣхъ многихъ дрѣвнѣнихъ гонитель, и убойникъ, и братоненавидѣникъ приводя, и притѣчами тому вся еже о немъ указавъ и тако въписавъ, посѣла. И яко тѣ прочѣе епистолию ту, разгнѣвася зѣло, и яко львъ рикнувъ на правдѣнааго, и удари тою о землю. И якоже отътолѣ промѣчеся вѣсть, еже на поточение осужену быти блаженому. Тоже братия въ велицѣ печали быша и моляху блаженааго остатися и не обличати его. Тоже такоже и от боярѣ мѣнози приходяще повѣдахуть ему гнѣвъ княжѣ на того суцѣ и моляхуть ѥ не супротивитися ему. "Се бо, – глаголааху, – на заточение хочеть тя посѣлати". Си же слышавъ блаженный, яко о заточении его рѣша, възрадовася духѣмъ и рече къ тѣмъ: "Се бо о семь

вельми ся радую, братие, яко ничьсоже ми блаже въ житии семь: еда благодатьство имѣнию лишение нудить мя? Или дѣтий отлучению и сель опекалуеть мя? Ничьсоже от таковыхихъ принесохомъ въ миръ съ, нъ назиродихомъся, такоже подобаеть намъ нагомъ проити от свѣта сего. Тѣмже готовъ есмь или на съмърть". И оттолѣ начатъ того укарятн о братоненавидѣнии, жадааше бо зѣло, еже поточену быти» [2, с.420]. Хотя готовность преподобного пострадать от князя мотивирована в Житии Феодосия стремлением подражать Христу, целью составления укоризненной «епистолии» являлось все же не мученичество адресанта, а исправление адресата. Роль советников правителей, но уже без суровых обличений, позднее принимали в своих посланиях Иосиф Волоцкий и старец Филофей. Иван Грозный в конечном счете своим ближним людям в праве такого совета-наставления отказал, о чем как будто бы свидетельствует судьба протопопа Сильвестра и Алексея Адашева и безусловно – участь митрополита Филиппа²².

Позиция князя Курбского иная. В идеале он видит праведного, «правильного» царя внимающим урокам и мыслям благих советников, и именно открытость добрым советам, а не какие бы то ни было политические институты, ограничивающие власть монарха, понимается им как условие, препятствующее превращению самодержца в тирана. В книге А.В.Каравашкина это прекрасно показано. Однако по отношению к Ивану Грозному князь Андрей выступает в роли не советчика, пусть и непрощеного, а обличителя абсолютного зла, исправить которое невозможно. Фактически Курбский в своем обличении поступал так, как действовали мученики перед лицом мучителя. Не случайна потому реакция царя, начавшего свой ответ своего рода вероисповедной формулой, удостоверяющей его православию. Затем самодержец прибегнул к аргументу *ad hominem*, уличая противника в непоследовательности и нравственной несостоятельности: почему, если беглец-изменник считает преданных царем мучениками, а его мучителем, сам он не решился предстать перед мучителем и сподобиться мученического венца? Курбского, переадресуя обвинение по принципу «сам таков», он обвиняет в еретичестве и вероотступничестве, ибо тот изменяет православному самодержцу – «иконе Бога». А критерии, посредством которых князь оценивает деяния и персону царя, его противник считает неудобоносимым, «неподъемным» бременем для любого смертного и потому еретическими. Как убедительно продемонстрировал А.В.Каравашкин в другой главе, «не отказывая себе в естественной слабости, "играх" и греховности, присущей любому смертному, он видит "ересь" Курбского в попытке подняться над человеческим естеством.

²²Ср. [12, с.195–196].

От государя князь требует исключительной чистоты, что противоречит самой идее дуализма самодержавной власти, соединяющей небесное и земное, а от преступников и неверных слуг – несвойственной им роли обличителей, судей и даже наставников, что, разумеется, Иван IV отвергал, считая подобного рода концепцию проявлением настоящего церковно-государственного отступничества» [10, с.308].

Так идея о конвенциональных моделях позволяет проследить динамику представлений о власти в Древней Руси и образов, в которых эти представления воплощались в словесности. Это лишь один из аспектов книги А.В.Каравашкина, способной быть стимулом для различных наблюдений, догадок и трактовок.

Библиографический список

1. Барац Г.М. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе памятниках древнерусской письменности. Берлин: [Б. изд.], 1924. Т.П: О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских. 263 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т.1: XI–XII века. 543 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т.2: XI–XII века. 555 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т.6: XIV – середина XV века. 583 с.
5. Витлин В.Э. В поисках идеала: представления о власти государя в русской публицистике первой трети XVI в. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2001. 400 с.
6. Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подг. Л.А.Ольшевская и С.Н.Травников; отв. ред. А.С.Демин. М.: Наука, 1999. 496 с. (Серия «Литературные памятники»).
7. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И.Абрамович. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1916. XXIII+204 с. (Памятники древнерусской литературы. Вып.2).
8. Каравашкин А.В. Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории XI–XVII вв. // Россия XXI. 2006. №4. С.62–109.
9. Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.). 2-е изд., доп. М.; СПб., 2018. 720 с.
10. Каравашкин А.В. Власть в средневековой Руси. Смысловые уровни полемических текстов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 382 с.
11. Кобрин В.Б. и Лурье Я.С. Комментарий // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я.С.Лурье и Ю.Д.Рыков; отв. ред. Д.С.Лихачев. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1979. С.377–413.
12. Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.

13. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л.: Художественная литература; Ленингр. отд-ние, 1971. 414 с.
14. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я.С.Лурье и Ю.Д.Рыков; отв. ред. Д.С.Лихачев. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1979. 431 с. (Серия «Литературные памятники»).
15. Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С.Лихачева; пер. Д.С.Лихачева и Б.А.Романова; под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. Ч. 1: Текст и перевод. 406 с. (Серия «Литературные памятники»).
16. Ранчин А.М. Памятники Борисоглебского цикла: Текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 512 с.
17. Ранчин А.М. К интерпретации небиблейских паремийных чтений Борису и Глебу: образ Святополка Окаянного // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. №3. С.83–94.
18. Ранчин А.М. Каин и Святополк: прецедентные имена в древнерусской культуре // Россия XXI. 2021. №1. С. 136–147.
19. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Ред.: С.А.Семячко, Т.Р.Руди. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С.59–101.
20. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1880. Т.6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: (Памятники XI–XV в.). XX с.+930 тб.+316 стб.+70 стб.
21. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., коммент. и пер. А.И.Рогова; отв. ред. В.Д.Королюк. М.: Наука, 1970. 127 с. (Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»).
22. Тихонюк И.А. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. М.: Институт истории АН СССР, 1986. С.46–61.
23. Успенский Б.А. «Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – третий Рим» // он же. Избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С.83–123.
24. Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.
25. Филюшкин А.И. Титулы московских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.
26. Острозька Библия / Опрацював та приготував до друку ерм. архимандрит др. Рафаїл (Роман Туркуняк). Львів: Українське біблійне товариство; Благодійний фонд «Книга», 2006. 1957 с.
27. Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile / Uspořádal J. Vajs. V Praze: Nákladem České akademie věd a umění v Praze, 1929. 149 s.

При всех превратностях
судьбы самое большое
несчастье – быть счастливым
в прошлом.

Аниций Манлий Боэций

Жизнь коротка, но слава
может быть вечной.

Марк Цицерон

Николай Митрофанов

**БЕЛО-ЧЕРНЫЙ
СЕРИАЛ
ИЗОБРЕТАТЕЛЯ
ЛЬВА ТЕРМЕНА**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
929

В основу текста положены воспоминания автора о личной встрече летом 1971 года с Л. Н. Терменом – физиком, изобретателем, музыкантом, разведчиком. Автор раскрывает некоторые подробности состоявшегося тогда разговора с легендарной личностью, в биографии которого до сих пор немало «белых пятен».

The text is based on the author's memories of a personal meeting in the summer of 1971 with L. N. Termen – physicist, inventor, musician, intelligence officer. The author reveals some details of the conversation that took place then with the legendary personality, in whose biography there are still many “blank spots”.

Ключевые слова: русская радиотехника; первые электромузыкальные инструменты в России; Л.С.Термен в США и СССР.

Key words: russian radio engineering; the first electric musical instruments in Russia; L. S. Termen in USA and USSR.

E-mail: waterloo@yandex.ru

**По дорогам войны, революции
и воспоминаний о Великой
Музыке**

Что мог мне рассказать этот человек, родившийся еще в XIX веке, которого я стал искать, почти не надеясь набрести на его следы? В первую очередь, разумеется, то, как на его глазах развивалось русское радио, первые шаги которого я начал с интересом изучать по архивным документам еще в 1960-х годах, а он на собственной учебно-военной практике полустолетием раньше. Мне было известно, что он стал элитным специалистом радиотрадиции еще до революции, в 1916 году, окончив Офицерскую электротехническую школу в Петрограде – главный военный вуз, готовивший высококвалифицированные кадры для армии и флота. Спрос на них в его время все больше возрастал в связи с расширением боевых действий Первой мировой войны, установлением новых радиоконтактов стран Антанты между собой и Северной Америкой.

Финальная часть моей эпопеи поисков Льва Термена в мире ушедших за горизонт знаковых фигур русского радио началась с загадки, мелькнувшей словно невзначай в советской научно-популярной периодике. В журнале «Наука и жизнь» появилась небольшая статейка какого-то не обремененного учеными степенями Л.Сергеева, явно неплохо осведомленного о редких событиях далекого прошлого российской радиосвязи. Через известных мне специалистов-историков удалось прояснить удивительную истину: таинственный Сергеев на самом деле и есть Лев Сергеевич Термен, которого я пытался искать! Узнав его адрес, я наступал ему на пишущей машинке короткое письмо с вопросами о работе когда-то знакомой Льву Сергеевичу самой мощной в России Царскосельской радиостанции, чьим передатчиком, по моим данным, он заведовал до ликвидации ее в 1919 году. Откликнется или нет? Шло время, но адресат с ответом почему-то не спешил. А тем временем мое досье на него продолжало пополняться... [7, с.23–24]

Термен стал довольно быстро известен в первые постреволюционные годы оригинальными электротехническими исследованиями и изобретательскими идеями создания экспериментальных образчиков «радио-музыкальной аппаратуры». Мир жаждал новизны технических достижений, экстравагантных внедрений их в культуру и искусство. Лев Термен чувствовал это с необычайной остротой.

Лев Сергеевич Термен

Сохранилась петроградская афиша столетней давности, красноречиво свидетельствующая, как он в этом начинал участвовать. Итак, Петроград, 1922 год...

Вторник 19 декабря
Один вечер Л. С. Термена
РАДИО – МУЗЫКА

Вновь изобретенный музыкальный инструмент
Демонстрация Л. С. Терменом изобретенного им прибора в действии
Исполнение целого ряда музыкальных произведений.

Поистине уникальное его выступление такого новаторского формата широко прогремело в Москве почти годом ранее – осенью 1921 года. Будучи одним из докладчиков на 8-м Всероссийском электротехническом съезде, он поразил тогда его делегатов, заседавших в знаменитой Большой аудитории Политехнического музея, завершением своего научного выступления о значении катодных реле эффектным концертным номером. Сойдя с ораторской трибуны, он тут же блестяще исполнил

на недавно изобретенном им устройстве несколько знаменитых произведений композиторов Сен-Санса, Минкуса и Массне!

Столица не преминула воспользоваться сенсационным новшеством эпохи. В марте 1922 года было организовано даже его выступление в Кремле перед главой правительства В.И. Лениным. Броские афиши стали регулярно оповещать об оригинальных концертах петроградского изобретателя и маэстро, работающего в новом, неслыханном прежде жанре «РАДИО-МУЗЫКИ». Авторитетная газета «Известия» провозгласила появившийся благодаря ему радиомузыкальный прибор «Терменвоксом», подчеркнув, что он достоин чести называться отныне «Голосом Термена»!

Пресса начала 1920-х годов довольно часто теперь упоминала имя изобретателя и физика Льва Термена с весьма лестными для него эпитетами и метафорами. «Изобретение Термена – музыкальный трактор, идущий на смену сохе», – однажды с восторгом было сформулировано печатью. Его лекции-концерты явно рассматривались тогда не в качестве обыкновенной пропаганды электромузыки, время которой еще не пришло, а как пропаганда всероссийской электрификации.

Лев Сергеевич стал безоговорочным лидером среди исполнителей музыкальных композиций на «терменвоксе». Выступления бывшего офицера собирали большие аудитории его преданных поклонников. Никто из них не догадывался, что подспудно возникла угроза продолжению этой деятельности – Термен серьезно увлекся экспериментами по созданию приборов «дальновидения», попутно занимаясь к тому же оборудованием по своим проектам охранной сигнализации на ряде важных гособъектов. Его как многообещающего научного сотрудника Физико-технического института весьма ценил академик А.Ф. Иоффе, под директорским руководством которого он с начала 1920-х годов работал и продолжал свое образование, прерванное когда-то уходом на военную службу.

Париж ради его концерта отменяет оперу!

Летом 1927 года Термен оказался на Международной музыкальной выставке во Франкфурте-на-Майне, которая была первой масштабной попыткой показать, что значит в европейской послевоенной действительности неумирающее искусство музыки. Советскую Россию вместе с Терменом там представляли популярные исполнительницы и коллекционеры русских народных песен Ирма Яунзем и Ольга Ковалева, квартет Московской консерватории, пианист Самуил Фейнберг. Большой фурор в Берли-

не, Гамбурге, Нюрнберге, Дрездене вызвали выступления солирующего Термена. Сейчас трудно установить с точностью, какие оркестры были его партнерами при появлении на публике. Профессионалов-музыкантов потрясала непонятность – откуда идет звук, извлекаемый исполнителем? Восторженные комментаторы творчества Термена рождают немислимые ранее определения: «музыка сфер», «музыка эфирных волн»... Всех поражает волшебство тембра музыки Термена, одновременно напоминающего и о звучании струнных инструментов, и о звучании инструментов духовых. Что еще более изумляет – это порой возникающий с нарастающей энергией из запредельных далей человеческий голос! Критики отмечают: «Идея виртуоза не скована инертным материалом», «Он затрагивает само пространство» и т. д. [1]. Терменвокс некоторые рецензенты именуют небесным инструментом, и даже «сферофоном»!

Русский изобретатель и музыкант покори́л Европу и Соединенные штаты

Очень впечатляюще написал о творческом буме маэстро Термена, прогремевшего своими выходами на парижскую публику, известный московский журналист Ефим Зозуля. Говоря о жизни Льва Сергеевича, нельзя пройти мимо цитирования этого фрагмента-эссе.

Я узнал из трехколонных заголовков в газетах, что в Гранд-Опера будет демонстрироваться гениальное изобретение инженера Термена, – писал Ефим Зозуля. – Эпитет «гениальное» чередовался со словами «чудо природы». Парижские старожилы вряд ли припомнят случай, чтобы для кого бы то ни было и по какому бы то ни было поводу отдавалась Гранд-Опера. Консерватизм этой Гранд-Опера, начиная с содержания опер, таков, что наш Большой театр можно считать резвым и молодым, почти юношеским учреждением. И вот эта самая Гранд-Опера отменяет оперу и отдает вечер какому-то Термену – советскому гражданину...

То, что я слышал в Гранд-Опера, незабываемо. Бывали моменты, когда весь огромный зал с всеми своими ярусами стихийно испускал возгласы изумления и восторга, и в общем гуле я слышал и свой голос, который также стихийно вырывался и из моей груди.

...Я слушал Термена как раз накануне отъезда из Парижа, и почти всю дорогу, нанизываясь на стук вагонных колес, звучали в моих ушах отдельные напевы извлеченной человеком из воздуха величественной симфонии мира.

Следующие блистательные приемы ждали Л.С.Термена в туманном Альбионе, в том числе в лондонском Альберт-холле, затем слава его перелетела Атлантику, где терменвокс был впервые ярко представлен публике в Метрополитен-опера Хауз в Нью-Йорке. Оригинальному событию в феврале 1928 года посвятила статью газета «Новое русское слово», положив

Афиша выступления Л.С.Термена
в Париже 8 декабря 1927 г.

начало освещению в американской прессе подобных эпатажных выступлений маэстро в Карнеги-холле и прочих американских культурных центрах в Чикаго, Детройте, Филадельфии, Кливленде, Бостоне. Немало людей загорелось в эти дни желанием немедленно обучиться игре на терменвоксе!

На «Маджестике» через Атлантику

В канун 1930 года океанский лайнер «Маджестик» доставил Льва Сергеевича в США после продолжительного пребывания его на родине, где он получал «необходимые инструкции». Инструкции были достаточно обширны, поскольку теперь Термен отправлялся в заморские края надолго и с непривычными для него функциями. В московском офисе военной разведки решили изящно приспособить спонтанно возникшую советскую музыкальную знаменитость к добыванию ценной технической информации оборонного значения. Конспиративность миссии изначально была хороша: гастрольные поездки позволяли Термену посещать отдаленные места, прежде недосягаемые для советских охранительных органов. Сам он, человек с прекрасной научно-технической подготовкой, прозорливец и выдумщик, способный догадаться о многом, что попробуют скрыть от него бдительные хранители секретов... Начав выступать со своим электронным детищем, он заинтриговал музыкальную общественность, которая размечталась о перспективах внедрения невиданных синтезаторов (тогда этого слова еще не произносили), которые должны были занять заметное место в различных структурах американской музыкальной культуры. Несколько композиторов, в том числе мировые величины (Леопольд Стоковский, пионеры электронной музыки Эдгар Варез и Богуслав Мартину), включали сольные партии новейшего инструмента в произведения для симфонических оркестров. В современную эпоху число его поклонников пополнилось Жан-Мишелем Жарром – знаменитым продюсером, не раз гремевшим своими мегапремьерами на рубеже XXI века (в частности, в связи с созданием у египетских пирамид масштабного шоу, посвященного празднованию прихода Миллениума)¹.

В городе Желтого Дьявола

Наиболее отважные критики с самого начала предрекали терменвоксу шумный успех у публики, воспитанной на джазе и творчестве его

¹ См. [4, с. 176].

виртуозов, с большим удовольствием применявших любые сверхоригинальные новшества.

Концерты самого Льва Термена приносили ему крупные гонорары. Он с удовольствием пустился на поиски дорогой модной одежды, приобретение нужных и ненужных аксессуаров, купил длинный черный «Кадиллак»...

Вести концертную деятельность в одиночку Термену было трудно. Ему повезло встретить великолепную помощницу – высокоодаренную восемнадцатилетнюю скрипачку Клару Рейзенберг, дочь эмигрантов из России. Вынужденная в это время по нездоровью временно прервать свою карьеру, она блестяще освоила терменвокс и достигла высокого класса игры на нем, что способствовало дальнейшему привлечению внимания к Термену и его деятельности. К огорчению мастера их творческие и романтические отношения были недолги, к Кларе посватался преуспевающий адвокат и импрессарио Роберт Рокмор. Со своей воспитанницей и другом Льву Термену было суждено увидеться лишь через 60 лет...

С напарницей по искусству Кларой Рокмор. Нью-Йорк. 1933 г.

Для организованной им фирмы «Телетач» удачливый искусник из Европы взял в аренду на 99 лет восьмизэтажное здание на Пятьдесят четвертой улице на Манхэттене, где разместились офисы, большая студия,

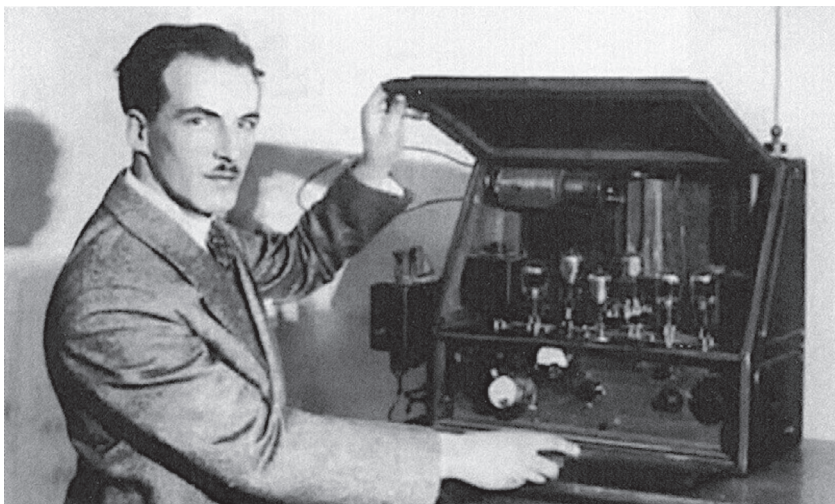
лаборатории и мастерские. На четвертом этаже были роскошные апартаменты самого европейского гостя. Дела у новоявленного капиталиста быстро пошли в гору, его предприятие стало в основном базироваться на заработанных им лично долларах (на банковских счетах Термена, по некоторым оценкам, лежали весомые суммы), что вполне устраивало и его региональных партнеров, и Москву (да и он сам мечтал в конце концов сильно разбогатеть!) Осмотревшись в Штатах, он продал кое-какие свои изобретения и заключил несколько выгодных сделок, что позволило ему уверенно продолжить свою инженерную и производственную деятельность.

Лев Сергеевич появился в Америке с российской женой, однако вскоре их супружеские отношения распались, и через четыре года он зарегистрировал в советском посольстве брак с мулаткой Лавинией Уильямс – танцовщицей первого негритянского балета. «Мы прожили вместе счастливые дни», – скажет потом Термен мне, а потом и интервьюирующему его с моей подачи московскому журналисту Дмитрию Лиханову [2].

Танцует Лавиния Уильямс. 1937 г.

По дошедшим свидетельствам, популярность Термена сблизила его с рядом очень богатых людей из кланов Форда, Рокфеллера, Дюпона. Для желающих освоить входящий в моду терменвокс Термен сам начал проводить «мастер-классы». Его фирменный инструмент тем временем претерпел существенные усовершенствования. Появился «танцевальный терменвокс», на высоте извлекаемых из него звуков сказывались изменения поз и ритм телодвижений танцующих на специальной платформе! Говорят, свой восторг по поводу этой эстетской музыкальной игрушки бурно выражал увидевший ее действие у Термена недавно прославившийся своей шедевральной лентой «Броненосец Потемкин» русский кинорежиссер Сергей Эйзенштейн. Концерты в студии манхэттенского уникального «особняка» Льва Сергеевича посещали такие именитые гости, как Джордж Гершвин, Морис Равель, Иегуди Менухин, Чарли Чаплин, Бернард Шоу... После одного из концертов в салоне произошла встреча Термена с Альбертом Эйнштейном. Тот выразил почтительное желание исполнить на скрипке некоторые из своих любимых композиций под аккомпанемент терменвокса маэстро Термена... Среди гостей не раз был замечен и будущий президент США Дуайт Эйзенхауэр.

Лев Термен в амплуа американского суперинженера, предпринимателя и музыканта

Импульсивная атмосфера небывалого «электронного» искусства, стихия случайных и неслучайных контактов талантливейших людей XX ве-

ка в особняке таинственного европейца вдохновила чешского драматурга Петра Зеленки на создание пьесы о неожиданных гранях американской поры жизни Термена – музыканта, бизнесмена, изобретателя и разведчика. В 2006 году спектакль по ней был поставлен в пермском театре «У Моста». Ряд фрагментов генеральной репетиции чудом сохранились в интернете!²

**Наша встреча
в Политехническом музее**

Куда в конце 1920-х годов исчез Лев Термен? В СССР об этом доподлинно знали лишь немногие, как принято говорить, – лица компетентные.

Разыскивая старых специалистов радио, я только через сорок лет вдруг случайно стал понимать, что этот легендарный человек находится где-то рядом со мною! Заслуги моей в этом было не так много.

В тот день, 7 июля 1971 года, в моем рабочем кабинете заведующего Отделом печати Всесоюзного общества «Знание», в офисе на втором этаже 8-го подъезда Политехнического музея, вдруг без стука отворилась дверь и на пороге появился весьма пожилой человек с толстущим коричневым портфелем. Когда он назвал себя, я чуть не подпрыгнул от восторга: ко мне входила собственной персоной живая история Науки и Техники и еще много чего, о чем в тот момент я и малейшего представления не имел! Посетитель снял кепку, пригладил рукой полуседую шевелюру и поискал взглядом, куда пристроить свою явно тяжелую поклажу. Поскольку в этот момент я с двумя коллегами находился в окружении многих стопок книг завершаемого нами конкурса научно-популярной литературы, я предложил Льву Сергеевичу перейти со мной в какое-нибудь свободное помещение. Самое лучшее было всего в двадцати метрах от нас. Пройдя по коридору Правления Общества, мы вошли через служебный проход в просторный вестибюль Большой аудитории Центрального лектория и выбрали для общения подходящий удобный диван. Лев Сергеевич был доволен, здесь никто не стал бы нам мешать беседовать в эти нерабочие часы лектория, к тому же тут была комфортная прохлада.

Но главным волнующим обстоятельством явился внезапный сюрприз – гость оказался в ауре известного ему минувшего времени! Он, конечно же, не забыл, как здесь впервые выступал ровно 50 лет назад со своим юным терменвоксом!.. На мою реплику о тех давних днях съезда электрификаторов удовлетворенно кивнул, улыбнувшись.

² См. [6].

Для начала я поведал Льву Сергеевичу, что недавно вернулся из командировки в северную столицу. Во время пребывания там (17 июня) я побывал вместе с сотрудником питерского музея связи, старым моряком и меломаном Владимиром Александровичем Броневицким (между прочим, дядей Эдиты Пьехи), в Пушкино на заросшей бурьяном территории старинной Царскосельской станции и собрал там, наверное, последние обломки ее керамических плиток, армированных стекол, изоляторов... От исторической поры русского радио разговор наш в несколько коротких прыжков одолел расстояние в пару десятилетий и уперся в другую тему. Что все-таки потом затормозило появление Л. С. Термена в зоне публичности?

Но сначала все-таки о том, какой нарисовалась для меня эта шокирующая неожиданность нашего внезапного контакта.

Мой собеседник стал лаконично обозначать направления некоторых былых своих «занятий» в Европе и Северной Америке. Аккуратно подбирал слова и четко расставлял акценты.

– Как это вы запропастились в нашем мире? – начал я было говорить, еще с некоторым затруднением осваивая факт, что ко мне явился не призрак, а именно тот Лев Термен, которого потеряли из вида два поколения его современников.

– Много где надо было побывать, – отшутился гость. Видно было, что смутить его неожиданным вопросом не получится. С нескольких беглых штрихов описания первых дней в красной Москве, уцелевших в памяти (хоть и сильно потускневших от времени) чувств радости и недоумения Лев Сергеевич повел свой рассказ о прошлом.

Откровенно поведал о жене-негритянке, поразив меня этой информацией чрезвычайно. Тут я живо почувствовал характер настроения моего собеседника на предстоящий разговор. Он пришел рассказать мне то, что прежде ему возбуждалось открывать по установкам службы, которой он отдал значительный отрезок своего заокеанского времени! Догадаться, почему ему приходилось раньше поступать осмотрительно – не трудно.

Было любопытно услышать о ключевых событиях его житья-бытья до той поры, пока в пакгауз ленинградского порта не переместились американские сокровища терменовского акционерного общества «Телетач» вместе с «сорвавшимся» с служебного кресла его учредителем. А начался драматичный эпизод в его жизни осенью 1938 года, когда Лев Сергеевич, погрузив в зафрахтованный пароход скопище тщательно отобранных заморских измерительных приборов, радиодеталей, электротехнических устройств и прочего специфического добра, отправился

в Европу. Однако весь «товар» весом в несколько тонн вскоре оказался... в Ленинграде. Встреча щедрого представителя Дяди Сэма была здесь, однако, на удивление прохладной. Дабы разобраться, что это за интрижки вменяются в его карьеру, Термен помчался на «Красной стреле» в Москву...

Живя под грузом многих поставленных секретчиками ограничений, Термен, может быть, сам что-то даже забыл (а что-то уснастил и фантазией!) Все это тонкая материя. Перепроверить такого суперосведомленного собеседника архисложно, если вообще возможно... Но слушать его было крайне интересно – еще бы! Все это произносилось именно для меня!

Рандеву перед Бутырьками

Прибыв в СССР, Лев Сергеевич пытался разными способами напоминать о себе советским инстанциям и важным фигурам вплоть до наркома К. Е. Ворошилова. Однако в атмосфере растворенного в обществе страха перед репрессиями он все больше ощущал вокруг себя ледяную отчужденность. В самом начале 1939 года факт его возвращения все-таки заинтересовал каким-то образом службистов, близких к только что назначенному главе внешней разведки Владимиру Деканозову (Деканозишвили). Встреча с фаворитом ближайшего бериевского окружения, устроенная на фоне непрекращающихся «чисток» силовых кадров режима, не могла означать ничего хорошего. Но разве смог бы Термен уклониться от лицемерия могущественного шпионского начальства? Ему оставалось только надеяться на удачу, которая его до тех пор не покидала...

Лев Сергеевич был ошарашен потоком грубой брани, которую представитель верховной власти обрушил сразу на его голову, обвиняя в плохой работе за рубежом, профессиональной несостоятельности и других смертных грехах. 10 марта 1939 года Термена арестовали. Он был обвинен в принадлежности к фашистской организации (ст. 58 п. 1а, п. 4). Но не сумев подвести под расстрел, тройка НКВД его выкинула на 8 лет в лагерь ГУЛАГа на Колыму.

Бригадир-зек на золотых приисках «солнечного» Магадана

«Там было очень тяжело, – говорил он мне, – но я кое-что придумал для облегчения труда нашей бригады и досрочного выполнения ею норм. Мы стали каждый день отгружать вместо одной до трех по-

ложенных по наряду объемов золотоносной породы. А значит и получать три пайки! Когда через несколько месяцев в НКВД решили меня «выдвинуть», точнее переместить в Москву, в ЦКБ-29 (по-простецки, в «шарашку») известного авиаконструктора А. Н. Туполева, бригада тяжело это переживала... Я был ее талисманом, от моего изобретательского амплу зависело, как долго удержатся на этом свете мои несчастные магаданские зеки...»

«Шарашка»: тысячи амплу и лауреатство Термена

При этих словах Лев Сергеевич придвинул к себе портфель и стал извлекать из него разной величины пластинки текстолита и плексиглаза, обрезки листового дюралюминия, какие-то части детских наборов «Конструктор».

Вот сегодня купил в «Детском мире», – объяснял он мне. – В этом магазине на Лубянке для юных умельцев замечательные полуфабрикаты собираются. Мне как изобретателю все нужное удастся найти. Я тут часто бываю. В следующий раз тоже к вам в Политехнический загляну...

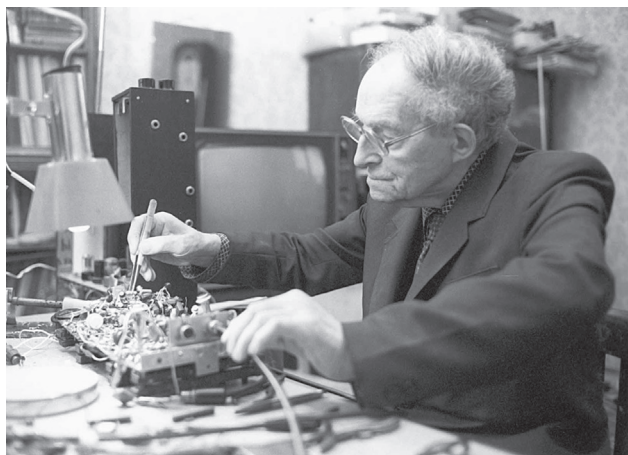
Я изобретаю всю жизнь, – продолжал он. – У Туполева мне довелось работать рядом с будущим Генеральным конструктором космической техники Сергеем Павловичем Королевым, другими учеными-новаторами, например, с Павлом Николаевичем Куксенко, работавшим над первым образцом советского радиолокатора. Не берусь судить, что у меня между делом хорошо получалось, какие вспышки догадок вдруг приводили к серьезным результатам. Некоторые «вещи» рождались по специальным импульсам, по каким-то заданиям. Когда был заключенным – в той же туполевской, свердловской или ленинградской «шарашке». Вот так получился «Буран» – система бесконтактного прослушивания телефонных разговоров. Иосиф Сталин удостоил меня за нее своей закрытой премии 1-й степени. Лауреату такого ранга полагалась в этом случае кроме большой денежной суммы отдельная квартира. Двухкомнатная и с мебелью! Я ее получил в центре Москвы. Об этом мало кто знает. Кстати – что очень важно было для меня – я одновременно вышел на свободу...

Парадокс: избавившись от присутствия за спиной конвоя, Лев Сергеевич оставался на работе в той же самой «шарашке»! И задания были стопроцентно похожие – из тех же серий секретных разработок в интересах разведки.

Подумывая, как обустроить теперь свою личную жизнь, он, по-видимому, первоначально имел какие-то планы вернуть в нее Лавинию Уильямс, которую ему обещали в сентябре 1938 года переправить вслед за ним в СССР. Ее желание воссоединиться с Л.С.Терменом вылилось 1944 году в неожиданное письменное обращение в советское консульство в Нью-Йорке. Однако дорогу американке – жене советского гражданина – перекрыли в сталинском внешнеполитическом ведомстве. Известен текст некоей служебной записки, вышедшей из-под пера члена его коллегии Петра Струнникова. В документе сообщалось, что ходатайство Лавинии о приеме в гражданство СССР сочтено целесообразным отклонить «ввиду того, что она родственно с Советским Союзом не связана и полезной для нашей страны быть не может».

Радикально измениться личной жизни Термена суждено было опять неожиданным путем. Встреченная им в Москве вскоре после освобождения красавица Мария Гущина, бывшая на 25 лет его моложе, приняла предложение маэстро и лауреата стать его женой. В 1948 году у них родились дочери-близнецы – Наталья и Елена Термен.

Оказавшись в свободном полете над просторами советской гражданской жизни, но будучи связанным ограничениями «неразглашения» всего увиденного и пережитого за два последних десятилетия, Термен вел себя скромно и непритязательно. Работал по совместительству в нескольких местах (семья не должна нуждаться!) – в Институте звукозаписи, в Московской консерватории.

Лев Сергеевич Термен

Секретный профессор музыки

В Московской консерватории Термен с удовольствием занялся усовершенствованием и изготовлением запроектированных им в домашних условиях электромузыкальных инструментов. Заодно возвратился к восстановлению в памяти и некоторых американских своих работ, кое-какие закрепляя в виде макетов. Мир, казалось, забыл о нем. В западных справочниках последним рубежом его жизни указывали 1938 год. Он о себе продолжал помалкивать по известным причинам [3, с. 30]. Однако предписанная немота вдруг прервалась в 1967 году самым скандальным образом. Его узнал приехавший в командировку в столичную консерваторию музыкальный критик Гарольд Шонберг. Сенсационная новость слетела со страниц газеты «Нью-Йорк Таймс» и на Москву обрушился поток писем бывших его друзей и поклонников, с ним пожелали встретиться корреспонденты западной прессы. Такое внимание «буржуазного мира» к безвестному сотруднику советского учреждения культуры консерваторское начальство встретило с крайним негодованием (да, видимо, и не только оно!). Термена моментально убрали с глаз долой, лишив его возможности продолжать эксперименты, завершить начатые дела. Его наброски, инструментарий и элементная база бесследно исчезли.

Здесь следует напомнить о факте последнего яркого контакта Л.С. Термена с Америкой. В 1991 году, будучи в почтенном возрасте (95 лет!), он посетил Соединенные Штаты по приглашению Стенфордского университета в сопровождении дочери Натальи и внучки Ольги. Во время этого визита состоялась встреча маэстро с его давней партнершей и музой Кларой Рокмор.

В Московской консерватории Термен с удовольствием занялся усовершенствованием и изготовлением запроектированных им в домашних

условиях электромузыкальных инструментов. Заодно возвратился к восстановлению в памяти и некоторых американских своих работ, кое-какие закрепляя в виде макетов. Мир, казалось, забыл о нем. В западных справочниках последним рубежом его жизни указывали 1938 год. Он о себе продолжал помалкивать по известным причинам [3, с. 30]. Однако предписанная немота вдруг прервалась в 1967 году самым скандальным образом. Его узнал приехавший

Это было странное чудо – он вернулся!

ТЕРМЕН – читай наоборот!

Спикировав, как изобретатель, на проблему долголетия, он шел через ее дебри, прокладывая свою тропу. Рассчитывал с уверенностью жить до ста лет, уверовав в магический смысл сочетания букв своей фамилии: «ТЕРМЕН – читай наоборот – получится НЕ МРЕТ». Особенно был удовлетворен выводами собственных исследований по фильтрации и очистке крови. Со своими проектами по омоложению человеческого организма он отправился в высокие советские структуры, рассчитывая на помощь во внедрении добытых результатов. Поход по чиновничьим кабинетам глубоко разочаровал старого ученого. «Там сказали, – рассказывал он, – что нам нужно прокормить население, а не продлять ему жизнь».

Кто-то из пытавшихся потом анализировать биографию Л.С.Термена напишет, что о нем немало сказано, но мало что доподлинно известно. Действительно, взвешенно судить о степени документированности разного рода «джеймсбондовских» сочинений или изложений – всегда трудная проблема, тут ничего не поделаешь. Им свойственно причудливое соединение правды и вымысла.

К сожалению, и фильмы о Льве Термене, появившиеся после его «рассекречивания», в силу разных причин не дают представления, адекватного масштабу этой уникальной Личности. Судя по всему, это – дело будущего...

Библиографический список

1. Борисов В.П. Эхо будущего, звучащее из прошлого. Невероятная судьба Льва Термена // Природа. 1999. №2. С.122–128.
2. Кочик В.Я., Лурье В.М. ГРУ. Дела и люди. СПб.: Нева М; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 639 с.
3. Лиханов Д. «Я подслушивал Кремль» // Совершенно секретно. 1991. №4.
4. Митрофанов Н.Н. Жизнь в мавзолеях мифов // Россия XXI. 2017. №6. С.176–188.
5. Митрофанов Н.Н. Новая роль российского радио в 1917 году // Российская история. 2018. №3. С.59–76.
6. Он-лайн репетиция спектакля «Термен» (Театр «У Моста»). – [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dmArm-7xMaA> (дата обращения: 1.02.2022).
7. Юровский А. От первых опытов – к регулярному телевидению. 1905–1957 // Очерки по истории российского телевидения / гл. ред. Егоров В.В. М.: Воскресенье, 1999. С.17–66. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД.

«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д.22/21, стр.1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

Отчет об использовании имущества Фонда за 2021 год

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- добровольные пожертвования,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки от предпринимательской деятельности составила 3022 тыс. рублей. Добровольные пожертвования составили 5650 тыс. рублей, вступительных и иных взносов не поступало. Расходы по предпринимательской деятельности составили 2476 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 109 тыс. рублей. В 2021 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

***Памяти
Виктора Леонидовича
Малькова***

*(2 ноября 1930 –
15 ноября 2021)*

Российская историческая наука и наш журнал понесли тяжелую утрату – не стало Виктора Леонидовича Малькова. Ушел последний из славной плеяды отечественных историков послевоенного поколения, которые в советское время закладывали основы исторической американистики. Они первыми начали осваивать американские архивы и браться за большие научные проблемы; их отличали энтузиазм первопроходцев и ощущение общего дела, принадлежности к создававшемуся тогда профессиональному сообществу историков-американистов.

Виктор Леонидович занимал особое место в этой когорте, прежде всего – благодаря постоянно расширявшемуся кругу его научных интересов и исследовательского инструментария. Начав с истории рабочего движения США и реформ «нового курса», он перешел к углубленному изучению внешней политики Ф.Рузвельта во время Второй мировой войны, а затем – к истории советско-американских отношений этого периода. А его поздние фундаментальные монографии посвящены превращению Америки в мировую державу и переплетению судеб США и России в XX веке, взятых в широком социокультурном контексте.

Но научные горизонты В.Л.Малькова не ограничивались одной американистикой. Он был одним из крупнейших отечественных специалистов в области историографии, методологии и теории ис-

тории, истории международного рабочего движения и международных отношений XX века. Виктор Леонидович внес существенный вклад в разработку ряда теоретических проблем и исследовательских направлений исторической науки, включая компаративистские исследования по истории социальных движений в новейшее время и дипломатическую историю мировых войн XX века.

Все эти работы отмечены неповторимыми особенностями мальковского стиля: тонкостью, глубиной и нюансировкой анализа первоисточников (прежде всего архивных документов), вниманием не только к глубинным тенденциям, но и личностям, чувством эмпатии к исследуемому объекту, тщательностью литературной отделки и широчайшей эрудицией.

В.Л. Мальков оставил яркий след как большой организатор науки, преподаватель и наставник, умевший разглядеть таланты и помочь им раскрыться. Человек редкой доброты и порядочности, такта и дружелюбия в общении с коллегами – таким запомнится Виктор Леонидович всем, кому посчастливилось его знать и работать с ним. Нам посчастливилось...

*Друзья,
Редколлегия,
Редакционный совет*

**Публикации В.Л.Малькова
в журнале «Россия XXI»**

1997

1. Хотел ли Сталин развязать третью мировую войну?
Прогноз Густава Хильгера, май 1951 г. №7-8
2. Атеросклероз и политика №7-8

1999

3. Генри Л.Стимсон: сочинение на тему «Как остановить фашизм» №2
4. Империя. Не республика №4

2000

5. 1945: как понимали в Америке национальный интерес №6
6. Последние дни Третьей республики во Франции.
Свидетельство очевидца №3

2001

7. Вхождение в ядерную эру №1
8. Переписка Д.Д.Шостаковича с американцами. Год 1942 №6

2003

9. Неизвестный Кеннан. Заметки о морфологии мышления дипломата №4
10. Шаги командора: от континентализма к мессианскому империализму янки №6

2004

11. Шаги командора: от континентализма к мессианскому империализму янки (окончание) №1

2005

12. Невыдуманная история начала II Мировой войны: Советский Союз и мир в 1939–1940 гг. глазами эксперта Госдепартамента США №3

2006

13. Прибалтийский узел. 1939–1940 гг. (По материалам американских архивов) №3

2007

14. Холодная война: истоки и уроки. Опыт интерпретации №2, №3

2008

15. Эволюция имперского мышления и ядерной политики США №2, №3

2009

16. Америка: повторение пройденного? №3

2010

17. P.S. К истории жизни президента США Франклина Д.Рузвельта №3

2011

18. «Дневник» профессора А.М.Шлезингера как источник по истории холодной войны №3

2012

19. Американские документы №2
20. «Социализм» по-американски. К истории создания администрации долины реки Теннесси №5

2013

21. «Только лично и конфиденциально». Американские дипломаты об истоках и тайных пружинах мировой катастрофы 1938–1939 годов №3
22. Рузвельт – Литвинов. Две встречи в Белом доме с интервалом в восемь лет №5

2014

23. «Я испробовал вино смерти, и его вкус навсегда останется у меня на губах» №4

2015

24. «Челночная дипломатия» Гарри Гопкинса. К истории письма И.В.Сталину №3

2016

25. Атомное оружие – детонатор холодной войны. 2 проекции №5, №6

2019

26. «Кислотный тест» для дипломатии США. Президент В.Вильсон и его консулы ищут решение «русской дилеммы» №6

2020

27. «Кислотный тест» для дипломатии США. Президент В.Вильсон и его консулы ищут решение «русской дилеммы» (окончание) №1

Наши авторы

Эйриян Вартан Арсенович

Студент магистратуры 1 курса МГИМО,
факультет «Международные отношения»

Татаринов Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г.Луганск, ЛНР/УКРАИНА

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор
МГИМО-Университета МИД России

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Черникова Наталья Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

Морозова Алла Юрьевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук, профессор, кафедра истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, почетный профессор Шанхайского педагогического университета

Митрофанов Николай Николаевич

кандидат исторических наук, член редколлегии
Московской энциклопедии, действительный член
Академии русской словесности

Our authors

Eiriyán Vartan Arsenovich

1-year master's student Department of international relations,
Moscow State University of International Relations

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Associate Professor, Ph.D., historian, Associate Professor of the
Department of State Policy, Vladimir Dahl Lugansk State University,
Lugansk, Lugansk People's Republic / Ukraine

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems
and Regional Security, Professor of Moscow State Institute
of International Relations–University

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism,
Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities,
leading researcher of the Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Chernikova Natal'a Vladimirovna

Ph.D., historian, research fellow of the Institute of Russian History,
the Russian Academy of Sciences

Morozova Alla Yur'evna

Ph.D., historian, Research Fellow, Institute of Russian history
of Russian Academy of Sciences

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Professor Chair of Early and Early
Modern Russian History, Russian State University for Humanities

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor, Chair of History of Russian Literature,
Philological Faculty of Moscow State University, Honorary Professor
of Shanghai Pedagogical University

Mitrofanov Nikolai Nikolaevich

Ph.D., historian, associate editor of the Moscow encyclopedia,
full member of the Academy of Russian Literature

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2022.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 28.02.2022. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 13 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

1.2022 january-february

Geopolitics and International Policy Issues

Vartan Eiriyanyan

The Minsk Pendulum: the Implications
of 2020 Belarus Presidential Election _____ 6

Theory and Practice of the Political Games

Igor' Tatarinov

To the Question “on the Transfer of the Crimean
Region to the Ukrainian SSR in 1954” _____ 24

Pages of History

Vladimir Degoev, Irina Stamova

From the Diplomatic History of the Great
Northern War: The Braunschweig Congresses
of 1713–1714 and 1719–1721 _____ 46

Oksana Kiyanskaya

“People of the Twenties”:
to the Family History of the Decembrists
Matvey and Sergey Muravyov-Apostol _____ 72

Natal'a Chernikova

Masters of Legislative Technique:
the State Chancellery and its Staff _____ 100

Alla Morozova

A.A.Bogdanov and the Group “Working Truth” _____ 118

Labels and Myths

Andrey Yurganov

On the Perception and Broadcast of Stalin's
First Ideological Campaign in the Satirical
Magazine “Krokodil” (1928) _____ 136

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Ranchin

About Andrey Karavashkin's New Book:
Some Reflections _____ 166

Resources of Nation

Nikolai Mitrofanov

White-and-Black Series
of the Inventor Lev Theremin _____ 182

РОССИЯ XXI